СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

В. И. Телятников

УБЕЖДЕНИЕ СУДЬИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В работе исследуются методологические и теоретические основы деятельности судьи в процессе осуществления правосудия по уголовным и гражданским делам. Раскрывается правовое содержание понятия внутреннего убеждения судьи. Рассматриваются вопросы соотношения данного понятия и производимой на его основе оценки доказательств. Исследуются этические проблемы формирования убеждения судьи. Книга будет полезна судьям, адвокатам, а также широкому кругу юристов.

- Владимир Иванович Телятников
  - ○
  - ○ Введение
  - ○ Глава 1
    - ■ 1.1. История возникновения и развития понятия «внутреннее убеждение судьи»
    - ■ 1.2. Содержание понятия «внутреннее убеждение судьи»
  - ○ Глава 2
    - ■ 2.1. Внутреннее убеждение судьи как элемент правоотношения
    - ■ 2.2. Внутреннее убеждение судьи и реализация принципов процессуального права
    - ■ 2.3. Содержание решения суда и внутреннее убеждение судьи
  - ○ Глава 3
    - ■ 3.1. Правосознание судьи и разграничение психологических и правовых оснований его деятельности
    - ■ 3.2. Нравственность и внутреннее убеждение судьи
  - ○ Заключение
  - ○ Литература
  - ○ Приложение
    - ■ Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»
      - ■
      - ■ Статья 1. Судьи – носители судебной власти
      - ■ Статья 2. Единство статуса судей
      - ■ Статья 3. Требования, предъявляемые к судье

- Статья 4. Требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ)
  -
  - Статья 4.1. Медицинское освидетельствование претендента на должность судьи (введена Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ)
- Статья 5. Отбор кандидатов на должность судьи
- Статья 6. Порядок наделения судей полномочиями (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ)
  -
  - Статья 6.1. Порядок наделения полномочиями и прекращения полномочий председателей и заместителей председателей судов (введена Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ)
  - Статья 6.2. Полномочия председателей и заместителей председателей судов (введена Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ)
- Статья 7. Исключена. – Федеральный закон от 21.06.1995 № 91-ФЗ
  - Статья 7.1. Исполнение обязанностей судьи (введена Федеральным законом от 21.06.1995 № 91-ФЗ)
- Статья 8. Присяга судьи
- Статья 9. Гарантии независимости судьи
- Статья 10. Недопустимость вмешательства в деятельность судьи
- Статья 11. Срок полномочий судьи (в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ)
- Статья 12. Несменяемость судьи
  -
  - Статья 12.1. Дисциплинарная ответственность судей (введена Федеральным законом от 15.12.2001

№ 169-ФЗ)
- Статья 13. Приостановление полномочий судьи (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ)
- Статья 14. Прекращение полномочий судьи (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ)
- Статья 15. Отставка судьи
- Статья 16. Неприкосновенность судьи (в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ)
- Статья 17
- Статья 18
- Статья 19. Материальное обеспечение судей
- Статья 20. Меры социальной защиты судьи и членов его семьи
- Статья 20.1. Поддержание уровня квалификации, необходимого для осуществления полномочий судьи (введена Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ)
- Статья 21. Символы судебной власти
- Статья 22. Действие законодательства Российской Федерации о труде в отношении судей (введена Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ)

- Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»
  -
  - Глава I. Судейское сообщество в Российской Федерации и органы судейского сообщества
    - Статья 1. Судейское сообщество в Российской Федерации
    - Статья 2. Судья – член судейского сообщества
    - Статья 3. Органы судейского сообщества
    - Статья 4. Основные задачи органов судейского сообщества
    - Статья 5. Принципы организации и деятельности органов судейского сообщества

- Статья 6. Всероссийский съезд судей
- Статья 7. Конференции судей субъектов Российской Федерации
- Статья 8. Формирование советов судей
- Статья 9. Совет судей Российской Федерации как орган судейского сообщества
- Статья 10. Полномочия советов судей
- Статья 11. Формирование квалификационных коллегий судей
- Статья 12. Общие собрания судей судов
- Статья 13. Срок полномочий выборных органов судейского сообщества
- Статья 14. Регламенты работы органов судейского сообщества
- Статья 15. Запросы, обращения и решения органов судейского сообщества и срок их рассмотрения
- Статья 16. Взаимодействие органов судейского сообщества

- Глава II. Полномочия квалификационных коллегий судей
  - Статья 17. Полномочия Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации
  - Статья 18. Президиум Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации
  - Статья 19. Полномочия квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации
  - Статья 20. Пересмотр решений по вновь открывшимся обстоятельствам
- Глава III. Производство в квалификационных коллегиях судей
  - Статья 21. Порядок рассмотрения квалификационными коллегиями судей представленных материалов
  - Статья 22. Особенности рассмотрения представлений и обращений о совершении судьей

дисциплинарного проступка
- Статья 23. Порядок принятия решений квалификационными коллегиями судей
- Статья 24. Протокол заседания квалификационной коллегии судей
- Статья 25. Сроки рассмотрения материалов квалификационными коллегиями судей
- Статья 26. Обжалование решений квалификационных коллегий судей

- Глава IV. Обеспечение деятельности органов судейского сообщества
  - Статья 27. Организационное обеспечение деятельности органов судейского сообщества
  - Статья 28. Финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности органов судейского сообщества
- Глава V. Заключительные положения
  - Статья 29. Порядок вступления в силу настоящего Федерального закона

- Кодекс чести судьи Российской Федерации
  -
  - Статья 1. Общие требования, предъявляемые к судье
  - Статья 2. Правила осуществления профессиональной деятельности судьи
  - Статья 3. Внеслужебная деятельность судьи
  - Статья 4. Ответственность судьи за нарушение требований настоящего Кодекса

- Об авторе

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183

- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227

- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271

- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315

- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352

Владимир Иванович Телятников
Убеждение судьи

ASSOCIATION YURIDICHESKY CENTER
Judicial Practice

V. I. Telyatnikov
JUDGE'S CONVICTION

Saint Petersburg
R. Aslanov Publishing House
"Yuridichesky Center Press"
2004

Редакционная коллегия серии «Судебная практика»
Р. М. Асланов (отв. ред.), *П. А. Лаптев* (отв. ред.), *Ю. Ю. Берестнев, В. М. Волженкина, С. А. Ворожцов, Г. А. Гаджиев, И. В. Елисеев, В. Н. Епифанова, С. М. Казанцев, А. И. Ковлер, Л. О. Красавчикова, В. Ф. Попондопуло, М. де Сальвиа, А. П. Сергеев, В. И. Телятников*

Editorial Board of the Series "Judicial Practice"
|P. *M. Aslanov* | (managing editor), P *A. Laptev* (managing editor), *Yu. Yu. Berestnev, V. M. Volzhenkina, S. A. Vorozhtsov, G A. Gadzhiev, I. V. Eliseev, V. N. Epifanova, S. M. Kazantsev, A. I. Kovler, L. O. Krasavchikova, V. F. Popondopoulo, M. de Salvia, A. P. Sergeev, V. I. Telyatnikov*

The work deals with methodological and theoretical fundamental principles of judge's activity in the process of administration of justice in criminal and civil cases, expounds legal content of the concept of inner conviction of a judge, deals with the issues of correlation of the concept in question and evaluation of evidence made on its basis, examines ethic problems of the formation of judges conviction.

The book will be useful for judges, attorneys, and a wide circle of lawyers.

© V I. Telyatnikov, 2004
© R. Aslanov Publishing House "Yuridichesky Center Press", 2004

Введение

Конституция Российской Федерации в главе 7, посвященной судебной власти, провозглашает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.

Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Человек, его права и свободы объявляются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Конституция закладывает ряд конституционных принципов формирования судебной системы и осуществления судебной власти. Она разделяет государственную власть на три самостоятельные ветви: законодательную, исполнительную и судебную.

Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Разделение власти гарантирует, что при возникновении в одной из ветвей власти явлений, противоречащих Конституции и искажающих общественные отношения, вмешательство других ветвей власти устранит отрицательные явления.

В соответствии с Конституцией РФ судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Судьи – носители судебной власти. Принцип независимости судебной власти и судей является основополагающим конституционным принципом. Без независимости судебная власть не сможет выполнить свою основную функцию в форме правосудия и обеспечить защиту прав, свобод и интересов граждан.

Для обеспечения защиты граждан суд должен применить закон в строгом соответствии с Конституцией, для чего необходимо беспристрастно установить фактический состав правоотношений, определить закон, подлежащий применению, и правильно применить закон в соответствии с целями, установленными Конституцией, и интересами граждан, подлежащими защите.

Независимость судьи гарантируется предусмотренной процедурой осуществления правосудия, специальным порядком назначения судей, запретом под угрозой ответственности вмешиваться в деятельность судей, специальным порядком прекращения полномочий судей, правом судьи на отставку, неприкосновенностью судьи, созданием органов судейского

сообщества, стабильным социальным и материальным обеспечением судьи согласно его высокому статусу.

Финансирование судов производится только из федерального бюджета, что также является важнейшей гарантией независимости и беспристрастности судей.

Судопроизводство осуществляется на началах равенства сторон и состязательности; в случаях, предусмотренных законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей.

Конституционные принципы правосудия нашли развитие в Федеральном Конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации», Законе Российской Федерации «О статусе судей в РФ», Федеральных законах «Об органах судейского сообщества в РФ», «О мировых судьях в Российской Федерации», «О судебном департаменте при Верховном суде Российской Федерации».

История развития, становления судебной власти в Российской Федерации и проблемы ее функционирования стали предметом рассмотрения в научных и популярных работах. К проблемам судебной власти обращаются философы, политологи, социологи, психологи, юристы. В комплексных исследованиях разрабатываются проблемы управления судебной системой в условиях реального действия принципа независимости судей. Судейское сообщество принимает активное участие в научной разработке проблем судебной власти и практической деятельности по реализации принимаемых законов, что обеспечивает высокий уровень соответствия научных знаний реальным общественным отношениям в сфере правосудия.

Следует отметить, что в структуре права действуют два вида норм – материальные и процессуальные.

Нормы материального права обеспечивают возникновение, развитие и прекращение правоотношений.

Процессуальные нормы определяют механизм правоприменения в случае отклонения от установленного правом порядка реализации материальных норм права. Само по себе провозглашение прав человека и его свобод высшей ценностью не свидетельствует о реальном обеспечении их защиты правовой системой страны.

Развитие прав и свобод человека и их правовой защиты никогда не проходило гладко, без борьбы. Отмена крепостного права в России в 1861 г. вызвала к жизни судебную реформу. Однако Судебные уставы 1864 г. и судебная реформа встретили в России серьезное противодействие со стороны отдельных слоев общества и власти. Вместе с тем независимо от имевшей место в

дореволюционной процессуальной литературе идеализации Судебных уставов необходимо подчеркнуть главный принцип, внесенный пореформенным судом в социальную жизнь общества, – принцип равенства перед законом и судом. Законодатель отказался от формальной теории доказательств и ввел в процесс принцип состязательности и принцип свободной оценки доказательств на основании внутреннего убеждения судьи. Была провозглашена независимость судьи и суда, несменяемость судей. Появился институт мировых судей.

Вместе с тем суд присяжных не был введен на всей территории Российской империи. Введение суда присяжных по делам, связанным с государственными преступлениями, было признано неэффективным. Указы от 9 августа 1878 г. и 8 апреля 1879 г. дела о государственных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления отнесли к подсудности военно-окружных или временных военных судов, создаваемых каждый раз по указанию генерал-губернаторов и штаб-офицеров в данном округе войск. Процесс ограничения судопроизводства по Уставам 1864 г. получил название контрреформы, когда законодательные акты основывались на критике новых правил судопроизводства.

Созданные в ходе судебной реформы 1864 г. суды действовали до 1917 г., когда Декрет о суде № 1 постановил упразднить существующие общие судебные установления, которые заменялись судами, образуемыми на основании демократических выборов. Уничтожалась судебная система, изгонялись старые кадры юристов, поскольку суд должен был действовать на основе революционного правосознания.

В новых условиях отрицалась концепция разделения властей и независимой самостоятельной судебной власти. После октября 1917 г. возникла конструкция государственной власти, которой была присуща диктатура единовластия общественных интересов, поглощающих права личности. Принцип публичности в деятельности суда стал основополагающим и приоритетным перед частными интересами граждан, которые подчинялись общественным, а последние охранялись уголовным правом. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела, став одним из основных принципов судопроизводства, обеспечили высокую эффективность мер как уголовно-правового принуждения, так и вмешательства государства в частную жизнь граждан в сфере гражданского судопроизводства, поскольку полностью распространялись и на стадию рассмотрения дела судом, который был включен в единую систему государственной власти. Более того, в рассматриваемый

период суд представлял собой один из органов власти, выполняющий функцию подавления сопротивления незначительного меньшинства населения, связанного с институтом частной собственности, который по принятой доктрине государственного строительства порождал эксплуатацию человека человеком.

Отрицалось старое право и провозглашалось создание нового, социалистического права, на что и была направлена последующая деятельность правовой науки, достигшей серьезных успехов в раскрытии закономерностей развития правовой системы страны и разработке правовых средств достижения поставленных целей в сфере общественной и экономической жизни.

Вместе с тем необходимо отметить, что государственная система, получившая название административно-командной, обеспечивалась правом, основанным на его материалистическом понимании, когда публичное право полностью поглощало право в сфере частных интересов граждан. Само материалистическое понимание содержания нормы права как отражения действительности, установленной в целях достижения общественных интересов, в реальной жизни разрешало охрану идеальных представлений об устройстве общества и государства.

Конституция Российской Федерации 1993 г. провозгласила, что Россия есть демократическое, федеративное, правовое государство.

Обращение к идее правового государства было естественным в процессе проходящих в стране реформ.

Доктрина правового государства требует изменения всей правовой системы России, в которую должно органично войти процессуальное законодательство и формируемая система судопроизводства.

Происходит не просто смена концепций процессуального права, а изменение доктрины процессуального регулирования общественных отношений.

Отказ от принципа всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела судом в целях достижения истины, понимавшейся на отдельных этапах развития процессуального права как истины абсолютной, достижение которой относилось к такому пониманию критерия истины, как внутреннее убеждение судьи, поставил перед наукой права сложную теоретическую и практическую проблему, связанную с процессом доказывания в суде по уголовным и гражданским делам в условиях реальной состязательности, и проблему понимания достигаемого знания как истины абсолютной, объективной, относительной или юридической. Более того,

изменение механизма правового регулирования в условиях приоритетного обеспечения свобод и прав личности невозможно без изменения механизма применения норм процессуального права, что требует фундаментального преобразования процесса. При этом такое преобразование может быть основано только на глубоком знании институтов и понятий доказательственного права в российском судопроизводстве. Доказывание и его проблемы будут актуальными, пока функционирует суд. От результатов доказывания в суде прямо зависят выводы по принимаемому судом решению и эффективность деятельности судебной системы. При этом именно исследование развития доказательственного права в разных условиях социально-экономического развития страны, когда результат использования методов регулирования судопроизводства известен по результатам деятельности суда, позволяет сделать выводы о реальной эффективности доказательственного права.

«Регулирование доказательств в трех процессуальных отраслях права (гражданском процессуальном, арбитражном процессуальном, уголовно-процессуальном), а также в институтах и нормах материального права ставит вопрос о сходствах, отличиях и их причинах.

В итоге это вопрос о месте доказательственного права в системе права в целом»[1].

Без знания закономерностей процессуальной деятельности в сфере доказывания, условий правового регулирования этой деятельности и условий деятельности участников процесса едва ли возможно достижение целей судебной реформы на практике.

Провозглашение в концепции судебной реформы 1991 г. важности для общественной жизни независимого суда, свободного от корыстных интересов и политических симпатий, выступающего гарантом законности и справедливости, играющего для государства такую же роль, как совесть у человека, еще не свидетельствует о появлении именно такого суда и судей, способных осуществлять правосудие с учетом требований, предъявляемых к ним обществом, которое само еще только пытается стать гражданским и демократичным.

В этих условиях роль судьи, и прежде всего судьи профессионального, в сфере деятельности суда общей юрисдикции становится исключительно значимой, поскольку в условиях разделения властей на три ветви судья становится носителем судебной власти, непосредственно выполняющим государственные функции.

Проблемы доказательств и вопросы оценки доказательств активно разрабатывались и разрабатываются в науке права.

Обширная литература посвящена теоретическим и практическим вопросам оценки доказательств. Однако вопросы, связанные с субъективной деятельностью судьи в процессе, формирующей его внутреннее убеждение, понятие внутреннего убеждения и вопросы правовых связей внутреннего убеждения с деятельностью участников процесса по доказыванию обстоятельств дела и оценке доказательств остаются дискуссионными. Дискуссии вызывают как система принципов процесса, так и принцип независимости судей, принцип оценки доказательств на основании внутреннего убеждения судьи и понимание сущности оценки доказательств.

Указанные обстоятельства определили актуальность исследования содержания философско-правового понятия внутреннего убеждения судьи в процессе судопроизводства.

Автор предпринял исследование проблем, связанных с понятием «внутреннее убеждение судьи» и формированием внутреннего убеждения судьи профессионального, занимающего ключевое положение в судопроизводстве. При этом принимается во внимание, что положения Конституции Российской Федерации о самостоятельности судебной власти и осуществлении правосудия только судом придают особую значимость деятельности судьи при рассмотрения дела, завершающей для всех стадий досудебного процесса движения уголовного дела и судебного разбирательства по делу гражданскому. Каждое из собранных обвинением и защитой доказательств в уголовном процессе будет проверено судом на предмет их относимости, допустимости, достоверности и достаточности в условиях состязательного процесса, оценено на основании внутреннего убеждения судьи, опирающегося на собранные по делу доказательства.

В соответствии с требованиями ст. 67 ГПК РФ суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. Суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности.

Поэтому разработка теоретических и методических рекомендаций, которые позволят выявить сущность внутреннего убеждения судьи, сформулировать его определение и установить пределы содержания исследуемого понятия, позволит повысить эффективность применения норм процессуального права.

Достижение поставленных целей невозможно без изучения

связей исследуемого понятия с понятиями и институтами процесса, которые становятся проблемными для формирования убеждения судьи. Оценка доказательств по внутреннему убеждению производится всеми участниками процесса. Сущность и содержание внутреннего убеждения не могут не являться единым понятием для всех участников процесса.

С учетом целей исследования автором были поставлены следующие задачи:

– теоретически осмыслить сущность внутреннего убеждения судьи прежде всего с позиции правового содержания этого понятия.

– дать определение понятия «внутреннее убеждение», что позволит теоретически разработать вопросы соотношения понятия «внутреннее убеждение» и производимой на его основе оценки доказательств.

– определить место понятия «внутреннее убеждение» в механизме процессуального правоприменения.

– проанализировать принципы судопроизводства и определить связь принципа независимости судьи в процессе с принципом оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи.

– рассмотреть этические вопросы формирования убеждения судьи и связь убеждения судьи с правосознанием.

Предметом исследования явились закономерности процессуальной деятельности судьи суда общей юрисдикции в рамках механизма применения процессуального права, правовой системы и правового положения судьи в соответствии с законодательством о статусе судьи.

Объектом исследования явились законодательство и практика судопроизводства в период со времени введения в судебный процесс принципа свободной оценки доказательств на основании внутреннего убеждения судьи. При этом в целях раскрытия содержания понятия автор использовал в качестве эмпирического материала теоретические и практические работы в области теории доказательственного права и теории доказательств. При этом учитывалось, что результаты исследования, достигнутые в разные годы авторами, имевшими различный подход к содержанию исследуемого понятия и разрешению проблем доказательственного права и доказывания в процессе, позволят выделить признаки понятия «внутреннее убеждение судьи», соответствующие его реальному содержанию.

Поскольку в работе исследуются методологические и теоретические основы деятельности судьи в процессе осуществления правосудия по уголовным и гражданским делам,

то в целях обеспечения полноты и достоверности автор исходит из диалектического подхода к исследуемым понятиям и явлениям с современной интерпретацией теоретико-познавательного процесса. Использованы элементы сравнительно-исторического, сравнительно-правового и формальнологического методов исследования.

Теоретической базой исследования явились труды:

С. С. Алексеева, Н. Г. Александрова, В. Д. Арсеньева, В. И. Баскова, М. И. Барщевского, В. К. Бабаева, А. Р. Белкина, В. П. Божьева, А. Д. Бойкова, В. Ф. Бохан, В. В. Вандышева, А. М. Васильева, С. И. Викторского, Л. Е. Владимирова, А. Я. Вышинского, В. Гессен, Ю. И. Гревцова, Н. А. Громова, М. М. Гродзинского, Ю. М. Грошевого, К. Ф. Гуценко, А. А. Давлетова, В. Г. Даева, В. С. Джатиева, Джаншиева, Т. Н. Добровольской, В. Я. Дорохова, А. П. Дудина, А. В. Дулова, В. В. Ершова, З. З. Зинатуллина, О. С. Иоффе, В. П. Казимирчук, Л. М. Карнозовой, М. П. Карева, Н. М. Кипнис, Н. П. Кирилловой, Л. Д. Кокорева, А. С. Кобликова, Н. М. Коркунова, Ю. В. Кореневского, Г. П. Корнева, Н. М. Кропачева, Н. Н. Крыленко, С. В. Курылева, В. А. Лазаревой, А. М. Ларина, П. А. Лупинской, В. О. Лучина, В. З. Лукашевич, П. И. Люблинского, Е. Г. Мартынчик, Е. Б. Мизулиной, И. И. Мухина, Я. О. Мотовиловкера, Лайоша Надя, В. Р. Навасардян, В. П. Нажимова, Ю. К. Орлова, И. Л. Петрухина, И. Д. Перлова, С. В. Познышева, Н. Н. Полянского, Н. В. Радутной, В. Д. Рахунова, И. В. Решетниковой, Г. М. Резник, В. И. Розина, В. А. Рязановского, В. М. Савицкого, В. А. Случевского, В. А. Спасовича, М. С. Строговича, П. С. Стучки, Ю. Г. Ткаченко, М. К. Треушникова, А. И. Трусова, В. Т. Томина, Ф. Н. Фаткуллина, И. Е. Фарбера, Г. С. Фельдштейна, И. Я. Фойницкого, Л. С. Халдеева, Юджина Хаске, А. М. Чельцова-Бебутова, Н. А. Чечиной, М. П. Шаламова, М. Л. Шифман, С. Д. Шестаковой, П. С. Элькинд, Р. Х. Якупова и других ученых, а также научные работы по философии права, методологии права, истории уголовного процесса.

Автор исходит из концепции, что понятие внутреннего убеждения судьи сформировалось в процессе деятельности судьи в сфере правосудия по познанию обстоятельств разрешаемого судом дела и является необходимым условием разрешения дела в соответствии с материальным и процессуальным законом. Научное исследование понятия и его восприятие обыденным сознанием человека на уровне здравого смысла не меняют содержания понятия, являющегося необходимым условием правового мышления и правового сознания участников судопроизводства. Н. М. Коркунов писал: «Из всех отраслей науки именно в правоведении с особенной силой чувствуется

потребность в обобщающей системе. Дело в том, что мы вовсе не можем наблюдать право в его целом. Небесный свод с его звездами или тело животного мы прежде всего воспринимаем как одно целое, и только научный анализ научает нас видеть в них сложный агрегат множества отдельных элементов. Не так в праве. Тут непосредственному наблюдению доступны лишь отдельные законы да отдельные юридические сделки, и только с помощью научного синтеза мы соединяем эти отдельные элементы в целостное представление юридического порядка, права, как особого фактора общественной жизни»[2].

Процедура разрешения спора различна у разных народов, и она находится в постоянном движении, поскольку изменение общественных отношений заставляет менять процессуальные нормы. Однако законодатель не успевает за происходящими изменениями. Такие изменения в деятельности по применению материального и процессуального права вызываются или стремительным развитием общественных отношений, или чрезвычайными условиями, требующими временного изменения судебной практики.

Эффективным средством для таких изменений и преодоления возникшей неопределенности правового регулирования и являются такие понятия, как внутреннее убеждение судьи и его усмотрение. При этом в теории права выделяется и усмотрение факта, и усмотрение в сфере толкования закона и аналогии права.

Появление в России работы Аарона Барака «Судейское усмотрение» вызвало опасения в отношении проблемы наличия судебного усмотрения как при применении аналогии права (закона), так и при толковании норм. «Нельзя также не обратить внимания и на “обусловленный как правом, так и жизнью” тезис о необходимости учитывать в случаях, требующих усмотрения, политические факторы. Рецепция этих и некоторых других идей не только не будет способствовать реальному обеспечению принципа независимости суда, но и, что не менее опасно, создаст в судейской среде иллюзию наличия легального судейского правотворчества»[3].

Такой подход представляется вполне обоснованным, если деятельность судьи в процессе длительное время рассматривать с точки зрения чисто материалистического понимания. Судья при таком подходе – только участник деятельности по применению права в сфере публичных отношений, работник суда, но не субъект уголовно-процессуальных и гражданских процессуальных правоотношений.

Изменение статуса судьи в судебной системе Российской

Федерации позволяет рассматривать его процессуальное положение с точки зрения выполнения им непосредственно государственных функций, и, исследуя понятие внутреннего убеждения судьи, автор полагает, что правовая сторона субъективной деятельности судьи может быть раскрыта наиболее полно при применении теории правоотношения. Эта теория позволяет в условиях динамики правовых и общественных отношений, в том числе политических, установить реальное положение судьи в отношении дела, разрешаемого судом. Реальная оценка судьей своего положения как представителя судебной власти и носителя правосудия даст ему ключ как к познанию фактических обстоятельств дела в пределах собранных и представленных доказательств, так и в подходах к выбору и особенностям применения процессуального и материального закона, регулированию коллизионных правоотношений, возникших по делу.

Более того, единое правопонимание как судьями, так и гражданами Российской Федерации статусного и процессуального положения судьи благотворно скажется на правосознании и повысит эффективность правосудия. По глубокому убеждению автора, без такого подхода цели реализации конституционных правоотношений в сфере правосудия и цели судебной и правовой реформы не будут достигнуты длительное время. Выделение нравственных начал в судебной деятельности без создания системы «сдержек и противовесов» нарушениям материального и процессуального права со стороны как участников процесса судопроизводства, так и представителей всех ветвей власти приводит к искажениям в деятельности суда и правовой системы России в целом в условиях разделения права на публичное и частное, когда должен быть достигнут динамический баланс между публичными и частными интересами.

Предлагаемое читателю исследование во многом содержит спорные положения, требующие последующей разработки. Отдельные проблемы обозначены в форме тезисов и носят дискуссионный характер, и если такая дискуссия состоится, то цель настоящей работы автор будет считать выполненной.

Учитывая характер работы, автор исходил из концепции, согласно которой категория субъективного в деятельности судьи рассматривается с точки зрения объективации в принимаемых судьей постановлениях по делу, учете субъективного фактора властью законодательной при принятии и изменении норм процессуального права, учете субъективного фактора в разработке теорий уголовного и гражданского процессов.

Глава 1
Понятие внутреннего убеждения судьи в современном процессуальном праве

1.1. История возникновения и развития понятия «внутреннее убеждение судьи»

Рассмотрение проблем, связанных с формированием убеждения суда в судопроизводстве, прежде всего требует исследования сущности понятия внутреннего убеждения судей, возникающего и формирующегося в процессе рассмотрения конкретных дел и имеющего правовое значение при принятии решения по делу. Кроме того, следует помнить, что понятие «внутреннее убеждение судьи» содержится в норме, регулирующей оценку доказательств судом, а сама оценка доказательств судом по внутреннему убеждению связана как с принципом свободной оценки доказательств, так и с принципом независимости судей.

Если обратиться к истории, то можно обнаружить, что «история уголовного процесса начинается господством в нем частного начала и полным совпадением его с процессом гражданским; усмотрение сторон и формализм разбирательства – его характерные черты. Мало-помалу выясняется и постепенно развивается публичное начало уголовного процесса; он становится делом общественным, государственным, и идея государственности вследствие реакции прежнему строю не только проникает в процесс более и более, но и поглощает все другие: права личности отрицаются в обвиняемом, который становится предметом исследования, подлежащим экспериментам самым суровым во имя государственного интереса (пытка, подследственное задержание, тайна процесса); отрицаются эти права в обвинителе, которого заменяет безличная воля закона, наперед стремящаяся определить движение процесса; отрицаются и в судьях, которые связываются формальной теорией доказательств, этой безличной логикой законодателя; понятие сторон изгоняется из процесса; последний перестает быть живым судебным спором их и превращается в безличное исследование, движущееся волей одного закона; понятие обвинения заменяют поводы возбуждения уголовных дел, обжалование уступает место ревизионному порядку, все участвующие в процессе лица обязываются по долгу службы стремиться к раскрытию материальной истины, достижение которой объявляется государственным интересом».[4]

Поскольку уголовный процесс является урегулированной законом деятельностью органов государственной власти по возбуждению, расследованию уголовных дел и отправлению

правосудия, то и исторически он возник на этапе, когда государство в лице своих органов и должностных лиц начало осуществлять борьбу с преступностью. Уголовный процесс – отрасль права, имеющая свой специфический предмет, метод и объект регулирования.

Возникновение уголовного процесса как формы деятельности государства по борьбе с преступностью связано как с появлением государства, так и с зарождением и развитием права как сложного регулятора социальных отношений в обществе.

Возникновение права и государства вызвало необходимость в их изучении. Такая необходимость повлекла возникновение науки о праве, а наука требует создания учебных дисциплин по познанию накопленных научных знаний.

«Термин уголовный процесс понимается в четырех значениях. Первое значение связано с пониманием уголовного процесса как особого вида государственной деятельности. Второе значение обусловлено тем, что уголовно-процессуальная деятельность, будучи урегулированной правом, имеет в качестве своей правовой основы уголовно-процессуальное право как отрасль российского права в виде совокупности правовых норм, регулирующих указанную деятельность. Третье значение термина – наука уголовного процесса как одна из отраслей юридической науки, представляющая собой систему понятий, представлений, взглядов и идей, раскрывающих сущность уголовного процесса, закономерности его возникновения и развития. В отличие от науки, которая имеет дело с еще непознанными явлениями и процессами, учебная работа студента представляет собой “познание уже познанного”, овладение уже сформированными научными знаниями… ив этой связи необходимо различать уголовный процесс как учебную дисциплину».[5]

«Особо следует отметить взаимосвязь науки гражданского процессуального права с наукой уголовно-процессуального права. Взаимосвязь обусловлена прежде всего тем, что данные науки исследуют разные стороны одного и того же явления… правосудия. Теоретические разработки вопросов о суде как субъекте процессуального права, процессуальных правоотношениях, понятии судебных доказательств и судебного доказывания, порядке судебного разбирательства дел и вынесении судебных постановлений, их законности и обоснованности, обжалования во многом схожи. Это объясняется наличием общих принципов».[6]

Предметом гражданского процессуального права является группа обособленных общественных отношений. «В процессуальной доктрине существует два подхода к определению

предмета гражданского процессуального права: узкий и широкий. Традиционным является узкое определение предмета гражданского процессуального права, в соответствии с которым предмет гражданского процессуального права образует такая совокупность (группа) общественных отношений, которая складывается с участием судов общей юрисдикции. Узость в трактовке предмета гражданского процессуального права проявляется в том, что гражданское процессуальное право рассматривается исключительно как общесудебное право, а гражданский процесс отождествляется с гражданским судопроизводством. Деятельность же таких юрисдикционных органов, как арбитражные и третейские суды, не включается в предмет гражданского процессуального права, потому что. находится за пределами гражданского процессуального регулирования».[7]

Автор настоящего исследования исходит из того, что предметом гражданского процессуального права является совокупность норм, регулирующих деятельность судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских дел.

Рассматривая вопрос об уголовном и гражданском процессах как отраслях права, уместно определить понятие права в его современном представлении.

С. С. Алексеев определяет право как сложное социальное явление, состоящее из трех частей. «Право имеет три образа, в которых оно выступает перед людьми, являясь нам в виде общеобязательных норм, законов, деятельности судебных и иных юридических учреждений – юридических реалий, с которыми сталкивается в своей практической жизни человек; особого сложного социального образования – своеобразного крупного подразделения, подсистемы в обществе, имеющей свою особою природу и логику, – такой же подсистемы, как, например, государство, искусство, мораль; явления мирозданческого порядка – одного из начал и проявлений жизни разумных существ, людей. Юридические реалии постигаются юридическими науками, преимущественно отраслевыми. Право как особо сложное социальное образование – предмет теории права. Смысл и назначение права как мирозданческого явления изучается философией права».[8]

Ж.-Ж. Руссо писал о соотношении права и свободы: «Если кто-либо откажется подчиняться общей воле, то он будет к этому принужден всем организмом, а это означает не что иное, как то, что его силой принудят быть свободным».[9]

Следует отметить крайность этой позиции с точки зрения взаимоотношения личности и общества.

Как писал Гегель в «Философии права», право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли. Тем самым право есть вообще свобода как идея. Человека можно как живое существо принудить, т. е. подчинить власти других его физическую и вообще внешнию сторону, но свободная воля в себе и для себя принуждена быть не может.[10]

В работе «Государство и революция» В. И. Ленин определял право как возведенную в закон волю господствующего класса. [11]

До 1917 г. право определялось как естественное и положительное. Основной целью права ставилась задача соответствия высшему нравственному закону добра. Ценностью в праве ставились естественные права человека, и всякое позитивное право, под которым понималось законодательство, могло претендовать на существование только в том случае, если соответствовало этой цели.[12]

Вместе с тем право рассматривалось как результат власти самодержавного царя. «Право, которое организует судебные места и регламентирует их деятельность, а равно право, которое они применяют, вытекает из того же верховного источника, как и все русское право, то есть из императорской власти»[13]. П. Е. Казанский, цитируя Градовского, обоснованно отмечает, что «отправление правосудия есть, несомненно, не что иное, как один из видов управления, то есть государственной деятельности, направленной на достижение поставленной себе государством цели. Судебное верховенство может принадлежать, конечно, лишь государю императору. Ему же принадлежит и судебная власть, если взять ее в ее широком понимании, в составе всех трех упомянутых выше частей. Судебное верховенство, или верховенство, что касается судебной деятельности, распадается, как сказано, на верховенство, что касается судебного правообразования, и на верховенство, что касается деятельности исполнительной: административной и судебной, то есть отправления правосудия»[14].

Соответственно исследовалась воля самодержца, связывавшаяся с прямым осуществлением им правосудия. В середине XIX в. высказывалась позиция, согласно которой правосудие осуществляется по букве закона, выражая волю законодателя, т. е. судья находился как бы вне дела, и воля монарха, изложенная в законе, применяется в конкретном уголовном деле. «По отношению к судебным местам и лицам уголовно-судебная власть есть право на действия, к которым уполномочила их верховная уголовно-судебная Власть, для исследования преступления, приговора над ним и исполнения его», – писал в 1841 г. автор курса уголовного судопроизводства

Я. И. Барщев.[15] Такое понимание применения права вполне обоснованно, поскольку власть монарха требовала проведения именно его воли в правосудии, а отнюдь не воли судьи как правоприменителя.

Обратимся к исследованию А. С. Алексеева, который писал: «Судебное верховенство в собственном смысле по нашим законам обнимает следующие права: 1) право верховного надзора за отправлением правосудия, 2) суд совершается от имени Императора, 3) император назначает личный состав суда, 5) Государю принадлежит право утверждения некоторых приговоров, 6) Государю же принадлежит право разрешать или не разрешать предать суду лиц первых трех классов».[16]

Обратим внимание на указание об осуществлении правосудия от имени государя императора. В наше время правосудие осуществляется от имени государства, приговор и решение по делу постановляются судом именем Российской Федерации.

Мы отметили, что внутреннее убеждение судьи имеет место тогда, когда производится свободная оценка доказательств судом, когда такая оценка становится принципом осуществления правосудия. Свободная оценка доказательств по внутреннему убеждению суда возникла не сразу, и первое определение такой оценки было дано после Французской революции при принятии Гражданского кодекса Франции 1793 г. В науке и практике уголовного процесса к вопросам оценки доказательств и понятию убеждения судьи, на основании которого производится оценка доказательств, ученые и практики обращались при исследовании норм доказательственного права, процесса доказывания и процессуальных норм, регулирующих деятельность суда по осуществлению правосудия по уголовным делам.

Для понимания сущности такого явления, как внутреннее убеждение судьи в уголовном процессе, на основе которого производится оценка доказательств, представляется необходимым рассмотреть историю развития уголовного процесса и науки уголовного процесса.

«Научная терминология оперирует “формами”, “типами”, “историческими формами”, “видами” и “моделями”, среди которых фигурируют “состязательные”, “розыскные”, “обвинительные”, “тяжебные”, “инквизиционные”, “следственные”, “смешанные”, “континентальные”, “англосаксонские”, “романо-германские”, “охранительные”, и “гражданские”».[17]

Особенностью советского периода развития процессуального права стали понятия типов процесса как рабовладельческого,

феодального, буржуазного, социалистического. Тип процесса рассматривается как предельный уровень обобщения, отражающий основную классовую сущность уголовного процесса. [18]

По мнению А. В. Смирнова, данная позиция, нашедшая поддержку среди советских процессуалистов, позволила заморозить вопросы о форме советского процесса и не была плодотворной в научном плане.

Такая критика представляется необоснованной, поскольку классификация, предложенная Нажимовым, дает возможность исследовать особенности институтов уголовного процесса в обществах с различным экономическим и общественным строем и соотнести уголовно-процессуальный закон и уголовно-процессуальную деятельность с политическим режимом государства, установив цели уголовно-процессуального закона, что имеет существенное значение при разработке концепции гражданского общества.

Кроме того, необходимо учитывать, что «ключевая, основополагающая идея марксистско-ленинского подхода к праву в юридическом смысле выражена в положении о его классовой сущности, о том, что право воплощает волю экономически господствующего класса и в соответствии с этим является социально-классовым регулятором». [19]

Это указание является для нас существенным при определении в системе права, системе уголовно-процессуального и гражданского процессуального права и судоустройства Российской Федерации такого понятия, как «внутреннее убеждение судьи», в процессе проводимой в стране судебной реформы, с учетом того, что указанная точка зрения была господствующей в теории права длительный период.

Мы отмечали, что советский период развития права не знал деления права на публичное и частное. «Советское гражданское процессуальное право – это совокупность и система юридических норм, выражающих волю народа, установленных Советским государством и охраняемых им от нарушений». [20]

Соответственно гражданскому процессу отводилась роль реализации властных предписаний, и еще в соответствии с требованиями ст. 14 ГПК РСФСР 1964 г. суд был обязан, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон.

Частные интересы подчинялись публичным и не могли быть свободными.

Характер норм процессуального права определяется и особенностями применяемых в процессе норм материального права.

Обратимся к рекомендациям по применению норм Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., введенного в действие с 1 января 1923 г. «Прежде чем применить Гражданский кодекс к какому-либо спору, судья должен проникнуться теми общими и руководящими понятиями, которые выражены в постановлениях ВЦИКа о введении в действие Гражданского кодекса. Этот закон наиболее ярко отражает революционную сущность нашего гражданского права и обязывает суды не только на основании своего революционного правосознания, но уже по писаной норме стоять на страже завоеваний Октябрьской революции… Вот закон, дающий права буржуазии, закон этот я, судья, толкую ограничительно, и больше того, что написано – не существует и не охраняется, но если закон касается интересов государства и трудящихся масс, я могу распространить действие закона дальше, чем это изложено, не нарушая самой сущности закона»[21]. Отметим особенность правового регулирования ГК 1923 г., когда внутреннее убеждение судьи подменяется его усмотрением, получившим законодательное одобрение.

Рассматривая уголовный процесс, М. С. Строгович обоснованно видел в нем «два основных элемента: основанную на законе деятельность органов следствия, прокуратуры и суда и правоотношения этих органов как друг с другом, так и с лицами и организациями, на которых распространяется их деятельность». [22]

Говоря о необходимости учитывать развитие уголовного процесса от его возникновения до современности, необходимо вспомнить, что процесс возник первоначально из гражданского иска и развился в процесс обвинительный, публичный.

Обвинительный процесс всегда является состязательным. «Состязательность можно юридически определить как такой идеальный тип процесса, в котором спор равных сторон разрешается независимым судом».[23]

В состязательном процессе обвинение выдвигалось потерпевшим, суд оценивал доказательства, однако в их состав входили доказательства, отражающие, можно сказать, уровень культуры познания действительности. В состав доказательств входили поединок, испытание водой, огнем и т. п. как средства получения свыше воли Божьей. Важным являлось соблюдение процедуры, от которой зависела истинность приговора суда.

Инквизиционный, или розыскной, тип уголовного процесса установился после состязательного и отличался тем, что процесс

начинался судьями и ему была присуща публичность.

Смешанный обвинительно-розыскной процесс начался после того, как изжили себя обе указанные формы процесса и соединение отдельных их частей привело к созданию нового процесса.

Создание обвинительно-розыскного процесса повлекло появление такой категории, как оценка доказательств на основе внутреннего убеждения, которая заняла место формальной теории доказательств по делу.

«Процессуальное право – это всегда право, устанавливающее определенную процедуру, которой подчиняется деятельность государственных органов и их взаимоотношения с лицами, гражданами организациями; это право, определяющее процесс, т. е. движение, развитие (processus – движение вперед)».[24]

И. Я. Фойницкий отмечал: «….не следует смешивать решение дела по системе свободной оценки с решением его по непосредственному впечатлению. Первое предполагает знание дела путем изучения его по объективным данным, в самом деле заключающимся; второе ограничивается принятием того отпечатка, которое дело или его отдельные моменты оставили в наших чувствах. Оценка доказательств есть умственная деятельность, разрешающаяся сомнением или убеждением; впечатление есть продукт одних лишь чувственных восприятий, не проверенных умственным процессом. С другой стороны, не следует смешивать решение дела по свободной оценке доказательств с решением по произвольному усмотрению. Отменяя формальную теорию доказательств, судебные уставы находили невозможным заменить личную умственную деятельность твердыми и неизменными правилами закона; широкое участие личности в логическом процессе оценки доказательств признано непременным условием правильной их оценки. Для того чтобы внутреннее убеждение не переходило в личный произвол, закон, не связывая судью легальными правилами, заботится, однако, о выработке его убеждения при условиях и в порядке, которыми обеспечивается, что всякий рассудительный и здравомыслящий человек при тех же данных пришел бы к одинаковому заключению».[25]

«Начало свободной оценки доказательств, проникающее в современный уголовный процесс, – вопрос первостепенной важности. Применение этого принципа совершенно изменяет характер процесса, и при господстве его судья с его субъективным миром, с его субъективными настроениями является решающим фактором в деле отыскания материальной истины. Речь идет о свободе неполной, о свободе относительной, определяющейся

факторами культурного развития общества, его правосознанием….»[26]

Оценивая особенности осуществления правосудия судом присяжных, автор «Учебника уголовного процесса» 1915 г. отмечал: «Присяжные вместе со своим жизненным опытом приносят в суд не только свои познания, но и свои чувства и настроения. Эта черта представляется залогом энергии их работы, но в то же время может привести к решениям, неудовлетворяющим общество»[27].

В. К. Случевский в «Учебнике уголовного процесса» 1910 г. указывал на принцип внутреннего судейского убеждения как принцип процесса: «Начало внутреннего судейского убеждения. Современный процесс знает затем еще начало внутреннего судейского убеждения в деле оценки уголовных доказательств… Внутреннее убеждение вытекает из объективных оснований, порождающих в судье субъективную уверенность в отношении действительности и значения тех фактов, которые были подвергнуты исследованию средствами уголовного процесса. Уверенность, вытекающая только из субъективных ощущений судьи, имеет значение только мнения или предубеждения судьи и не может быть положена в основание судейского приговора». [28]

Вместе с тем Джаншиев в своей работе 1891 г., анализируя дело Диманш, отмечал: «Когда по одному и тому же делу и на основании одной и той же теории улик, а не на личном убеждении судей, в трех разных судах один и тот же преступник оставлен в подозрении, потом обвинен и, наконец, оправдан».[29] В приведенных доводах авторов, вытекающих из анализа практики, подчеркивается особенность содержания внутреннего убеждения судьи, анализируя которое на примере практики деятельности суда присяжных А. М. Бобрищев-Пушкин указывал: «…присяжные обыкновенно стараются воспроизвести мысленно полную картинку события и своим ответом на вопрос – установить состав данного преступления так, как они это преступление понимают, следовательно, решить вопрос не только факта, но и права».[30]

Поскольку уголовный процесс имеет яркую публичную направленность, в построении его формы отражается политическая сущность общества и прежде всего политический режим государства, главенствующий в обществе в интересах большинства населения или только малой части населения и подчиняющий все общество целям государства. Если же цели государства требуют подчинения общества только публичным интересам, то государство даже при провозглашении защиты прав и свобод гражданина превращается в тип государства с

чрезвычайно жестким политическим режимом. К. С. Бельский обоснованно отмечает, что после октября 1917 г. возникла конструкция государственной власти, которой была присуща диктатура единовластия и полновластия.[31]

Для исследователя представляется исключительно важным изучение права, норм права и правоприменительной деятельности в период, когда происходят глубокие социальные изменения в обществе, когда в естественных условиях общества, по существу, проводится эксперимент по введению законодательства, отражающего не только изменения в обществе, но и законодательства, требования которого изменяют общество. При этом законодательство теряет свою стабильность, и возникает, как отмечают ученые, конфликт: «…. история еще раз продемонстрировала, что коренные изменения государственного устройства, формы правления, политического режима не могут происходить в строгом соответствии с законом».[32]

Авторы видят выход из сложившегося положения в том, что «форсированное развитие административного, процессуального и других аналогичных отраслей законодательства надо сочетать с интенсивным насыщением процессуальными нормами других законов и сближением их с материальными нормами».[33]

Выстраивая после революции теорию нового права, которое должно было противостоять теории права буржуазного, в котором признавалось право частной собственности, государство столкнулось с проблемой переходного периода в правосудии. Как писал П. С. Стучка, «вместо революционного свода законов мы ему (судье. – *В. Т)* могли дать в руки лишь пустой лозунг революционного правосознания. В теории признавалось, что социалистического правосознания не было, и тогда пришлось дать распоряжение о пользовании декретами советской власти».[34]

Оценивая сегодня происходившие в судопроизводстве изменения, М. В. Немытина пишет: «Наследие было предано забвению.

В новых условиях отрицалась концепция самостоятельной и независимой судебной власти, которую приняла дореволюционная наука»[35].

Последующее формирование советской правовой системы, советского уголовно-процессуального права и науки уголовно-процессуального права подтвердило то обстоятельство, что научная мысль и практика правоприменения могут быть ограничены волей государства, но развитие их не может быть остановлено. Та критика, которой подвергается советское уголовно-процессуальное право, ставшее частью советской

системы права и отражавшее развитие общества в сфере уголовного судопроизводства, т. е. в области поиска истины в уголовном процессе в целях подавления объявленных преступными действий и охраны существующих общественных отношений, вызвана не особенностями теоретического построения модели советского уголовного процесса, а критикой политического устройства государства, которому всегда верно служит такой институт публичного права, как уголовный процесс.

Поэтому исследование теоретических и практических основ построения советского уголовного процесса как отрасли права имеет существенное значение при выяснении сущности и содержания внутреннего убеждения судьи. Вместе с тем обращение только к одной отрасли процессуального законодательства ограничит возможности раскрытия содержания понятия внутреннего убеждения, которое должно быть рассмотрено с учетом межотраслевого характера теории доказательств в судебном процессе.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. в ст. 57 установил: суд не ограничен никакими формальными доказательствами, и от него зависит по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства или востребовать их от третьих лиц. Статья 319 УПК РСФСР 1964 г. закрепила принцип оценки доказательств: суд основывает свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности.

Эти положения УПК полностью отвергают всякую формальность в исследовании и оценке доказательств.

В своей статье, опубликованной в «Советской юстиции» за 1936 г., М. С. Строгович писал: «По вопросу о роли внутреннего убеждения судей при оценке доказательств можно сформулировать таким образом две противоположные точки зрения.

1. Внутреннее убеждение судей есть критерий (мерило) оценки доказательств; следовательно, при оценке доказательств значение имеет не качество самого доказательства, но единственно и только – сила убеждения этим доказательством, вызываемого у судей; правильно, достоверно то доказательство, которое убеждает суд.

Такова краткая формула классической теории внутреннего судейского убеждения, данная в буржуазных уголовно-процессуальных кодексах и в большинстве буржуазных трудов по

теории уголовного процесса.

2. Внутреннее убеждение судей есть не критерий, а результат оценки доказательств; следовательно, решающее значение при оценке доказательств имеет качество самого доказательства, а именно это качество доказательства определяет степень его убедительности для судей. Эту вторую точку зрения я и считаю правильно выражающей существо нашей советской теории доказательств в уголовном процессе».[36]

В своем курсе уголовного процесса М. С. Строгович дал определение внутреннего судейского убеждения: «…. внутреннее судейское убеждение – это основанное на правосознании убеждение судьи относительно обстоятельств разбираемого судом конкретного дела, о доказанности или недоказанности фактической стороны дела, о виновности или невиновности обвиняемого и степени его ответственности… Таким образом, судьи имеют социалистическое правосознание в сложившемся виде еще до рассмотрения отдельного уголовного дела; внутреннее же убеждение складывается у судей лишь в результате рассмотрения этого дела, по поводу обстоятельств этого конкретного дела…»[37]

А. С. Голунский в статье «Проверка и оценка доказательств», опубликованной в 1936 г., писал: «Вопрос об оценке доказательств вызывает в настоящее время большие споры среди советских процессуалистов. По мнению некоторых процессуалистов, специфическое отличие оценки доказательств в советском процессе от оценки доказательств в процессе буржуазном заключается в том, что там оценка производится по субъективному внутреннему убеждению суда, по тому впечатлению, которое эти доказательства производят на судей, тогда как в советском процессе эта оценка должна быть объективной».[38]

Подводя итог дискуссии, А. Я. Вышинский в статье «Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе», критикуя точку зрения проф. Гродзинского, предлагавшего отказаться от понятия «внутреннее убеждение судьи», заменив его анализом доказательств на основе социалистического правосознания, а также позиции М. С. Строговича и С. А. Голунского, полагал: «….совершенно неправильно, будто задачей приговора является установление абсолютной истины. Условия судебной деятельности ставят судью в необходимость решать вопрос с точки зрения установления максимальной вероятности фактов, подлежащих судебной оценке. Можно ли утверждать, что судья не может познать подлинной истины, что для суда это совершенно

недостижимая задача? Это ошибочная постановка вопроса. Когда вам говорят, вы должны обеспечить правильное судебное решение, независимо от того, как сложится у вас в глубине вашей совести, в вашем сознании представление о явлении, которое прошло перед вашими судейскими глазами; вы должны это решить независимо от вашего убеждения, а в зависимости от того, какими конкретными особенностями будут обладать факты, с которыми вы как судья будете иметь дело и распознание которых вовсе не должно явиться результатом вашего “внутреннего убеждения”»… Было бы бессмысленным утверждать, что качество доказательства зависит от моего признания этого доказательства хорошим или плохим»[39].

М. С. Строгович в своей работе, посвященной состязательности в уголовном процессе, писал: «Свободное внутреннее судейское убеждение есть не только критерий оценки доказательств, но в первую очередь процессуальная гарантия конституционного принципа независимости судей и их подчинения только закону». Там же автор отмечал, что независимо от применяемых методов уголовно-процессуальной деятельности суда природа суда, его сущность как органа государства, служащего интересам класса, не меняется. Эта точка зрения подчеркивает инструментальный, технический характер процессуальной деятельности в применении уголовного права и уголовно-процессуальных правоотношений в движении уголовных правоотношений.[40]

Для понимания места и роли внутреннего убеждения в этот период обратимся к основной проблеме дискуссии. Первое предложение заключалось в устранении из процессуального законодательства понятия «внутреннее убеждение судьи». Вторая точка зрения касалась места внутреннего убеждения в процессе оценки доказательств: внутреннее убеждение как критерий оценки доказательств и внутреннее убеждение – результат оценки доказательств. Анализ позиций приводит к выводу о том, что устранение понятия внутреннего убеждения и понимание внутреннего убеждения как результата оценки доказательств позволяли в этот период развития уголовно-процессуального права снизить уровень субъективизма в оценке доказательств по конкретным уголовным делам.

Принятая и проведенная А. Я. Вышинским точка зрения, согласно которой внутреннее убеждение является критерием оценки доказательств, с учетом особенностей фактов, исследуемых в уголовном процессе, позволили повысить уровень репрессивности при применении норм уголовно-процессуального и уголовного материального законов.

Исследуя проблему оценки доказательств судом первой инстанции в 50-е годы XX в., Л. Т. Ульянова заключала, что требование эффективной уголовной репрессии, предъявляемое к следственным и судебным органам и состоящее в том, чтобы ни один из действительных преступников не остался безнаказанным и ни один невиновный не пострадал от судебной ошибки, связано непосредственно с улучшением работы по исследованию доказательств по тому или иному судебному делу. Определяя понятие внутреннего убеждения судьи, автор писала, что оно «выражает социалистическое правосознание применительно к конкретным обстоятельствам дела. Оно предполагает уверенность в необходимости неуклонно соблюдать предписания советского закона, выражающего волю трудящихся. Таким образом, внутреннее убеждение судей основывается в равной степени и на требованиях закона, и на достоверно установленных судьями фактах, служит методом обнаружения связи нормы права с конкретными фактами жизни…. Убеждение отдельных судей, сложившееся в ходе предварительной оценки доказательств на судебном следствии, не является окончательным. Для того чтобы у суда как коллегиального органа сложилось общее убеждение, необходимо произвести оценку всей совокупности доказательств в совещательной комнате, где у судей вырабатывается общая точка зрения на обстоятельства уголовного дела….».[41]

Обратим внимание на то, что социалистическое правосознание поставлено на первое место в определении сущности внутреннего убеждения судей, которое реально должно основываться на доказательствах, исследованных в судебном заседании, на что указывают нормы как УПК 1923 г., так и УПК 1964 г.

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, введенный в действие с 1 сентября 1923 г., в ст. 119 установил, что «допущение тех или иных доказательств, представленных сторонами, зависит от того, найдет ли их суд существенными для дела». Но в Кодексе не использовано понятие социалистического правосознания, хотя суд и получил широкое поле для своего усмотрения, а в соответствии с требованиями ст. 118 ГПК РСФСР 1923 г. доказательства могли быть собираемы по инициативе суда.

Статья 56 ГПК РСФСР 1964 г., регулируя оценку доказательств, закрепляла следующее: «Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении в судебном заседании всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием».

Только ст. 17 УПК РФ 2001 г. о свободе оценки доказательств указывает: «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы».

Исследуя вопросы оценки доказательств, Г. М. Резник отметил, что оценка доказательств по внутреннему убеждению является антиподом существовавшей ранее системы формальных доказательств. «Смысл выражения “оценка по внутреннему убеждению” состоит в производстве оценки при отсутствии предустановленных правовых критериев. Не случайно закон употребляет термин “внутреннее убеждение” применительно к оценке доказательств, но не содержит выражения “квалификация преступления по внутреннему убеждению”… Внутреннее убеждение как понятие, характеризующее подход к определению свойств доказательств, как способ их оценки. Внутреннее убеждение является также результатом оценки доказательств. Этот аспект внутреннего убеждения, по нашему мнению, следует рассматривать в двух направлениях. Во-первых, применительно к доказательствам, во-вторых, применительно к выводам о доказанности (недоказанности) искомых фактов».[42]

Исследуя проблему формирования убеждения суда, В. Ф. Бохан утверждает, что «убеждение – многогранное понятие, которое можно исследовать с нескольких сторон. Оно имеет гносеологическую, логическую, нравственную, психологическую и юридическую природу… Юридическая природа формирования убеждения суда определяется условиями судебной деятельности».[43]

Автор выделяет личное и коллективное убеждение и отмечает, что «устраняя всякое внешнее воздействие на сознание судей, предоставляя им свободу в принятии законных решений, институт независимости тем самым создает все возможности для деятельности судей, основанной на их личном убеждении».[44]

Представляется необходимым отметить работу Ю. М. Грошевого, который рассматривает внутреннее убеждение как «категорию правосознания, выражающего уверенность судьи в правильности правовых предписаний».[45]

Ю. М. Грошевой отмечает, что «каждый из компонентов судейского убеждения, образуя вместе с другими определенное единство и цельность убеждения, вместе с тем играет свою специфическую роль в его формировании (имеет свою специфическую функцию), по-своему, по-особенному входит в

судейское убеждение, то есть отвечает преимущественно не за все, а за определенные черты, свойства целого, взаимодействуя при этом в непосредственной или опосредованной связи с другими элементами».[46]

А. Р. Ратинов полагает, что проблема внутреннего убеждения при оценке доказательств является предметом дискуссий. «Внутреннее убеждение рассматривается то как метод, способ или принцип оценки доказательств, то как критерий этой оценки, то как ее результат, некоторые авторы рассматривают внутреннее убеждение как единство всех или некоторых аспектов. По-разному определяется и сама природа внутреннего убеждения: то в гносеологическом или в логическом, то в психологическом смысле». Ученый понимает внутреннее убеждение как «формирование собственного взгляда на фактические обстоятельства дела, как необходимость личной оценки доказательств. Указанное требование обеспечивается, в частности, путем реализации принципа непосредственности уголовного процесса. Выше отмечалось, что предоставление оценки доказательств лицу, осуществляющему производство по делу, означает его свободу, самостоятельность, независимость при оценке доказательств. Это подчеркивается рядом положений действующего законодательства. Внутреннее убеждение исключает всякое внешнее принуждение, и это свойство убеждения оттеняется словом “внутреннее”.

Оно предполагает:

а) необязательность оценки доказательства, данной одним должностным лицом для другого;

б) необязательность оценки доказательств предыдущей процессуальной инстанции для последующей и необходимость проверки предыдущих оценок на последующей стадии процесса;

в) необязательность оценки доказательств вышестоящим органом для нижестоящего, в производстве которого находится дело, и недопустимость дачи указаний об определенной оценке отдельных доказательств или их совокупности;

г) необязательность для лица, ведущего производство по делу, оценок, даваемых доказательствам различными участниками процесса в объяснениях, показаниях и т. п.;

д) необязательность оценок, даваемых доказательствам, лицами и органами вне уголовного процесса»[47].

Можно констатировать, что внутреннее убеждение как свободное от внешнего принуждения и не связанное формальными предписаниями искание истины является необходимым условием оценки доказательств, характеризует сам подход к оценке доказательств. «Внутреннее убеждение в качестве

завершающего итога оценки доказательств имеет гносеологический, логический и психологический аспекты. С точки зрения гносеологической содержанием внутреннего убеждения является отражение сознанием предмета исследования – конкретных фактов действительности, из которых и на основе которых слагается картина исследуемого события. Иначе говоря, это конкретные знания о фактических обстоятельствах данного дела»[48].

В. Д Арсеньев отмечает связь между внутренним убеждением как процессом познания и внутренним убеждением как результатом оценки доказательств по делу, что само внутреннее убеждение делает истинным.[49]

«Внутреннее судейское убеждение должно быть закономерным выводом из совокупности исследованных в судебном заседании доказательств, должно выражать объективную истину. Внутреннее убеждение – не какое-то безотчетное мнение или впечатление судей, а основанный на доказательствах вывод суда об обстоятельствах дела, правильность которого может быть проверена вышестоящими инстанциями»[50].

Рассматривая изменения ст. 56 ГПК РСФСР об оценке доказательств, внесенные Федеральным законом Российской Федерации от 27 октября 1995 г., М. К. Треушников обоснованно пишет: «Принцип непредустановленности доказательств (или свободной оценки доказательств) противоположен принципу формальной оценки доказательств, когда доказательственная сила отдельных средств доказывания определяется не судьями, а самим законом, и судьи не вправе дать доказательствам иную оценку или отвергнуть их. Например, в эпоху действия системы формальных (легальных) доказательств признание рассматривалось как лучшее доказательство, и суд не вправе был его переоценить или отвергнуть. Норма об оценке доказательств (ст. 56 ГПК РСФСР) и ее принципах существенно изменена Федеральным законом от 27 октября 1995 года. В ней сохранены только два принципа оценки доказательств: принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению и принцип непредустановленности доказательств… Статья 56 ГПК РСФСР в новой редакции не содержит норм, указывающих, что суд оценивает доказательства, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием. Эти два положения оценки доказательств исключены законодателем по концептуальным и идеологическим соображениям. Изъятие из ст. 56 ГПК РСФСР указанных понятий объясняется победой точки зрения, что оценка доказательств – это протекающая в логических формах

мыслительная деятельность судей, не регулируемая нормами права. Правосознание же судей может быть различным, зависящим от уровня подготовки судей, отношения к делу и т. д…».[51] Вместе с тем автор указанного труда полагает, что согласиться с принятой точкой зрения трудно, поскольку суд оценивает доказательства с учетом требований нормы права. Однако представляется необходимым отметить, что вопросы распространения на внутреннее убеждение нормы права ограничивают его свободу и, следовательно, искажают достоверность обстоятельств дела, устанавливаемых судом. Уместно заметить, что мы имеем дело со смещением внутреннего убеждения в сторону усмотрения, что вполне возможно в динамике движения процессуальных правоотношений, субъектом которых является судья.

И. В. Верещагина, выделяя проблему формирования внутреннего убеждения профессионального судьи, указывает: «…. норма Уголовно-процессуального кодекса говорит о внутреннем убеждении, но с научной точки зрения убеждение судьи-профессионала должно быть не только внутренним, оно должно быть рациональным (разумным) и мотивированным (обоснованным). Определение внутреннее следует рассматривать как фактор, исключающий внешнее воздействие, свободную оценку доказательств».[52]

Необходимо заметить, что убеждение судьи, независимо от того, является ли он профессиональным судьей или присяжным заседателем, должно быть не только внутренним, но и рациональным, отвечать здравому смыслу, и мотивированным (обоснованным), прежде всего выражая беспристрастность судьи.

Приведенные точки зрения разных периодов развития науки о судопроизводстве позволяют отметить именно указанное изменение в подходе к беспристрастности судьи, произошедшее после отказа от понятия истины в процессуальном законе. Внутреннее убеждение при рассмотрении в качестве фактора, исключающего внешнее воздействие на свободную оценку доказательств, выступает в качестве гарантии объективности познания и понимания. В этом смысле мы можем говорить о юридической значимости понятия «внутреннее убеждение», которое создает условия для познания обстоятельств дела. Поэтому в теории делается вывод о том, что внутреннее убеждение при его формировании на основании доказательств обеспечивает достижение реального знания о предмете доказывания по делу и независимости результата познания от желания и воли судьи. Личностные характеристики судьи остаются за пределами внутреннего убеждения,

объективируемого в решении по делу.

При исследовании вопросов о доказательствах в советском уголовном процессе Л. М. Карнеева, определяя процесс доказывания как предусмотренную законом деятельность уполномоченных на то лиц, по установлению обстоятельств, имеющих значение для дела, делает следующий вывод: «… убеждение – не только знание и уверенность в правильности этого знания, но и мотив, побуждающий к действию. Именно внутреннее убеждение, опирающееся на собранные доказательства, является необходимой предпосылкой для продолжения процесса, перехода его к последующей стадии. Будучи стимулом к волевому действию, внутреннее убеждение обусловливает готовность действовать сообразно с принятым решением, в правильности которого субъект доказывания не сомневается. Внутреннее убеждение является моральным основанием принимаемого решения, важной нравственно-психологической гарантией его правильности и справедливости». [53] Представляется, что в предлагаемом определении понятие внутреннего убеждения толкуется слишком широко, выходя за пределы его реального содержания, соответствия доказательствам.

Завершая рассмотрение вопроса, связанного с пониманием термина «внутреннее убеждение судьи», приведем позицию Л. С. Халдеева: «С психологической стороны внутреннее убеждение – это абсолютная уверенность в правильности собственных выводов и отсутствие любых сомнений. Наконец, внутреннее убеждение означает следование голосу собственной совести». [54]

Необходимо отметить, что у всех процессуалистов, обращающихся к проблеме внутреннего убеждения судьи, описание его содержания носит сложный характер. Понятие «внутреннее убеждение» рассматривается в динамике, когда выделяются связи внутреннего убеждения с различными сторонами единой и вместе с тем многообразной деятельности в рамках процессуального закона. Между тем в термине само по себе заложено ограничение мысли. Такое ограничение и позволяет в правоприменительной практике использовать понятие внутреннего убеждения в качестве обозначения субъективного в деятельности судьи по исследованию доказательств. Представляется, что при этом указание на внутреннее должно быть истолковано как указание на границы познания явлений объективного мира. Вместе с тем такое понимание исследуемого понятия приводит к включению его в состав принципа независимости судей, что представляется необоснованным, поскольку независимость судьи не может

регулировать процессы доказывания и познания.

Однако внутреннее убеждение связано с оценкой доказательств. Процесс оценки, который, как и понятие внутреннего убеждения, чрезвычайно сложно описать без обращения к нормам, регулирующим процесс доказывания, позволяет выявить сущность внутреннего убеждения судьи и процесс реализации этой сущности в деятельности судьи по осуществлению правосудия, постоянно связанной с оценкой доказательств.

«Оценка доказательств представляет собой умственную, мыслительную деятельность следователя и судей, направленную на исследование доказательств, познание фактов события преступления и установления истины по делу. Эта деятельность следователя и суда осуществляется в определенных логических формах, в соответствии с законом и социалистическим правосознанием по их внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, и направлены на установление достоверности и достаточности доказательств для установления фактов, составляющих предмет доказывания и познание истины по делу».[55]

Такое определение вполне соответствовало положениям, изложенным в ст. 71 УПК РСФСР 1964 г.: «Суд, прокурор, и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием». Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 г. полностью отказался от такого подхода, заменив понятие социалистического правосознания понятием совести и устранив в понимании истины указание на нее как на задачу уголовного процесса. Соответственно изменились цели уголовного процесса, о которых УПК РФ не говорит, указывая на задачи процессуальной деятельности.

С. А. Голунским была высказана точка зрения, согласно которой оценка доказательств не может быть сведена только к мыслительной деятельности, поскольку она имеет целью с помощью свойств, входящих в содержание оценки доказательств, установить обстоятельства, входящие в предмет доказывания.[56]

По мнению других исследователей, оценку доказательств следует рассматривать как вывод, результат мыслительной деятельности и как саму мыслительную деятельность.

Вполне обоснованны утверждения И. И. Мухина о том, что оценку доказательств как мыслительную деятельность нельзя

сводить к процессуальной деятельности, отождествляя оценку и процесс доказывания. Однако при этом необходимо заметить, что оценка и процессуальная деятельность в процессе доказывания взаимосвязаны и находятся в диалектическом движении.

Так, утверждение М. С. Строговича, что «оценка доказательств есть только умственный процесс, логическая деятельность, акт мысли, а не что-либо еще»[57], противоречит содержанию нормы УПК РСФСР, регулирующей оценку доказательств, основывающейся на всесторонне исследованных обстоятельствах дела. УПК РФ 2001 г. требует оценки доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, достаточности всех собранных доказательств в совокупности для разрешения дела.

Исследование понятия и его сущности невозможно без рассмотрения доводов об объеме этого понятия.

В связи с этим выводы С. В. Курылева о том, что оценка доказательств – самостоятельная процессуальная категория, находящаяся вне границ понятия судебного доказывания и не являющаяся составной частью доказывания, не только не учитывают содержания конкретной нормы УПК, регулирующей оценку доказательств, но и отрывают мыслительную деятельность судьи от процесса исследования доказательств. Представляется обоснованным утверждение С. А. Зайцевой о том, что под оценкой доказательств понимается один из элементов процесса исследования полученных фактических данных с точки зрения их целостных свойств для обоснования выводов по делу в целом или по отдельным его эпизодам либо обстоятельствам.[58]

Приведенные позиции исследователей понятия внутреннего убеждения судьи в уголовном процессе позволяют сделать вывод о том, что в науке уголовного процесса эта тема является дискуссионной. Среди различных позиций ученых по данной проблеме можно выделить несколько основных. Убеждение судьи – это:

1) истина по делу;

2) метод исследования;

3) результат исследования доказательств;

4) метод и результат исследования доказательств;

5) критерий оценки доказательств, который в ходе исследования доказательств приобретает объективный характер, и

6) убеждение судьи не зависит от его личного взгляда на исследуемые обстоятельства дела.

Положение о том, что убеждение судьи основывается на всесторонне и полно исследованных доказательствах по делу,

собирание и исследование которых производятся в установленном Уголовно-процессуальным кодексом порядке, и позволило выдвинуть точку зрения об отказе от понятия «внутреннее убеждение судьи» в уголовно-процессуальном законе.[59]

Вместе с тем отсутствие понимания правовой стороны такого понятия приводит к смешению его с усмотрением судьи при применении норм права, как процессуальных, так и материальных, особенно в период изменения целей в праве и понимания деятельности суда по осуществлению правосудия, которое может оказаться основанным не на законе и праве, а на «понятиях».

Такие «понятия» могут иметь разный смысл. В связи с этим Б. Н. Топорнин отмечает, что в России появился новый правовой нигилизм. Он унаследовал черты прежнего правового нигилизма и вместе с тем отразил разрушение старой правовой системы, хаотичное и противоречивое. К тому же в условиях явно затянувшегося формирования новой правовой системы стала складываться система действий участников общественных отношений на основе «понятий», разноречивых политических, юридических, нравственных и экономических взглядов.[60] Следует отметить, что указанная позиция чрезвычайно четко отражает особенности правопонимания и правоприменения в условиях изменения правовой системы, когда законодатель не успевает за изменениями и право отстает от развития общества.

Кроме того, уместно заметить, что дискуссии о внутреннем убеждении судьи имели место при отказе от формальной теории доказательств и переходе к свободной оценке доказательств по внутреннему убеждению. Для того чтобы напомнить, в чем заключалась сущность дискуссии, обратимся к книге Л. Е. Владимирова «Учение об уголовных доказательствах». Анализируя соотношение формальной теории доказательств, он писал: «Правила о том, как должны быть собираемы доказательства и как ими следует пользоваться судье, для того чтобы он мог вернейшим путем достичь истины в деле исследования прошедшего факта, составляют содержание логики уголовного процесса. Эта логика, в свою очередь, определяет содержание Уголовно-процессуального кодекса. Из сказанного само собою вытекает, что законодательство устанавливает метод исследования достоверности прошедшего факта, составляющего предмет процессуальных исследований. Ясно, следовательно, что в каждом процессуальном кодексе существует известная теория доказательства. Предположение, что в современном процессе, отвергнувшем “формальную теорию доказательств” нет вовсе

никакой теории последних, указывало бы на непонимание сущности дела. Эта теория доказательств, присущая каждому процессуальному кодексу, может или а) установлять только способы собирания и эксплуатации доказательств, предоставляя определение силы последних внутреннему убеждению судьи, или б) может определять и саму силу доказательства, сделав подобные определения обязательными для судьи. В последнем случае мы имеем формальную теорию доказательств. Она в настоящее время подверглась всеобщему осуждению и устранена из европейских законодательств».[61]

Поскольку приведенное исследование проводилось в начале XX в., и книга Владимирова увидела свет в 1911 г., представляется необходимым сделать замечание по проблеме формулирования законодателем условий допустимости доказательств в уголовном процессе, когда убеждение судьи ограничивается нормой процессуального права, устанавливающей условия, при которых доказательства не могут приниматься во внимание.

Приведем позицию, предложенную Е. Б. Мизулиной: «Своеобразное положение суда в том и состоит, что он обязан произвести критику, будучи не наделен правом формирования собственной позиции, отличной от позиций сторон. Однако этот запрет, имеющий целью исключить предвзятость и односторонность окончательного вывода суда о виновности или невиновности обвиняемого, не может распространяться на те мыслительные формы, в которых протекает судебная деятельность. Во всяком случае, отнесение этого запрета к тому, как мыслят судьи, прежде чем прийти к окончательному выводу по делу, было бы просто-напросто бессмысленным в силу отсутствия реальной возможности проверить его соблюдение… В отношении суда законодатель поступил хитрее. Соблюдая

процессуальные правила, предусмотренные законом, судьи уже незаметно для себя как бы втягиваются в идейную позицию обвинителя, попадая при этом в своеобразную “ловушку”. Идейная обвинительная установка формируется в них еще до начала судебного следствия (в стадии предания суда, подготовительной части судебного разбирательства) без каких-либо видимых влияний извне и поэтому воспринимается ими как результат их собственного внутреннего убеждения. Будучи убежденными в самостоятельности своей обвинительной установки, судьи, конечно, сами по себе не будут стремиться выйти из нее или даже подвергать ее какому-либо сомнению».[62]

Поэтому, анализируя процессуальный закон, автор делает вывод, что «формально уголовный процесс тот же, что был и

тысячу лет назад, но по существу он нечто совсем иное. Так, лопатой можно колоть орехи. И человека, не знающего, для чего в действительности предназначена лопата, видимо, можно убедить в том, что это орехокол» и далее: «… государство должно поменять обвинительный способ уголовно-процессуальной деятельности на правосудный…»[63]

Рассматривая предлагаемую точку зрения, вспомним то определение права, которое положено в основу советской системы права, отражением которой являлись действовавший до 2002 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, которые подвергаются в изменившихся условиях общественной жизни вполне обоснованной критике.

Право есть возведенная в закон воля класса, затем право определяется как общенародная воля и отождествляется с законом. Кроме того, в этот период конституционные нормы и нормы права являются частично декларативными, а уголовно-процессуальная и гражданская процессуальная деятельность подчиняется идеологическим целям, отрицающим частное в праве, цели достигаются путем правовых решений, принимаемых на идеологической основе, и право служит инструментом выполнения этих решений.

Независимость суда и судьи в этом случае является декларативной, хотя и провозглашается принцип независимости судей. Обсуждаемая проблема выступает по существу проблемой разделения властей, когда судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной. По словам В. Полуднякова, «в годы советской власти судебная власть была у нас, конечно, принижена. Она была в какой-то степени отраслевым управлением власти, а именно ведомством, относящимся к определенному отраслевому управлению. И соответственно, отношение к ней было как к органу, не имеющему достаточного авторитета, не влияющему должным образом на урегулирование общественных процессов».[64]

М. С. Строгович обоснованно констатировал: «Независимости судей нет, и не может быть вне их подчинения закону: такая “независимость” означала бы несвязанность судей законом, произвол судей, их голое усмотрение, что решительно исключается самим существом советского правосудия. Следовательно, оба положения, содержащиеся в ст. 112 Конституции СССР, – судьи независимы и подчиняются только закону – составляют единство, единый принцип»[65].

Эта позиция, высказанная крупнейшим процессуалистом, отражала и отражает идеальный подход к положению суда в той

сфере, где процессуальная деятельность по познанию обстоятельств дела не должна быть связана социалистическим правосознанием и статусом судьи, процессуальным положением судьи в рамках процессуального права, в системе судоустройства и гарантий прав и свобод гражданина, что должно обеспечить справедливость правосудия в рамках прав, предоставленных гражданину, поведение которого подчиняется нравственным началам, господствующим в обществе.

В отношении же других процессуальных органов выделяется «принцип процессуальной самостоятельности, что позволяет производить оценку доказательств по внутреннему убеждению и гораздо более соответствует реальному положению следователя, прокуророра, работника органа дознания и судьи в уголовном процессе и процессуальной деятельности».[66]

Для понимания соотношения понятия «внутреннее убеждение судьи» и принципа независимости суда в судопроизводстве необходимо принять во внимание, что принцип независимости судьи и подчинение его требованиям закона реализуется в стадии разбирательства дела в суде, однако с учетом его значимости для разрешения дела и значимости стадии судебного разбирательства он является одним из основных принципов уголовного процесса.

Впервые принцип независимости судей получил выражение в ст. 112 Конституции СССР 1936 года.

Говоря о независимости судей, Н. В. Крыленко, в частности, отмечал: «….мы не хотим, чтобы нас поняли, будто мы проповедуем независимость судей в прежней форме, мы проповедуем их полную зависимость от государственной политики как ее носителей, но мы хотим одновременно поставить их в такое положение, чтобы, проводя эту политику, а не какую-нибудь иную, они могли быть спокойны, что им будет дано ее проводить в пределах закона и вне зависимости от внесудебных факторов».[67]

Выделим для себя эту позицию, касающуюся формирования убеждения суда и судьи в процессе, поскольку позиция судьи по делу связана не только доказательствами, собранными по делу, но и провозглашенной государством уголовной политикой, которая найдет свое отражение в правосознании судьи и в нормах процессуального права. По существу, высказанная Крыленко точка зрения обосновывает подмену внутреннего убеждения требованиями закона.

Для понимания понятия внутреннего убеждения в процессе и правоприменительной деятельности целесообразно привести выдержку из доклада А. Я. Вышинского на открытом собрании ячейки ВКП(б) НКЮ: «….революционная законность требует

гибкого и, так сказать, свободного (что не значит произвольного) отношения к закону. Не буква закона, не юридическое крючкотворство, не слепое подобострастное преклонение перед законом, а творческое отношение к закону, такое отношение, когда требования закона (то есть тех юридических формул, в которых он выражен) корректируются пониманием цели, которой он призван служить, и социалистическим пониманием отношений, в которых должно осуществляться его применение. Вопрос о сочетании революционной законности с революционной целесообразностью – это и вопрос о гранях между ними. Единственной гарантией от извращений, единственным средством, способным предохранять от каких-либо ошибок, является правильное понимание и правильное осуществление генеральной линии нашей партии…»[68]

Связанный с принципом независимости судей институт оценки доказательств по внутреннему убеждению выделяется и как принцип состязательного процесса.[69] Такое выделение позволяет понять сущность понятия внутреннего убеждения. «В принципе, свободная оценка доказательств не терпит какого-либо внешнего воздействия. Убеждение называется внутренним не только оттого, что зреет в сознании оценивающего субъекта (это только предубеждение), оно внутреннее главным образом потому, что единственным убежищем, внутри которого сокрыта истина, служит наличная совокупность доказательств».[70]

Следовало бы уточнить, что оценка доказательств по внутреннему убеждению отнесена к нормам, регулирующим процесс доказывания, но является принципом не части процесса, а всего процесса в целом.

Более того, следует отметить, что институт оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи является межотраслевым и выступает принципом доказательственного права как в уголовном, так и в гражданском, административном, арбитражном процессах. «Оценка доказательств – процесс непрерывный, осуществляемый на всех этапах расследования и судебного рассмотрения, причем принципы оценки доказательств едины для всех этапов».[71]

Приведенные обстоятельства, относящиеся к появлению в законодательстве понятия «внутреннее убеждение судьи» при оценке доказательств в уголовном и гражданском процессе и результаты научного исследования правового регулирования в этой сфере позволяют сделать вывод, что применение законодателем данного понятия и переход к свободной оценке доказательств, заменившей формальную теорию доказательств в процессе, связаны с усложнением социального устройства

общества и с необходимостью разрешения противоречия, возникающего при применении публичного права множеством субъектов правоприменения, когда законодателю необходимо добиться единства правоприменения независимо от различия конкретных обстоятельств отдельных случаев совершения уголовно наказуемых деяний. Законодатель перешел от установления формы доказательства по делу к установлению формы собирания и исследования доказательств и их свободной оценке.

При этом применение терминов «свободная оценка» и «внутреннее убеждение» обеспечило конкретность познания обстоятельств отдельного дела многочисленными субъектами процессуальной деятельности в соответствии с возложенными на них обязанностями. В уголовно-процессуальной деятельности понятие «внутреннее убеждение» обеспечило возможность проверки правильности принятых решений по уголовным делам на уровне «вертикали» власти и проверку принимаемых решений на каждой стадии уголовного процесса, каждым участником процесса. Такое понимание понятия «внутреннее убеждение судьи» отражает публичность судебной власти и позволяет поставить вопрос о проблеме публичного права. Соответственно имеются основания говорить о правосубъектности судьи и проблемах соотношения публичного в деятельности судов общей юрисдикции с проблемой применения ими частного права. Исследователи уголовно-процессуального аспекта механизма правового регулирования обоснованно отмечают, что «отсутствие четкого представления об уголовно-процессуальной правосубъектности (праводееспособности) отрицательно сказывается на определении круга лиц, которые могут вступать в уголовно-процессуальные правоотношения, а также объема их субъективных прав и юридических обязанностей».[72] В условиях, когда судебная система по существу становится субъектом познания, такое положение снижает уровень эффективности процессуальной деятельности судей. Более того, в гражданском процессе, в котором отражается публичное, императивное начало, но реализуются интересы частные, обеспечение свободы процессуальной деятельности участников невозможно без исследования правового положения судьи в процессе, его субъективных прав и обязанностей.

1.2. Содержание понятия «внутреннее убеждение судьи»

Для того чтобы раскрыть сущность (содержание) понятия внутреннего убеждения судьи, необходимо рассмотреть вопросы, которые длительное время связывались с проблемой установления истины.

«Механизм осуществления правосудия судом, равно как и механизм применения правовых норм другими государственными органами, слагается из двух качественно разнородных процессов: 1) установления объективно существующих юридически значимых фактов, т. е. обстоятельств дела; 2) определения их юридических последствий в соответствии с предписанием применяемой нормы».[73]

«Целью уголовного процессуального доказывания является достижение истины, установление обстоятельств дела в точном соответствии с действительностью»,[74] – указывается в работе Ю. К. Орлова, опубликованной в 2000 г. Это дает основание отметить сохранение проблемы понимания истины в уголовном процессе, хотя законодатель и отказался от включения этого понятия в текст закона.

Более обстоятельно и конкретно цели уголовно-процессуального права исследовались П. С. Элькинд. «Цель уголовно-процессуального права состоит в наиболее эффективном и рациональном урегулировании данных общественных отношений, в обеспечении их направленности к решению задач уголовного судопроизводства, в конечном счете к уничтожению преступности… Доказывание – центральный, стержневой процесс всей уголовно-процессуальной деятельности, неотъемлемое свойство всего уголовного процесса. Поэтому цель доказывания не может в то же время не быть и целью уголовного процесса. Конечно, познанием истины не исчерпывается весь объем таких целей, но он, безусловно, составляет компонент, входящий в комплекс целей советского уголовного процесса».[75]

«Мнение о том, что установление (выяснение) фактических обстоятельств дела – цель судебного доказывания с различными нюансами, разделяется в процессуальной литературе большинством авторов. Нередко это связывается с установлением объективной истины по делу. Не вдаваясь подробно в дискуссию по вопросу о возможности отыскания объективной истины в гражданском судопроизводстве, возникшую в связи с последними изменениями в процессуальном законодательстве, заметим лишь,

что и в те времена, когда этот принцип не подвергался сомнению, некоторые процессуалисты при определении цели судебного доказывания употребляли нейтральные понятия. Например, Л. Ф. Лесницкая целью судебного доказывания называет правильное установление фактических обстоятельств рассматриваемого дела».[76]

Концепция судебной реформы в РФ рассматривает цель уголовной юстиции как защиту общества от преступления путем реализации уголовного закона, защиту прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции (обвиняемых, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков). Общество может и должно требовать от системы уголовной юстиции обоснованной и справедливой реализации уголовного закона в надлежащем процессуальном порядке.[77]

Установление истины в судебном процессе отличается от установления истины в любом научном исследовании, поскольку истина в суде устанавливается по отношению к фактам, имевшим место в прошлом. При исследовании обстоятельств дела невозможны непосредственное наблюдение и восприятие исследуемого объекта или явления. Это обстоятельство отмечают исследователи проблемы истины в судебном процессе. Однако высказываются и другие точки зрения, согласно которым «ненаучно рассуждать так, что теория познания – это одно, а теория доказательств в уголовном процессе – совсем другое, что связи между ними нет, что гносеологическая проблема – область философии, а учение о материальной истине в уголовном процессе – вопрос юриспруденции, судебной практики, почему последний вопрос и должен решаться вне всякой зависимости от общефилософских положений».[78]

«Судебное доказывание нельзя противопоставлять познанию, поскольку оно, как и логическое доказательство, является способом познания реальной действительности. Судебное доказывание как логико-правовая деятельность, протекающая в урегулированной нормами гражданского процессуального права форме, имеет своей целью воспроизведение действительности. Поэтому судебное доказывание есть в определенном смысле познание. Однако это утверждение не противоречит и другому суждению: судебное доказывание существует для познания правоотношений».[79]

Да, предлагаемые выводы о разрешении проблемы истины представляются обоснованными, однако исследовать особенности познания в судебном процессе при установлении обстоятельств, понимаемых как истина вне методов, предлагаемых философией, будет так же ненаучно, как отрицать или отождествлять познание

в уголовном процессе с философскими проблемами познания, которые являются общими по отношению к познанию по конкретному делу в суде как частному случаю познания в установленном нормами процессуального права порядке.

Истина является одной из основных философских проблем, однако для уголовного процесса установление истины приобретает особый характер, поскольку истинность по результатам рассмотрения дела прямо влияет на достижение целей (задач) уголовно-процессуального права и уголовно-процессуальной деятельности.

Не вдаваясь в философские дискуссии о том, что следует понимать под истиной и доступна ли человеку объективная истина вообще, обратимся к пониманию истины в уголовном процессе.

Л. Е. Владимиров писал: «Цель уголовного суда заключается в наложении наказания на преступника. Для решения этой задачи необходимо предварительно удостовериться в виновности подсудимого. Вопрос о виновности состоит из трех частей: совершалось ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и вменяем ли он? Все эти вопросы касаются восстановления обстоятельств прошлого индивидуального события.

1) Задача исследования истины в области фактов, составляющих предмет судебного исследования, по существу ничем не отличается от общей задачи науки – выработки правильных суждений о фактах вообще.

2) Начала, по которым решается эта задача, составляют предмет логики и сводятся к правилам о дедукции и индукции, прилагаемых во всех научных исследованиях…

Понятно, что и в делах судебных достоверность доходит также до несомненности, только тогда, когда нет шансов для противоположного заключения. Есть события и факты, несомненная достоверность которых так же высока, как и какой-нибудь непреложный закон природы. Это только показывает, что фактическая достоверность представляет различные степени: от слабой вероятности, подобной какой-нибудь мерцающей гипотезе в науке, до достоверности, на которой зиждется всеобщий закон тяготения. Но обыкновенно в делах судебных мы удовлетворяемся более или менее высокою степенью достоверности. Редко встречаются в суде такие доказательства, при которых абсолютно невозможно было бы предположение противоположного результата сравнительно с тем, к какому пришел судья.

Вообще, при оценке силы судебных доказательств, на основании приблизительных обобщений, нужно всегда помнить,

что при невозможности знать все случаи исключения мы получаем только вероятное доказательство».[80]

В одной из последних работ по теории доказательств отмечается, что «вопрос об истине в уголовном судопроизводстве находится в центре внимания специалистов с тех пор, как стала формироваться процессуальная наука. И решался он с позиций не только (а порой и не столько) научных, сколько идеологических»[81]. Отметим это замечание об идеологической позиции как весьма существенное для понимания природы понятия «внутреннее убеждение» в судебном процессе.

Приведем понимание истины, которое длительное время господствовало в уголовном процессе и которого придерживалось большинство ученых, так, как оно изложено в работе М. С. Строговича «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе». «Исходным положением учения о материальной истине в советском уголовном процессе должна быть… теория отражения, согласно которой наши ощущения и представления являются слепками, снимками с действительности, в наших понятиях и суждениях находит свое отражение объективная действительность, наше мышление может познать действительность. Истина есть соответствие наших представлений, мыслей объективной действительности. Истина есть объективная истина. Такая трактовка истины полностью применима к понятию материальной истины в уголовном процессе. Содержанием последней являются конкретные факты, события совершенного преступления, которые исследуются по тому или иному уголовному делу судьями. Одним словом, материальная истина в уголовном процессе есть соответствие того вывода, к которому пришел суд, тому, что было в действительности. Таким образом, понятие материальной истины относится к установлению фактов, обстоятельств уголовного дела, но не к юридической (уголовно-правовой) оценке, квалификации этих фактов и не к определению наказания за совершенное преступление. Прежде всего следует сделать тот вывод, что материальная истина есть объективная истина. Можно ли материальную истину, устанавливаемую по уголовному делу, определить как абсолютную истину, или это относительная истина. Мы полагаем, что поскольку материальная истина есть объективная истина, то она есть истина абсолютная, если приговор суда полно и точно соответствует действительности. Критерием истинности является практика».[82]

Вместе с тем имеется и другая точка зрения, высказанная М. А. Чельцовым и другими исследователями указанной проблемы, согласно которой абсолютная истина в уголовном процессе

недоступна и суд обычно удовлетворяется истиной относительной, позволяющей сделать вывод о виновности.

Критикуя позицию ученых, отрицающих наличие и возможность установить абсолютную истину по делу, И. И. Мухин писал: «….нам представляется как раз наоборот. Отрицать абсолютную истину в деятельности суда, не ставить перед судом задачу установления по каждому делу абсолютной истины, то есть достижения достоверных знаний об обстоятельствах рассматриваемого дела, было бы теоретически неправильно и практически вредно. Это обезоружило бы нашу процессуальную теорию, ослабило бы внимание и ответственность суда в поисках истинных и достоверных знаний, крайне необходимых для вынесения правильного приговора. Кроме того, эта теория привела бы на практике к осуждению невиновных, так как для вынесения обвинительного приговора было бы достаточно установить определенную степень вероятности и вовсе не обязательно стремиться к установлению достоверных знаний о совершенном преступлении… философской основой нашей процессуальной теории и судебной практики является марксистско-ленинская философия, которая в отличие от идеалистических философских теорий и взглядов признает, что человеческое мышление способно давать и дает нам полные достоверные знания, абсолютную истину в любой области процессуального права и практическая деятельность органов следствия и суда не составляет и не может составлять исключения»[83].

Действительно, философия признает наличие таких категорий, как «абсолютная» и «относительная истина», но рассмотреть вопрос об истине в процессуальной деятельности суда возможно, если принять во внимание, что знания, составляющие истину, находятся в диалектическом движении, взаимопроникая и заменяя друг друга в процессе движения процесса доказывания по делу. Само утверждение того, что доказывание в уголовном или гражданском процессах не является познанием, не разрешает поставленной проблемы.

Рассматривая проблемы истины, Б. Рассел писал: «….наша теория истины должна допускать противоположность истинности, а именно ложность».[84] В судебном процессе проблема правды и лжи всегда привлекала внимание исследователей, так как ложь препятствует установлению действительных обстоятельств дела.

Для раскрытия понятия истины обратимся к исследованию А. Г. Догалакова. «Дихотомия истинности (ложности), применяемая на уровне формально-методологического подхода, безусловно необходима на уровне “наличного” анализа знания, но такой

анализ достигается путем отвлечения от вероятностных параметров знания, от постоянного его развития через состояние “может быть”, которое происходит далеко не всегда через кумуляцию, но предполагает и бифуркационное его изменение. Умение видеть познание в реальной его процессуальности (через вектор настоящее-будущее) формирует более сложные коллизии истинности (логичности) научных знаний, фиксируемые обычно в литературе с помощью понятий относительной и абсолютной истины, ее процессуальности. С этой точки зрения любое положение науки неверно считать чисто истинным или чисто ложным».[85]

Обратимся к теории доказательств А. Я. Вышинского, который отстаивал позицию, сводившуюся к тому, что при установлении обстоятельств дела возможно установление вины с той или иной степенью вероятности.[86] Им же высказывалась точка зрения о том, что «внутреннее убеждение суда – вот единственное мерило ценности того или другого факта как доказательства».[87]

Противоположная позиция М. С. Строговича основывалась на том, что «устанавливаемые судом факты в процессе их исследования представляются сперва лишь более или менее вероятными и лишь в результате их исследования эта вероятность превращается в достоверность. Отсюда – проблема соотношения вероятности и достоверности фактов, подлежащих исследованию и установлению судом по рассматриваемому им делу… Могут быть доказательства, которые делают как событие преступления, так и виновность обвиняемого очевидным, несомненным, но могут быть и такие доказательства, которые делают и то и другое маловероятным. Обстоятельства дела могут быть сложны, запутанны, собранные по делу доказательства противоречивы… Производство по уголовному делу часто начинается с более или менее высокой степени вероятности того, что совершено преступление и совершило его данное лицо, но окончательное разрешение дела, окончательный приговор, признающий подсудимого виновным, может быть постановлен лишь тогда, когда вероятность превратилась в достоверность».[88]

Из всего сказанного можно выделить обстоятельство, имеющее существенное значение для понимания места и роли внутреннего убеждения судьи при оценке доказательств в период 20-40-х годов как критерия истины, устанавливаемой по делу. Это меняло сущность доказательственного права независимо от философской категории абсолютной истины по делу, поскольку такая истина могла быть установлена на основании убеждения судьи, а как абсолютная истина она не подлежала сомнению.

Общеизвестны факты нарушения законности, которая понималась как соответствие действий правоохранительных органов и суда положениям норм законов, но применение которых корректировалось с учетом убеждения судей, формируемого правосознанием, основанным на политическом понятии социалистического правосознания как категории публичного права, а не на совести судьи как члена общества, устанавливающего в уголовном процессе конкретные обстоятельства преступления. Следует заметить, что введение в процесс оценки категории социалистического правосознания по существу вводило в оценку доказательств цель, на достижение которой были направлены нормы права. При таком подходе к разрешению гражданских дел частные интересы граждан и защита частной собственности подчинялись требованиям общества, отрицающего частную собственность.

В связи с этим следует вспомнить слова Н. В. Крыленко о том, что «процессуальные нормы – это гармошка, которую рабочекрестьянская власть сжимает в зависимости от условий…»[89].

Рассматривая цели и задачи доказательственного права как комплексного института гражданского процессуального права, И. В. Решетникова отмечает, что из отождествления целей и задач правосудия по гражданским и уголовным делам «вытекает, что при рассмотрении и гражданских, и уголовных дел суд должен установить истину, компромиссов быть не может. Гражданский спор – это не уголовное деяние, рассмотрение которого в суде требует в деталях воспроизвести произошедшее, чтобы наказать виновного. В гражданском споре стороны являются равными носителями материальных прав и обязанностей, поэтому важно определить, в чем состоят их интересы». Далее автор совершенно справедливо отмечает, что отождествление целей и задач уголовного и гражданского процессов «олицетворяют, если можно так сказать, государственно-правовой подход к сущности гражданского процесса, определяя соответствующие приоритеты: интересы государства, объективное право, установление истины по делу. В настоящее время в обществе происходит смена ориентиров, когда постепенно физические и юридические лица становятся равноценными с государством субъектами права»[90].

Соответственно ГПК РФ 2002 г. сформулировал в ст. 2 задачи гражданского судопроизводства, которыми являются «правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации,

муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду».

Обратимся вновь к уголовному процессу, где столь существенное значение имеет установление состава преступления для реализации целей уголовной политики в уголовном процессе.

Рассматривая проблему установления истины по делу, причины отказа законодателя от понятия истины в УПК РФ 2001 г. и изменения подхода законодателя к установлению истины в гражданском процессе, мы должны коснуться вопросов о соотношении внутреннего убеждения по делу и достоверности выводов решения суда.

Б. Рассел писал: «….очевидно, что умы не создают истинности или ложности. Они создают веры, однако ум не может сделать их истинными или ложными, за исключением того особого случая, когда речь идет о будущем».[91] Отметим, что законодатель при принятии нового закона всегда имеет в виду воздействие на поведение граждан именно в будущем.

М. М. Гродзинский в своем исследовании обоснованно отметил, что «замена системы законных доказательств системой впечатлений судьи была бы не чем иным, как переходом от вредной связанности судьи предписаниями закона к не менее вредной беспредельной свободе судейского усмотрения… Поэтому доктрина свободной оценки доказательств и исходит из того, что убеждение судьи должно быть обосновано доказательствами…»[92].

При этом для достижения верного знания в отношении фактов и их правовой оценки суды используют неодинаковые средства. «Фактические обстоятельства дела подтверждаются с помощью доказательств, которые выявляются, истребуются, исследуются и оцениваются в соответствии с нормами процессуального права. Правовая же оценка установленных фактов, посредством которой выясняются права и обязанности сторон в процессе, проводится на основе норм материального права. Уяснение смысла подлежащих применению правовых норм достигается различными способами толкования: грамматическим, логическим, систематическим и историческим толкованием нормы права»[93].

Необходимо рассмотреть вопрос о содержании и объеме понятия истины, устанавливаемой по делу. В литературе по этой проблеме высказывается несколько точек зрения. Так, М. С.

Строгович исходит из того, что уголовно-процессуальная деятельность и уголовно-процессуальное право предусматривают установление фактических обстоятельств преступления. П. А. Лупинская полагает, что в содержание истины приговора входит и правовая оценка действий обвиняемого. И. И. Мухин включает в содержание истины и назначение судом наказания за преступление, если установлена вина лица в его совершении.

Независимо от того, как процессуалисты понимают цель в уголовно-процессуальном праве, объект и предмет исследования, закон позволяет определить содержание истины, подлежащей установлению в уголовном процессе, поскольку содержание этого понятия полностью охватывается содержанием состава преступления в уголовном праве. Так, при постановлении приговора необходимо разрешить следующие вопросы: имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; содержит ли это деяние состав преступления и каким именно уголовным законом оно предусмотрено; совершил ли это деяние подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении преступления; подлежит ли подсудимый наказанию за совершение преступления; какое именно наказание должно быть назначено, и т. д.

Часть этих вопросов относится к материальному, уголовному праву, а часть – к уголовно-процессуальному праву. Исходя из этого представляется обоснованной точка зрения об установлении в уголовном процессе фактических обстоятельств дела, на основании которых производится оценка судом в процессе квалификации преступления, обстоятельств, относящихся к общественным последствиям совершения преступления и его общественной опасности. Этот вывод можно изложить следующим образом: содержание истины, которая устанавливается в уголовном процессе, обеспечивает истинность применения нормы уголовного права, т. е. устанавливается истина юридическая, выражающая уверенность субъекта познания в достоверности его знания фактических обстоятельств дела, когда достоверность подтверждается доказательствами.

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. требовал изложения в решении оснований решения и законов, которыми суд руководствовался.[94]

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г. в ст. 194 устанавливал, что при вынесении решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены, и какие – не установлены, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению.

Действующий с 1 февраля 2003 г. ГПК РФ формулирует вопросы, подлежащие разрешению при принятии решения с некоторыми изменениями. При принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению.

Установление судом характера правоотношений сторон меняет подход к разграничению понятий публичного и частного в гражданском процессе. С учетом прав и свобод, которые имеют граждане, именно они определяют предмет и основания иска, и фактические обстоятельства, которые устанавливает суд, начинают носить характер юридической истины. Это и заставляет, по существу, отказываться от старого понимания истины в процессе, поскольку истина могла быть абсолютной при понимании идеи права как абсолютно единого и материалистически истинного явления.

Мы же говорим об истине как о процессе движения истинности и ложности. В связи с этим здесь целесообразнее применить категории правды и лжи в процессе, на что уже обращалось внимание в настоящей работе. Для раскрытия их сущности необходимо прежде всего обратиться к деятельности защиты по уголовному делу. В качестве одной из целей процесса законодатель длительное время определял истину по делу, т. е. достоверное установление фактических обстоятельств преступления, в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Применение понятия «истина» позволяет в первую очередь исследовать вопросы доказательственного права и процесса познания независимо от того, что законодатель, формулируя нормы процессуального права, отказывается от этого понятия, которое позволяет теоретически описать возникающие в процессе проблемы установления реальной действительности.

Н. Н. Полянский, исследуя проблему правды и лжи в деятельности защиты, отмечал, что «из начала подчиненности задачи защиты цели уголовного процесса вытекает ограничение средств, которыми защита в стремлении к осуществлению своей задачи может пользоваться… требование, чтобы защита ни в какой мере не служила помехою для достижения конечной цели процесса… если цель процесса – истина и справедливость, то защита обязана быть правдивой».[95]

Эта мысль указывает на значимость истины по делу как одной из целей процесса. Однако согласно принципу презумпции невиновности «защитник никогда не может говорить неправды,

но он не обязан раскрывать всю правду перед судом. Мало того, он действует вопреки своему призванию, когда устанавливает обстоятельства, уличающие его подзащитного».[96]

Защита не обязана говорить правду об уличающих обвиняемого доказательствах, но, осуществляя защиту и участвуя в исследовании доказательств, адвокат обязан обратить внимание суда и представить все доводы, опровергающие обвинение, что закреплено в процессуальном законе.

Прокурор, поддерживая обвинение, руководствуется требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на рассмотрении всех обстоятельств дела. Если в результате судебного разбирательства прокурор придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, он обязан отказаться от обвинения и изложить суду мотивы отказа (ст. 248 УПК РСФСР и ст. 246 УПК РФ).

Можно ли говорить, что обвинение, предъявленное обвиняемому и отраженное в обвинительном заключении, является достоверным и отражающим истину по делу? Нет, и законодатель предусмотрел, что при исследовании обстоятельств по делу прокурор руководствуется своим внутренним убеждением, которое основывается на доказательствах по делу. Убедившись, что обвинение предъявлено необоснованно, прокурор отказывается от обвинения.

Такой отказ является средством достижения судом истины по делу, как и процесс доказывания. «Особенность информационно-познавательной и конструктивной деятельности по судебному разбирательству дела… просматривается в том, что субъект доказывания на основе имеющихся в деле доказательств и уголовно значимой информации: во-первых, мысленно возвращается в

пространственно-временную и ситуационную сущность не только до, во время и после совершения рассматриваемого события преступления, но и ситуации предварительного расследования его; во-вторых, творчески активно прослеживает движение уголовно значимой информации и доказательств в ходе судебного разбирательства дела, познавая и устанавливая все обстоятельства. В результате у суда формируются основные модели, отражающие: а) преступную деятельность обвиняемого, б) полезную деятельность органа дознания и следствия, в) полезную деятельность суда по судебному разбирательству».[97]

Мы рассматриваем проблему истины в судопроизводстве и должны включить в ее содержание процесс постижения истины.

Статья 301 УПК РСФСР устанавливала, что при

постановлении приговора суд основывает его только на доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании.

Статья 75 УПК РФ определяет круг недопустимых доказательств.

Статьей 297 УПК РФ установлено, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона.

Законность приговора означает, что он построен на достоверных доказательствах, рассмотренных в их совокупности по правилам УПК РФ. По словам М. К. Треушникова, «вопрос о соотношении допустимости доказательств и достижения истины возникает логически закономерно. Если бесспорно, что судебные доказательства направлены к познанию истинных взаимоотношений сторон, фактов действительности, то не является ли отступлением от цели достижения истины исключение самим же процессуальным законом и санкциями норм гражданского права отдельных средств доказывания из процесса судебного познания… Представляется, что при исследовании данной проблемы должны быть учтены существенные факторы. При выяснении влияния института допустимости доказательств на установление фактических обстоятельств по делу нельзя не учитывать, что этот институт включает в себя нормы с “позитивным” и “негативным” содержанием… Нормы о допустимости доказательств с положительным, “позитивным” характером содержания полностью соответствуют цели достижения верного знания о фактических обстоятельствах спорного правоотношения, и никаких коллизий этих норм и целей правосудия нет и быть не может. Обязанность подтверждения юридических фактов только определенными средствами доказывания, установленная рядом норм права, гарантирует правильное рассмотрение и разрешение дела».[98]

Еще раз отметим, что имеющееся единственное различие между уголовным и гражданским процессами по указанной проблеме определяется материальным правом. В случае применения уголовного права речь идет о соблюдении прав и свобод гражданина при выполнении государством функции принуждения в целях охраны существующего правопорядка, а в случае применения норм гражданского права говорится о требованиях к участникам правоотношений, когда под страхом недействительности их деятельность должна соответствовать

норме материального права.

Таким образом, постановление суда является обоснованным, когда оно основано на достоверных доказательствах и понятие достоверности, принятое законом, позволяет сделать выводы об установлении по действующему процессуальному закону истины юридической, которая по существу охватывает понятия, ранее рассмотренные в процессе как достижение объективной, материальной истины. Такой подход связан прежде всего с тем, что, отказываясь от понимания истины абсолютной, относительной, объективной, законодатель поставил перед процессуальной деятельностью иные задачи, чем те, которые были предусмотрены ранее действовавшим законом. Указанные изменения позволяют законодателю изменить цели процессуальной деятельности и ввести в строго правовые рамки сложный процесс доказывания по судебному делу, связанный с применением принуждения к гражданам в условиях соблюдения их прав и свобод.

Отход от понимания достижения истины в судопроизводстве можно проиллюстрировать примером применения гражданского законодательства в 1922 г. Так, М. А. Андрес писал: «Я не берусь перечислять все те правила толкования, которыми должен руководствоваться всякий советский юрист, всякий советский суд, призванные разбираться в спорах о праве гражданском. Но ведь должен существовать какой-нибудь источник, из которого следует почерпнуть эти правила. Кодекс – мертвая маска, и только от того, как применять его, он приобретает свойство одухотворенного жизнью лица. Где же искать указаний по интересующему нас вопросу? Позвольте, примера ради, коснуться только двух положений. Первое из них гласит: “что не запрещено законом, то разрешено”. Спрашивается, какой вид примет Советская Россия и что останется от годов борьбы, если мы станем проводить этот принцип в области гражданских правоотношений? Сказано ведь обратное. Сказано, что уступки частному капитализму признаются исчерпанными, а при таких условиях не правильнее ли будет и Кодекс строить, и толковать его, и суд вершить, исходя из диаметрально противоположного положения: “что в области гражданских частноимущественных отношений не разрешено законом, то запрещено”. Еще один пример: “закон позднейший, – говорит юридическая мудрость, – поглощает раньше изданный закон”. Этот принцип толкования приводит к тому, что все новые, т. е. позже изданные, законы толкуются в распространительном смысле. Представьте себе, товарищи, что получится, если мы декреты нэпа станем применять в согласии с этим юридическим началом».[99]

Закон устанавливает, что доказательство должно соответствовать требованию относимости, которое влечет оценку доказательства с точки зрения связи с фактическими обстоятельствами дела (ст. 88 УПК РФ, ст. 59 ГПК РФ).

Допустимость – требование, предъявляемое к процессуальной форме получения доказательства и оформления (ст. 88 УПК РФ, ст. 60 ГПК РФ). Несоблюдение указанной формы влечет признание доказательства недопустимым и исключение из числа доказательств (ст. 75 УПК РФ, ч. 2 ст. 55 ГПК РФ).

Поскольку институт доказательств носит межотраслевой характер, то понятия относимости и допустимости являются институтами и гражданского процессуального права. «Процессуальные отрасли права, будучи смежными и однородными, также имеют пограничные институты – подведомственность, доказательства и прочее»[100]. Как гласит ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона»[101].

Статья 75 УПК РФ определяет, что недопустимыми являются доказательства: показания обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде; показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности; иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса.

Так, Президиум Верховного Суда РФ удовлетворил протест по делу Шенгафа, который во время ссоры нанес удары ножом в шею мачехе и отцу. Потерпевшие скончались на месте происшествия. Шенгаф осужден по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В обоснование своего решения о виновности Шенгафа суд указал на чистосердечное признание осужденного и его показания, данные в процессе предварительного следствия. Вместе с тем по делу установлено, что допрос обвиняемого производился в отсутствие защитника, хотя органами следствия было признано, что следственные действия могут производиться только с участием адвоката[102].

Согласно ст. 74 УПК РФ достоверность доказательства – это выражение в процессуальном праве и в процессуальной деятельности требования установления наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по делу в суде. Доказательствами по уголовному делу являются

любые сведения, на основании которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Доказательствами по гражданскому делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеюших значение для правильного рассмотрения и разрешения дела (ст. 55 ГПК РФ). Понимание достоверности доказательств в гражданском процессе по существу не отличается от понимания в процессе уголовном.

В теории уголовного процесса имеет место выделение двойственности доказательств. В этом случае доказательствами являются как источники доказательства, так и доказательственные факты. Под доказательственным фактом следует понимать «известный по делу факт, которым в совокупности с другими фактами устанавливается или опровергается виновность обвиняемого в совершении преступления», «доказательство как источник сведений о факте иначе называется средством доказывания».[103]

Выделение двух самостоятельных сторон доказательства устраняло проблему логического понимания доказательства как факта, которым участник процесса оперирует как достоверным знанием, используемым в качестве посылки в логике доказывания.

Такое понимание доказательства и достоверности факта давало основание для применения логики в доказывании, однако не объясняло достоверности факта, который использовался в качестве посылки. Понимание доказательства как источника и как факта устраняет этот недостаток, поскольку становится ясным, откуда берутся факты.

В теории доказательств в советском уголовном процессе приведена точка зрения о доказательстве как единстве сведений о факте (информации) и их источнике (носителе). «Понятие доказательства, признаки, характеризующие его содержание и форму, взаимодействуют с понятиями, относящимися к условиям и порядку собирания, проверки и оценки доказательств. Закон исходит из рельности общего, особенного и отдельного, когда устанавливает требования, которым должно удовлетворять каждое доказательство, когда определяет правовую природу

отдельных видов доказательств, процессуальный режим их формирования и проверки».[104] Представляется, что такая точка зрения гораздо конкретнее отражает сущность доказательства в процессе.

Следует выделить проблему доказательственных фактов, под которыми понимаются проверенные факты, имеющие сведения о фактах, используемых для вывода о преступлении. «Проверенные фактические данные, которыми оперирует следователь, суд в мышлении при построении выводов, можно условно именовать “доказательственными фактами”».[105]

При этом под доказательственными фактами понимаются те знания, которыми оперирует суд, и в процессе мыслительной деятельности судей образуется непрерывный процесс познания обстоятельств преступления. Здесь мы должны перейти к пониманию пределов доказывания по делу.

Предмет доказывания определяется как совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Установление предмета доказывания по конкретному делу определяет достаточность доказательств для принятия решения по делу. УПК РФ изменил круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу. Включение в такой круг обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, предполагает изменение задач процессуальной деятельности всех участников процесса. Оценка доказательств, как мы установили, производится на основании внутреннего убеждения судьи, и, следовательно, процесс формирования внутреннего убеждения является беспрерывным. При установлении достаточности доказательств исследование доказательств по делу завершается и суд постановляет приговор, произведя при этом оценку доказательств на основании внутреннего убеждения, которое сложилось у суда.

При этом определение достаточности доказательств также производится на основании внутреннего убеждения судьи, суда. Поскольку уголовно-процессуальное право разделяет движение дела на стадии, то на каждой стадии процесса принимается решение о достаточности доказательств для продвижения процесса. Например, следователь при предъявлении обвинения руководствуеся указанием процессуального закона о наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления о чем выносит мотивированное постановление (ст. 143 УПК РСФСР, ст. 171 УПК РФ). При этом достаточность доказательств определяется при их оценке следователем по его внутреннему убеждению, которое основывается на доказательствах, собранных по делу. Следует

отметить, что если внутреннее убеждение оказывается критерием истины, то и выводы следователя будут основываться не на материальных доказательствах, а на представлениях следователя о характере противоправных действий обвиняемого.

Завершая рассмотрение проблемы установления содержания истины в уголовном процессе, обратим внимание на то обстоятельство, что законодатель задачей уголовно-процессуальной деятельности определил обеспечение правильного применения закона, с тем чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию. При этом в задачу процессуального права не входит квалификация преступления, на что обоснованно указывают исследователи права.

Рассматривая проблему формирования убеждения судьи в правовом аспекте, необходимо остановиться на критерии истины по делу. Материализм исходит из того, что критерий достоверности знания не может быть внутри знания, а должен находиться вне его. Мы отметили проблемы, которые возникают при рассмотрении внутреннего убеждения судьи как критерия оценки доказательств, что приводит к субъективному искажению применения норм материального права. Такое искажение является недопустимым, поскольку уголовно-процессуальное право регулирует порядок применения государством мер принуждения в целях охраны существующего правопорядка.

Поскольку институт доказательств является межотраслевым, проблема доказательственных фактов разрешается и в гражданском процессе. Доказательствами являются полученные в предусмотренном порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. «Теоретико-познавательное истолкование начинается там, где теоретические конструкции интерпретируются с точки зрения их соответствия реальности, возможности приписать статус существования тем или иным используемым в теории абстрактным объектам. Такое исследование связано с анализом содержания эмпирических данных, подтверждающих теорию с точки зрения их обоснованности, наличия в них достоверного (истинного) или проблематичного знания»[106].

Понятие внутреннего убеждения судьи используется и в гражданском процессе, по своему внутреннему убеждению суд оценивает доказательства в арбитражном процессе (ст. 71 АПК РФ), в административном процессе (ст. 26.11 КоАП РФ).

Понятие внутреннего убеждения вводится в главы кодексов, регламентирующих процесс доказывания и оценки доказательств. Понятие связано с субъективной деятельностью участников процесса и судей.

Как пишет А. Г. Коваленко, «судебное доказывание – не просто единство логической и процессуальной форм деятельности. Строго говоря, это логическая деятельность, осуществляемая (протекающая) в рамках процессуальной формы. И судебные доказательства – не информация сама по себе, а система логически организованных в процессуальной форме доводов, использующих процессуальные средства для формирования у суда убеждения в истинности фактов предмета доказывания».[107]

Рассматривая далее структуру доказательства, автор приходит к выводу, что для судебного доказательства как единой структуры обязательными элементами являются: «Материальная форма существования (средство, вид доказательства, непосредственно воспринимаемый судом факт); содержание (сведения о фактах, обстоятельствах дела, информация как отражение материального мира и его свойств); процессуальный способ получения доказательства (только в рамках гражданской (арбитражной) процессуальной формы в соответствии с действующим законодательством)».[108]

Для цельной картины доказательств и процесса доказывания в процессуальной деятельности судьи не хватает только указания на то, что все это субъективный результат мыслительной деятельности судьи и других участников судопроизводства. Весь процесс выражается в одном результате, в убеждении, к которому приходит судья и которое закон называет внутренним, конкретизируя убеждение судьи применительно к делу, в отличие от убеждения, как категории правосознания, объем которого находится за пределами конкретного дела и выражает правовые взгляды, идеи, которых придерживается судья.

В литературе высказана позиция, что внутреннее убеждение судьи само нуждается в объективном и независимом от сознания судей критерии достоверности выводов приговора по делу в уголовном процессе. Такую позицию высказывали А. И. Трусов, П. Ф. Пашкевич, Э. Ф. Куцева, И. И. Мухин и др. «Но само убеждение судей должно быть правильным, обоснованным, поэтому нужен критерий и для самого внутреннего убеждения судей. Такой критерий – соответствие судейского убеждения фактическим обстоятельствам дела. Убеждение судей, не обоснованное данными дела, не вытекающее из обстоятельств дела, есть не действительное убеждение, а произвольное мнение,

впечатление».[109]

Практика является на только основой познания и критерием истины, но и целью познания. Познание явлений объективной действительность осуществляется не ради познания, а для практики.[110]«Правильное решение вопросов о возможности достижения объективной истины в уголовном судопроизводстве и ее характере находится в прямой зависимости от правильного понимания практики и ее роли в процессе доказывания по уголовному делу».[111] «Диалектический материализм понимает практику как целенаправленную, чувственно-предметную коллективную деятельность людей, направленную на создание материальных благ, преобразование природы или общества. Практика представляет собой целостную систему, составными частями которой выступают: а) цели человека, б) средства, в) результат, г) сам процесс деятельности. Лишь в единстве всех названных компонентов чувственно-предметная деятельность людей является практической деятельностью. Ни один элемент, составляющий содержание практики, сам по себе, вне связи с другими элементами, не является практикой и соответственно не обладает ее функциями в познании».[112]

Такое понимание практики позволяет оценивать содержание истины (достоверности) не только в уголовно-процессуальной деятельности. При этом нет необходимости абсолютизировать идеальную субъективную деятельность человека и материальное объективное содержание истины, отражающей достоверность доказательств.

Поэтому, анализируя практику как критерий истинности доказательств, процессуалисты всегда говорили о том, что «практика находится в основе чувственного познания следователя, судей и в тех случаях, когда их знания являются результатом опыта других людей… В связи с этим для следователя, судьи имеет первостепенное значение наряду с другими знаниями и знание практики расследования и рассмотрения других уголовных дел, достижений науки и техники». [113]

Обратим внимание на это мнение, во многом объясняющее позицию законодателя, который для познания достоверных обстоятельств дела и обеспечения независимости судей при доказывании в уголовном процессе прибегает к созданию суда присяжных, отличающегося от суда профессиональных судей и суда с участием народных заседателей. Отделение судей «факта» в суде присяжных от судей «права» обеспечивает снижение уровня влияния на формирование внутреннего убеждения судей профессиональных знаний, которые могут исказить результаты

процесса исследования доказательств.

Познание в судебном процессе всегда протекает в определенной процессуальной форме. Уголовно-процессуальная форма составляет внешнее содержание процессуальной деятельности, но в силу соотношения формы, которая является обязательной для суда, судьи, и сущности самого процесса доказывания форма не только отражает содержание процесса формирования убеждения судьи, но и может приобретать другое содержание, каковое законодатель в форму процесса не вкладывал. Мы обращаемся к уголовному процессу, поскольку в нем наиболее ярко выражается публичность процесса.

В этом случае изменение формы влечет изменение содержания.

Исследуя форму процесса, Х. Ц. Рустамов определил ее как «систему отношений, возникающих в процессе деятельности субъектов процесса в определенной последовательности и регулируемых уголовно-процессуальным законом при реализации норм материального права».[114] Раскрывая определение, он отметил, что процессуальная форма есть система отношений, порожденная деятельностью участников процесса, деятельность и отношения регламентируются уголовно-процессуальным законом, деяния и отношения существуют между субъектами уголовного производства, процессуальный порядок как определенная процедура создан для реализации норм материального права.

Таким образом, в форме процесса мы имеем как субъекта процессуальных действий, так и уголовно-процессуальное правоотношение, процессуальную форму реализации нормы уголовного права и реализации уголовного правоотношения.

Поскольку целью работы является определение процесса формирования и сущности внутреннего убеждения судьи, суда в процессе доказывания, то и процессуальная форма нас интересует как средство достижения этой цели. Теория доказательств в советском уголовном процессе содержит характеристику процессуальной формы доказывания. Это – «принципы уголовного процесса как основа процессуальной формы и их роль в доказывании, процессуальные гарантии в доказательственном праве и доказывании, процессуальное принуждение при осуществлении доказывания. Внутреннее единство принципов, форм и процессуальных гарантий обеспечивает единообразие доказывания в уголовном процессе на различных его стадиях». [115]

Введение примирительных форм обеспечивает экономию средств на осуществление государственной функции правосудия при высокой степени защиты прав и интересов граждан. Введение

форм с повышенными процессуальными гарантиями обеспечивает защиту граждан при рассмотрении дел с повышенной сложностью доказывания обстоятельств преступления с учетом их высокой общественной опасности и тяжести наказания.

Формы процессуальной деятельности и формы доказывания конкретизируются в нормах процессуального права.

Мы говорили о важности исследования права во время социальных катаклизмов, когда происходит изменение не только содержания, но и форм права.

В уголовно-процессуальной науке в первые годы существования советского государства высказывалось мнение о необходимости значительно сократить область правового регулирования доказывания, ограничившись указанием в законе лишь процессуальных принципов и общих положений.[116]

Мы исследуем правовые аспекты в одной из отраслей права, но для понятия конкретного необходимо понимание общего, абстрактного. Указанные попытки при формировании советского права были связаны с особенностью отрицания старого права. «Как сборник чисто технических норм, отражающих процесс или порядок судебного рассмотрения, Уголовно-процессуальный кодекс не отражает в той же степени выпукло, в какой Положение о судоустройстве или Уголовный кодекс отражает классовое содержание советского права».[117]

Раскрывая сущность внутреннего убеждения судьи, вновь обратимся к норме права. УПК РСФСР в ст. 71 и УПК РФ в ст. 17 содержат определение оценки доказательств, по которому суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием (по УПК РСФСР) и по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (по УПК РФ).

Норма права как понятие содержит существенные признаки, которые носят общий и абстрактный характер, распространяющий их действие на неопределенный круг лиц.

Норма права реализуется в конкретных действиях субъектов права и применяется к конкретным ситуациям, возникающим в процессе деятельности человека. Поскольку норма права носит абстрактный характер, в процессе правоприменения возникает необходимость ее толкования для того, чтобы установить, соответствует ли содержание нормы права той ситуации, в которой действует субъект применения права. Иными словами,

возникает необходимость конкретизировать норму права к тем отношениям, которые регулируются нормой права.

Термин «толкование» многозначен. «Под толкованием (истолкованием) зачастую понимается любой познавательный процесс, направленный на объяснение явлений природы или общественных явлений. В более узком смысле слова под толкованием понимаются объяснения выражений, формул, символов, т. е. знаков естественного или искусственного языка. Термином “толкование” обозначается также совокупность значений, смыслов, которые придаются знаком естественного или искусственного языка. Таким образом, под толкованием понимается, с одной стороны, определенный мыслительный (познавательный) процесс, направленный на объяснение знаковой системы, а с другой – результат этого процесса, выраженный в совокупности высказываний естественного языка, придающих указанной системе определенное значение».[118]

Приведем еще одно определение: «Толкованием, или интерпретацией, называется совокупность приемов, применяемых к произведениям человеческого духа с целью понять их… Задача толкования норм может быть определена наиболее точным образом так: толкование должно воспроизвести те представления и понятия, которые связывал с данной нормой ее создатель. Эти представления и понятия составляют смысл и содержание нормы и в то же время выражают мысль и волю автора. Поэтому задачу толкования можно еще сформулировать как “раскрытие содержания нормы”, или “развитие ее смысла”».[119]

Излагая проблемы толкования правовых норм, Н. Н. Вопленко отмечает три точки зрения по данному вопросу, группируя их следующим образом: а) толкование есть уяснение смысла правовых норм, б) сущность толкования составляет разъяснение норм права,

в) толкование представляет собой уяснение и разъяснение норм права [120].

Автор присоединяется к третьей точке зрения, поскольку без понимания сущности нормы права нельзя установить ее связь с отношениями, которые регулируются нормой права, и связь этих отношений с конкретными обстоятельствами по делу, по которому необходимо применение права.

Понимание нормы права и представления о ней зависят от представлений о праве. В данном случае приведем определение, принятое в советской науке права, которая рассматривала норму права как выражение воли государства: «…. норма права, будучи выражением государственной воли, всегда представляет собой веление государства… Она всегда содержит властное,

обязательное предписание государства относительно определенного поведения людей, определенного порядка в их отношениях».[121]

«Норма права – это исходящее от государства и им охраняемое общеобязательное формально-определенное предписание, выраженное в виде правила поведения или отправного установления и являющееся государственным регулятором общественных отношений»[122].

Для толкования нормы права используются различные способы: языковой, логический, систематический, исторический, функциональный.

Поскольку толкование применяется для уяснения и разъяснения нормы права, то при толковании нормы о внутреннем убеждении при оценке доказательств необходимо начать процесс толкования с уяснения смысла слова. Язык человека представляет собой отражение понятий внешнего мира и деятельности человека, что позволяет на основе терминологии создать представление об исследуемом предмете, поскольку язык отражает и логическую структуру исследуемого предмета. Термин «внутреннее» подчеркивает самостоятельность субъекта познания, защиту его представлений от постороннего воздействия. Убеждение отражает состояние человеческого сознания после исследования доказательств по делу, поскольку в норме указано, что оценка доказательств основывается на внутреннем убеждении судьи, опирающемся на всестороннее исследование обстоятельств дела.

История возникновения и развития понятия «внутреннее убеждение судьи» позволяет сделать вывод о том, что это понятие связано с появлением в уголовном процессе свободной оценки доказательств в связи с совершенствованием процесса познания, доказательственного права и процесса доказывания.

Как писал М. М. Гродзинский, «мысль о том, что непосредственное впечатление, получаемое судьей от того или иного доказательства, может оказаться ошибочным и что личный опыт судьи как критерий для оценки доказательства недостаточен, была одной из основ, на которых строилась старая, ныне отброшенная система законных доказательств, почему система эта стремилась заменить эти непосредственные впечатления судьи положениями, твердо обоснованными опытом целого ряда поколений судебных деятелей. Опыт этот показал, что доказательства требуют критического к себе отношения и могут иметь ценность только при наличии определенных условий… законодатель заменял эту вероятность абсолютной достоверностью и тем самым превращал указания эти из

общеруководящих в обязательные. Отказ от системы формальных доказательств заключался в отрицании этой обязательности.[123] Далее Гродзинский делает замечание, отражающее сущность внутреннего убеждения судьи: «Первое основное положение, из которого необходимо исходить при построении правильно понимаемого учения о доказательствах в области, относящейся к определению внутренней их ценности, заключается в надлежащем комбинировании указаний, получаемых судьей со стороны, со свободой внутреннего убеждения того же судьи….»[124] В данном случае это положение необходимо дополнить ссылкой на то, что под указаниями понимаются сведения и источники сведений о совершенном преступлении с их научной объективизацией.

Отнесение понятия «внутреннее» к деятельности не только судьи, но и всех субъектов доказывания подчеркивает самостоятельность субъектов доказывания и суда. При этом участники процесса доказывания не связаны позицией, высказанной каждым из них, и вправе производить оценку доказательств по своему убеждению независимо от характера выполняемых функций.

Поскольку внутреннее убеждение является элементом оценки доказательств и основано на доказательствах, отражающих обстоятельства, связанные с событием преступления, а оценку доказательств производит суд, устанавливая достоверность обстоятельств по делу, то внутреннее убеждение должно быть отнесено к субъективному в деятельности судьи, суда. «Убеждение – категория субъективная, и действие его во времени определяется моментом принятия определенного решения. Попытки различить “предварительное и окончательное убеждение” не имеют смысла».[125]

Раскрытие этого понятия как субъективного начала в деятельности судей позволяет объяснить его многогранность и сложность, отражение в убеждении правды и лжи, достоверности и заблуждения. Вместе с тем такое понимание сущности внутреннего убеждения позволяет подчеркнуть особенности познания в процессе и соотношение процесса доказывания с процессами познания в теориях познания, применяемых за пределами процесса, но применимых и к процессуальному познанию, процесс которого установлен нормами права.

Построение и деятельность суда присяжных основываются на положении, что деятельность профессиональных судей создает у них определенное предубеждение к обвиняемому, которое устраняется при участии в деле присяжных. Кроме того, деятельность человека при совершении преступления

воспринимается любым гражданином в пределах его разумного мышления, а участие присяжных обеспечивает гораздо более высокий уровень как презумпции невиновности, так и проверки достоверности доказательств, поскольку вердикт выносится 12 присяжными.

Отмечаются также высокий уровень независимости суда и возможность обвиняемого повлиять на формирование состава суда, что выражается в возможности немотивированного отвода присяжного заседателя.

Организация и деятельность суда присяжных подтверждают, что внутреннее убеждение судьи составляет субъективную часть доказывания. «Суд присяжных как элемент судебной системы общества, в котором сложнейшие вопросы о виновности решает не профессиональный судья, а коллегия присяжных, состоящая из 12 народных представителей, возник на достаточно высоком этапе развития человеческой цивилизации, когда люди не только перестали верить в суд богов, но и убедились, что идеальные судьи, обладающие совершенной мудростью, редко встречаются даже в мифах и легендах, а тем более на грешной земле, как среди профессиональных судей, так и среди народных представителей».[126]

В суде присяжных решение главных вопросов фактической стороны виновности обвиняемого зависит от вердикта присяжных. Вместе с тем председательствующий контролирует отбор и образование суда присяжных, решает вопросы о роспуске коллегии присяжных, если поступило заявление о тенденциозном ее составе до принятия присяги присяжных, принимает присягу у присяжных, разъясняет им их права и обязанности, окончательно формулирует вопросы, подлежащие разрешению присяжными, в напутственном слове высказывает свое наставление судьи-профессионала по правовым вопросам, возникающим при решении по делу.

То обстоятельство, что в советский период развития права исследователи понятия внутреннего убеждения оговаривали, что убеждение судьи не может быть личным, не противоречит предлагаемому решению, поскольку длительный период право в России не знало деления на публичное и частное. Судебный процесс представляет собой выражение права публичного, судья занимает должность в сфере публичного права и осуществляет свои публичные обязанности при рассмотрении уголовных и гражданских дел. Народный заседатель, присяжный заседатель, как и профессиональный судья, после привлечения к составу суда осуществляют публичные функции.

По мнению П. С. Элькинд, «рассматривая уголовно-

процессуальные функции как выраженные в определенных направлениях уголовно-процессуальной деятельности назначение и роль субъектов уголовного судопроизводства, мы тем самым подчеркиваем, что:

1) уголовно-процессуальные функции как роль и назначение субъектов уголовного судопроизводства проявляются в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности, которые и складываются из реализации специфических полномочий таких субъектов;

2) все уголовно-процессуальные функции имеют правовой характер, предопределяются нормами права и выражаются в относительно устойчивом правовом статусе каждого из их носителей… Категория “функция” остается лишь идеальной категорией вне ее реального претворения в жизнь».[127]

Такое понимание функции позволяет перейти к теоретическим вопросам соотношения процессуальной функции, уголовно-процессуального правоотношения, уголовно-процессуальной деятельности, гражданского процессуального правоотношения и внутреннего убеждения судьи, формирующегося в процессе доказывания по конкретному судебному делу при оценке доказательств.

Исследуя вопросы законности и правоотношения в советском обществе, Н. Г. Александров отмечал: «Отношение между людьми (или организациями людей), в котором их связь состоит в правомочиях и юридических обязанностях и представляет собой правоотношение. юридические нормы, следовательно, предусматривают, как правило, те или иные виды правовых отношений. Сущность же правоотношения всегда заключается в том, что оно является отношением, охраняемым государством в соответствии с нормами права, то есть волей господствующего класса, возведенной в закон, волей, содержание которой определяется условиями материального существования данного класса».[128]

Исследуя проблему уголовно-процессуальных правоотношений, В. П. Божьев выделил то обстоятельство, что уголовно-процессуальные правоотношения имеют единый предмет: «а) все эти отношения имеют единую цель – установление истины; б) эта цель обусловлена наличием общего объекта всего того множества общественных отношений, которые имеют место в процессе производства по уголовному делу; таким объектом является содержание уголовно-процессуального отношения; в) уголовно-процессуальным отношениям в силу специфики их содержания и объекта присуще публично-правовое начало».[129]

Уголовно-процессуальное правоотношение, через которое реализуются требования нормы процессуального права, регулирует деятельность участников уголовного процесса, у которых возникают права и обязанности. Уголовно-процессуальные функции реализуются в деятельности участников процесса, действия которых совершаются в пределах установленных нормами процессуального права правил их поведения. Действия участников процесса при осуществлении функций совершаются с непрерывной оценкой доказательств по внутреннему убеждению субъектов уголовно-процессуальной деятельности, в том числе судей, осуществляющих функцию разрешения дела.

«Достижение задач, поставленных законом перед уголовным судопроизводством, предопределяет установление и реализацию уголовно-правовых отношений с последующим приведением в действие механизма уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших преступление».[130]

Доказательства уголовного судопроизводства могут оказаться неприменимыми в гражданском судопроизводстве, поскольку иск в суде гражданском может вытекать из ненаказуемого правонарушения.

Гражданский процесс не знает понятия «предмет доказывания», и доказыванию подлежат факты и обстоятельства, имеющие значение для дела. Доказательства используются в процессе для подтверждения законности возникновения и развития гражданских правоотношений. Не случайно в теории доказательственного права выделяется особенная часть: «Особенная часть доказательственного права складывается из норм особенной части гражданского процессуального права и норм материального права. Специфика доказывания не может быть полностью отражена в особенной части гражданского процессуального права. Те нормы о доказательствах, которые содержатся в нормативных актах материального права, там и должны оставаться, так как они являются неотъемлемой частью соответствующих материально-правовых институтов. Субъекты доказывания будут и впредь апеллировать к нормам материального права в суде при определении предмета доказывания, обязанности доказывания, допустимости доказательств»[131].

Доказывание неправомерной деятельности отличается от доказывания в процессе правомерной деятельности, когда правомерность подтверждается в установленном материальным законом порядке. Соответственно в уголовном процессе действует презумпция невиновности а в гражданском процессе –

презумпция виновности ответчика. Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что различные виды правомерной деятельности в гражданском судопроизводстве нуждаются в определенных доказательствах и процессе доказывания, как требуют доказывания различные составы преступления в уголовном процессе, что создает процессуальные особенности доказывания как в одном, так и в другом процессах.

Рассмотрение правовых аспектов доказывания по судебному делу требует уточнения положения судьи, суда в процессе при осуществлении функции доказывания по делу. «Как известно, в теории доказательств утвердилось представление о доказывании как о познании (непосредственном и опосредованном) события прошлого, осуществляемом следователем, прокурором, судом в особой процессуальной форме – путем собирания, проверки и оценки доказательств».[132]

Вместе с тем, как отмечает С. А. Шейфер, в процессуальной науке высказано суждение, согласно которому суд является не субъектом доказывания, а лишь субъектом познания. Критикуя предлагаемую позицию, он пишет: «….дело не только в пренебрежении здравым смыслом. Рассматриваемая концепция беспомощна и в методологическом аспекте, так как пытается развести, разъединить процессы извлечения знаний и обоснование их истинности. Между тем нераздельность этих операций не вызывает сомнений в теории познания. Вопреки этому познание пытаются ограничить извлечением знаний и в то же время гипертрофируют логический аспект познания – обоснование истинности знания (как об отдельных фактах, так и об их совокупности). В действительности же оба эти вида деятельности составляют лишь разные стороны единого процесса познания. Иначе говоря, доказывание в узком смысле этого слова, т. е. обосновывающая деятельность мысли, – это неотделимый элемент познания, проникающий в систему практических операций по собиранию и проверке доказательств. Следовательно, познание не предшествует обоснованию конечного вывода, а включает его в себя, хотя на отдельных этапах познавательного процесса извлечение знаний и обоснование их правильности имеют разный – больший или меньший – удельный вес».[133]

Обратим внимание на то, что данная позиция исходит из положения суда как субъекта доказывания. Такая точка зрения полностью соотносится с положением суда в советском уголовном процессе, когда норма права и процессуальная форма не учитывали принципа разделения властей, когда суд являлся одним из правоохранительных органов и выполнял функцию по

борьбе с преступностью. Такой подход к суду, судье и его положению в уголовном процессе встречается и в настоящее время. Так, в одной из работ читаем: «Наиболее общей целью деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, определяемой нормами уголовно-процессуального права, является борьба с преступностью, постепенное искоренение этого явления»[134].

В соответствии с подходом ст. 2 ГПК РСФСР 1964 г. суд выполнял по существу роль следователя по гражданским делам, осуществляя задачи правильного и быстрого разрешения гражданских дел в целях охраны общественного и государственного строя СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности. Гражданское законодательство должно было способствовать укреплению законности и воспитанию граждан в духе исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития.

«Изменения и дополнения ГПК 1995 года коснулись важнейших положений гражданского судопроизводства; принципов состязательности, диспозитивности, законности, объективной истины; полномочий суда первой, кассационной и надзорной инстанций. Эти изменения, особенно касающиеся роли суда в доказывании и установлении обстоятельств гражданских дел, настолько существенны, что требуют корректировки правосознния судей, их избавления от многих прежних стереотипов и выработанных штампов, приобретения нового опыта. К сожалению, этот процесс идет очень трудно и медленно. Многие до сих пор не осознают (или не решаются осознать), что теперь суд не обязан по своей инициативе принимать все меры “для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон”, а, основываясь на конституционном принципе состязательности, должен создавать “необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела”».[135]

Изменение положения суда в процессе, основанное на положениях ст. 46 Конституции РФ, и выделение функции разрешения дела, выполняемой судом, позволяют сделать вывод о том, что мыслительная деятельность суда основывается на теории познания, но суд и судья не осуществляют функции доказывания вины в уголовном процессе, что является функцией обвинителя. В гражданском процессе суд не выполняет роли следователя при установлении характера прав и отношений сторон, но это не лишает суд права на участие в процессе доказывания, когда судья создает участникам процесса условия для представления доказательств, в качестве обоснования выводов решения по делу в

рамках функции, отведенной процессуальной формой суду, – функции разрешения дела.

Да, инквизиционный процесс предполагает доказывание судом вины, но это не значит, что в состязательном процессе суд выполняет ту же функцию. Отход от функции доказывания не означает, по нашему мнению, полного перехода суда к функции познания обстоятельств по делу.

Обратимся к критике, которой подвергался советский уголовный процесс после изменения социально-экономических условий в стране. «Наиболее существенными проявлениями неоинквизиционного характера советского уголовного процесса выступают, таким образом, включение суда в круг субъектов, реализующих функцию обвинения, непризнание за судебным разбирательством особой роли, фактическое придание ему значения равноправного элемента развивающегося во времени уголовного преследования».[136]

Действительно, мыслительная деятельность в процессе познания абстрактна и идеальна, и поэтому познание и доказывание в теории познания диалектически связаны, сущности познания и доказывания разделяются условно, что и вызывает дискуссии. Однако это не дает оснований для отождествления деятельности суда по рассмотрению дела с выполнением функции доказывания. Такая функция может быть возложена на суд только в процессуальном законе, устанавливающем соответствующую процессуальную форму. Однако такая процессуальная форма не сможет полностью ограничить такое понятие, как «внутреннее убеждение суда» при оценке доказательств, поскольку ограничение внутреннего убеждения ограничивает свободу познания, которая окажется ограничена формой. Форма же процесса используется законодателем только для ограничения противоправной деятельности участников процесса.

Рассмотрим место суда, судьи как субъекта уголовного процесса и субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, движение которых зависит от позиции суда по делу.

Суд, как правило, определяется в качестве основного субъекта уголовного процесса, к которому обращаются другие субъекты и который разрешает дело по существу. В деятельности суда, завершающем разбирательство дела вынесением приговора, происходит постоянное движение идеального и материального как постоянного диалектического противоречия. «Оценку доказательств советский закон предоставляет внутреннему убеждению судей, оно как мыслительный процесс происходит в сознании судей, подчиняется объективно существующим и

независимым от воли людей законам мышления, правилам логики».[137]

Позиции процессуалистов во многом определяются прежде всего сугубо материалистическими подходами к деятельности суда, судьи в уголовном процессе. Это обстоятельство нарушает то равновесие, которое должно существовать между идеальным и материальным в процессе, поскольку явления объективной действительности и являются критериями достоверности. Процесс доказывания регулируется нормами процессуального права, а познание как гносеологическая категория основывается на законах логики и диалектики.

К судье и суду в уголовном процессе полностью относится тот круг вопросов, который сформулировал Г. П. Корнев:

«– кто в соответствии с законом может быть субъектом познания в уголовном процессе;

– какие юридические обязанности и субъективные права он приобретает, равнозначны ли они по отношению ко всем субъектам, участвующим в процессе или нет;

– каков характер познавательного отношения в уголовном процессе, как влияет специфика объекта познания на характер познавательной деятельности субъекта;

– в каких формах функционирует в уголовном процессе информация знания об объекте и в чем их принципиальная особенность….»[138]

Суд, судья в уголовном процессе являются субъектом познания, и вся деятельность суда регламентирована процессуальным законом, с тем чтобы суд имел возможность разрешить дело по существу. Именно в связи с этим суд и судья наделяются полномочиями по осуществлению правосудия, и принципы судопроизводства направлены на установление обстоятельств дела.

Предмет доказывания в полном объеме определен в уголовно-процессуальном законе, о чем мы уже говорили. Здесь следует заметить, что «в действительности уголовное право не является предположением процесса, ибо не действительная вина, а утверждение о такой вине составляет предположение процесса; уголовный процесс действует не только против виновного и против заподозренного, а также и против невинного; уголовный процесс есть совершенно независимое публичное право на возникновение процессуально-правового отношения и на завершение последнего через приговор; возможно как возникновение процесса без вины обвиняемого, так и существование материального уголовного права без права на предъявление уголовного иска… Уголовный процесс имеет и

самостоятельный объект, и самостоятельные задачи. Уголовное право имеет объектом, по выражению проф. Фойницкого, личную виновность и наказуемость, уголовный процесс – способы производства уголовных дел. Задача – установление права государства на наказание….»[139]

Решая вопрос о сущности внутреннего убеждения суда, судьи в процессе, обратим внимание на то, что под оценкой доказательств в процессе ученые понимают мыслительную деятельность, которая абстрактна, как и внутреннее убеждение. Определение абстрактного понятия через такое же абстрактное понятие не может иметь места, поскольку в этом случае нет субъекта деятельности, а деятельность по доказыванию производится человеком. Отсутствует и критерий достоверности понятия, поскольку таким критерием может быть только практика деятельности в процессе.

Анализируя понятие истины в процессе, С. В. Курылев отметил, что «для вышестоящей судебной инстанции необходимость проверки познания отпадает потому, что в силу предписания закона суд в мотивировочной части постановления указывает результаты познания».[140]

Исследуя соотношение гносеологической и правовой сторон доказывания в российском уголовном процессе, Е. А. Доля полагает, что «чувственное познание находит выражение в таких формах, как ощущение, восприятие и представление. Они формируются в сознании, когда следователь и судьи, собирая доказательства, производят, например, осмотр предметов, служивших орудиями совершения преступления, и непосредственно воспринимают относимые к делу их свойства и состояния, а на основе полученных чувственных данных создают образы этих обстоятельств и фактов… На эмпирическом уровне познания происходят сбор фактических данных об отдельных сторонах, свойствах и связях исследуемого объекта, определенное упорядочение, систематизация этих данных и описание объекта. Эмпирический уровень соответствует тому, что в процессе доказывания именуют собиранием и частично проверкой доказательств… Познание сущности преступления, т. е. достижение истины по делу, недоступное для чувственного познания, осуществляется с помощью рациональной формы познания на логическом уровне… Формами выражение логического знания являются понятия, суждения и умозаключения. Их виды, правила построения изучает логика. Для правильного отражения преступления на логическом уровне познания необходимо связать понятия в соответствии с действительно существовавшими и существующими связями

между явлениями, предметами, их свойствами и отношениями. Представление, полученное на основе чувственного познания, должно быть подвергнуто логической обработке. Без этого невозможно установить объективную истину по делу… В связи с изменением соотношения форм познания в ходе доказывания, исходя из учета возможности на логическом уровне познания проникать в сущность связей, отношений, явлений и фактов, законодатель и относит цель установления объективной истины по уголовному делу на заключительный этап доказывания – этап оценки всей совокупности собранных и проверенных доказательств. Соотношение чувственной и рациональной форм познания на различных этапах доказывания изменяется. Роль уголовно-процессуального закона в организации чувственного и рационального познания при доказывании постепенно уменьшается по мере возрастания удельного веса рациональной формы познания».[141]

Рассматривая вопросы судейского усмотрения, Аарон Барак отмечает: «Первая область судейского усмотрения относится к решению о фактах».[142]

В. В. Никитаев, анализируя проблемы юридического мышления и догм теории доказательств в уголовном процессе, делает вывод о том, что «судебная деятельность и мышление суть собственно юридические, не сводимые ни к естественнонаучному, ни к инженерному, ни к какому-либо другому типу. Пожалуй, можно было бы определить судебное мышление как критическое, учитывая при этом, что исторически вообще критическое мышление как таковое выросло из судебного. Так, обвинение критикует презумпцию невиновности данного подсудимого, а защита, в свою очередь, критикует эту критику. Критерий вне разумных сомнений характеризует, в действительности, актуальную ситуацию разрешения дела. В нем выражено субъективное состояние уверенности, а не объективная истина, что именно так все и было на самом деле, потому и в состав суда присяжных включают 12 человек, чтобы избежать крайнего субъективизма». «Объективная (материальная истина) есть фикция, точнее, юридическая фикция, позволяющая использовать Уголовный кодекс для постановления приговора, а потому ее сохранение как средства уголовного процесса предполагает, что на первое место будет поставлена процессуальная истина. Сохраняя логически понимание истины как соответствия, процессуальную истину можно определить как соответствие судебного процесса (а значит и его результатов) требованиям процессуального права».[143]

Оценка доказательств производится судом по внутреннему

убеждению в соответствии с объективно установленными по делу обстоятельствами в их совокупности (определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР).[144]

Несовпадение точки зрения судьи, действовавшего добросовестно на основе внутреннего убеждения, с точкой зрения вышестоящего суда, уполномоченного на отмену решения судьи, даже в случае отмены этого решения, не только не дает оснований для привлечения судьи к ответственности, но такое привлечение является противозаконным и грубо нарушает принцип независимости судьи (Определение УСК Верховного Суда СССР от 15 июля 1944 г.).[145]

Отмеченные многоплановость и полилогичность понятия «внутреннее убеждение», которое должно, по существу, включать основания доказательств по делу, требуют обращения к праву для определения такого понятия.

Проблемы формирования внутреннего убеждения, определение содержания внутренннего убеждения связаны с правоприменением, когда требования нормы права, относящиеся к неопределенному кругу лиц, должны быть применены к конкретным обстоятельствам дела конкретного участника уголовно-процессуальных правоотношений. Поставленная задача дает основания для обращения к такому понятию, как «фикция» – категории, связанной с юридическими предположениями. С учетом материалистического подхода к правопониманию сущность и понятие фикции длительное время не разрабатывались в теории уголовного и уголовно-процессуального права. Обратимся к работе Г. Дормидонтова, исследовавшего понятие фикции: «Люди, очевидно, не могут все еще обойтись без вымыслов; прямая голая истина часто еще не дается им или оказывается, по-видимому, им не по плечу, и они прибегают к помощи вымысла, чтобы к ней хоть как-нибудь приблизиться или, наоборот, чтобы от нее уклониться. Слову “фикция” придают различный, то очень обширный, то более или менее тесный, смысл, и отсутствие точной терминологии немало затрудняет исследование и изложение интересующего нас предмета… Предположение, которым прикрывают или стараются прикрыть тот факт, что правило закона подверглось изменению, то есть что его буква осталась прежней, а применение изменилось. Фикция есть известный прием мышления, состоящий в допущении существующим известного несуществующего обстоятельства или, наоборот, несуществующим существующего».[146]

Применение понятия внутреннего убеждения при оценке доказательств позволяет выделить в познании и доказывании

круг обстоятельств, определяемых законом для процесса доказывания. Соответственно понятие «фикция» полностью охватывает основания внутреннего убеждения, выделяет для правоприменителя тот круг обстоятельств реального мира, который имеет значение для дела. В познание вводятся достоверность, относимость, допустимость, достаточность доказательств и не в абстрактном понимании общей нормы, а в конкретном понимании, применимом к реальной действительности.

Такая позиция позволяет учесть сущность как оценки доказательств, так и внутреннего убеждения судьи при постановлении решения по делу, разграничить периоды применения принципов относимости и допустимости доказательств, поскольку при проверке доказательств имеет существенное значение допустимость доказательств, а в стадии оценки – относимость доказательств.

Понимание оценки доказательств как осознания достоверности полученного по делу знания лишает оценку ее сущности завершения стадии исследования доказательств и допускает смешение понятий «внутреннее убеждение» и «оценка доказательств».

Исследовав основные теоретические положения процессуального закона и вопросы, связанные с практической деятельностью судьи в состязательном процессе при выполнении им функции разрешения уголовного дела, попытаемся определить понятие «внутреннее убеждение судьи». Это позволит описать особенности данного понятия в процессе расследования преступления, при движении уголовного дела в суде, постановлении приговора, рассмотрении гражданского дела, вынесении решения по гражданскому делу и рассмотрении административных дел.

Предварительно необходимо сделать замечание, касающееся личности судьи. Отличие судьи-профессионала от судьи-присяжного и судьи – народного заседателя выделяется только на уровне профессиональных знаний, каковые судья получает как юрист и как практик в процессе своей деятельности. В остальном судья как гражданин государства и член общества обладает обычными качествами гражданина.

Судья является чиновником, находящимся на государственной службе, и в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 31 июля 1995 г. «Об основах государственной службы Российской Федерации» занимает государственную должность категории «А», установленную для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. Суд создан

для осуществления правосудия, и правосудие осуществляется только судом, что установлено ст. 118 Конституции РФ. Как государственный служащий судья имеет право на осуществление своих полномочий и несет ряд обязанностей, круг которых определен Конституцией РФ и федеральными законами.

В процессе судья является субъектом процессуальных правоотношений, наделяется процессуальным законом и законами о судоустройстве, статусе судей, правами и обязанностями. Права судьи в процессе не могут быть ограничены, что установлено принципом независимости судей. Круг его обязанностей определен законом, и подчиняется судья только требованиям закона, что выделяет его из числа других субъектов процесса.

Поэтому можно утверждать, что судья, наделенный в установленном порядке полномочиями (профессиональный судья назначен на должность, присяжный вызван в суд и включен в коллегию присяжных), имеет все права и обязанности, установленные процессуальным и материальным законами. При этом он имеет право, выполняя процессуальную функцию разрешения дела по существу, давать оценку доказательствам.

Итогом деятельности суда является достоверное знание о фактах, образующих состав преступления, и квалификация содеянного в соответствии с материальным законом, что образует презумпцию истинности приговора.

«Фактическое основание решения представляет собой фактические материалы дела, отобранные судом в результате их проверки и оценки для решающего вывода, получившего отражение в мотивах решения». [147]

Внутреннее убеждение является элементом мыслительной деятельности по исследованию и оценке доказательств и выражает содержание доказательств наличия в действиях обвиняемого состава преступления, выражает фактический состав гражданского правоотношения, установленный по делу. В результате деятельности по осуществлению правосудия судья, выполнив требования процессуального закона по делу, выносит приговор по уголовному и решение по гражданскому делу, которые обязательны для всех граждан и принудительно исполняются, материализуя волю права, направленную на охрану интересов, прав и свобод гражданина.

Таким образом, «внутреннее убеждение судьи» является правовой категорией, фикцией, выражающей субъективную мыслительную деятельность судьи по осуществлению правосудия по конкретному делу в целях достоверного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, с последующей

объективацией результатов в решении суда, включающей как процесс исследования, так и оценки доказательств, условия для правовой квалификации содеянного, оценки результатов деятельности участников процесса по выполнению процессуальных функций, переходящей в ходе разбирательства дела и вынесения судом решения в конкретное достоверное знание об обстоятельствах дела, основанное на доказательствах.

Такое определение понятия внутреннего убеждения судьи позволяет использовать его для раскрытия особенностей формирования убеждения в процессе разрешения дела судом, независимо от его широкого многоаспектного содержания, присущего внутреннему убеждению.

Вместе с тем необходимо учитывать, что «не любой акт применения понятий и категорий для получения новых знаний обеспечивает реализацию их теоретической функции. Сами по себе понятия и категории не гарантируют правильности движения мысли к новым знаниям и в ряде случаев приводят к неполным, односторонним и вообще ненаучным знаниям. Причина же ошибок и заблуждений кроется не в самих понятиях и категориях, а в их неумелом или неправильном применении познающим субъектом».[148]

Процессуальные функции в процессе выражают назначение и роль субъектов процессуальных правоотношений. Движение процессуальных правоотношений зависит от субъекта правоотношения, каковым является судья по делу. Процесс познания судьей фактических, эмпирических данных ведет к познанию рациональному, в котором снижается правовой аспект познания. Особенностью процесса формирования убеждения судьи является то, что право регулирует процесс познания. Именно это обстоятельство вызывает дискуссии, так как внутреннее убеждение формируется именно как отражение материального мира и субъективных действий участников процесса. Понимание внутреннего убеждения как выражения действительности устраняет проблему доказательства и источника доказательств, так как дает единство факта и сведений о факте.

Поэтому и раскрытие понятия внутреннего убеждения судьи, суда возможно лишь после исследования процесса формирования убеждения при реализации принципов процесса.

Глава 2
Независимость судьи и процесс оценки доказательств

2.1. Внутреннее убеждение судьи как элемент правоотношения

Рассматривая внутреннее убеждение как правовое понятие, отражающее субъективную, абстрактную часть доказательственной деятельности субъекта процессуальной деятельности, судьи, действующего в условиях конкретной материальной и правовой действительности в целях познания обстоятельств дела и оснований правовой квалификация по делу, мы сформулировали определение этого понятия.

Поскольку понятие «внутреннее убеждение» отражает конкретные действия субъекта процессуальной деятельности, нам необходимо рассмотреть это понятие в движении, с точки зрения теории правоотношения, в процессе правоприменения. Значение теории правоотношения мы уже отмечали при анализе связей процессуальных функций судьи и его внутреннего убеждения.

В обществе место применения права своеобразно: оно располагается между юридической нормой, правоведением и повседневной практикой, причем со всеми оно связано. Оно постоянно реагирует на повседневную практику, на общественные изменения. Правоприменяющие органы, учитывая эти перемены, должны своевременно выполнять свои задачи.[149]

Норма процессуального права реализуется в процессуальных правоотношениях.

Сущность понятия правоотношения раскрывается через понятие общественного отношения. «Общественные отношения – это одна из важнейших форм осуществления человеческого опыта, поэтому в обществе, особенно современном, материальное производство, правовая, политическая, моральная и даже собственно духовная деятельность осуществляются в реальности только посредством тех или иных форм общения людей, и прежде всего через систему общественных отношений…»[150]

Общественное отношение, таким образом, предполагает наличие субъектов отношения, поведение которых и подвергается регулированию нормой права, что превращает отношения в правовые, и каждый из субъектов обладает субъективными правами и обязанностями.

Для того чтобы осмыслить проблему уголовно-процессуального правоотношения в деятельности судьи, необходимо обратиться к предмету уголовно-процессуального права, которое регулирует отношения в сфере уголовного судопроизводства и реализации уголовно-правовых отношений.

Как отмечает Ю. Г. Ткаченко, «отношения, подвергаемые регулированию со стороны права, можно с функциональной точки зрения называть правовыми, но при этом следует помнить, что регулирование не изменяет характера отношений, т. е. они остаются либо экономическими, либо политическими, либо духовными. Что же нового привносит в них правовое регулирование. Прежде всего оно привносит то, что характеризует всякое регулирование, – устойчивость и гарантированность от простого случая и произвола».[151]

Уголовно-процессуальные отношения возникают, развиваются и прекращаются в процессе возбуждения и производства по уголовному делу. В теории государства и права высказывалась точка зрения, согласно которой правоотношение следует понимать не как урегулированное нормой права отношение, но как связь субъектов правоотношений их правами и обязанностями.[152]

Рассмотрение только связей прав и обязанностей отделяет субъекта от фактических действий в рамках правоотношения. То обстоятельство, что имеет место сохранение точки зрения о правоотношении как урегулированном нормой права отношении, не противоречит, как представляется, рассмотрению правоотношения как связи прав и обязанностей субъектов правоотношения. При этом не меняется сущность понятия правоотношения, но уточняется механизм правового регулирования, а для уголовно-процессуального отношения в сфере доказательственного права такое понимание позволяет разграничить правовые аспекты доказывания и содержание доказательственной деятельности как теории познания в сфере уголовно-процессуального регулирования.

Такое понимание правоотношения и соотношения прав и обязанностей судьи с его познавательной деятельностью в ходе выполнения процессуальной функции по разрешению дела позволяет обосновать необходимость сохранения в процессе активной роли судьи при исследовании доказательств, поскольку познание невозможно без исследования возникших в его процессе вопросов. При этом судья не приобретает функции обвинителя по делу, однако устраняет возникающие у него сомнения в процессе познания по делу, по которому его роль в процессе исследования доказательств заключается в их восприятии, проверке, оценке.

Рассмотрение процесса реализации норм доказательственного права возможно только с применением методологических и теоретических положений, которые предоставляет исследователю разработанная в науке права теория правоотношения. Мы упоминали точку зрения профессора

Г. С. Фельдштейна, который, исследуя русский уголовный процесс, обоснованно указывал, что «мы наблюдаем в процессе проявление юридического отношения. Естественно, что не на всякой стадии исторического развития процесса мы встречаем такое расчленение функций, которое позволяет говорить о наличности процессуального отношения».[153]

Сущность использования теории правоотношения в исследовании процесса реализации нормы права выразил В. О. Лучин, который, исследуя конституционные правоотношения, указал: «Идею правоотношения как необходимого, обязательного условия претворения в жизнь юридических норм поддерживают многие ученые. Правоотношения служат главным средством, при помощи которого требования юридических норм воплощаются в поведении людей».[154]

П. А. Лупинская отмечает, что «уголовно-процессуальное право… предопределяет осуществление уголовно-процессуальной деятельности не иначе как в форме уголовно-процессуальных отношений, в которых его участники наделены правами и обязанностями».[155] Такая позиция представляется обоснованной, поскольку право регулирует общественные отношения и само понятие «регулирования» рассматривается в теории права как более широкое, чем процесс реализации права.

Для того чтобы определить место понятия «внутреннее убеждение судьи» в отношении по реализации норм доказательственного права, рассмотрим структуру правоотношения.

По общепринятой в теории позиции, «в состав правоотношения входят следующие элементы: 1) субъекты, 2) объект, 3) субъективное право, 4) юридическая обязанность»[156]. Такая точка зрения отражает классическое понимание правоотношения. Однако не исключено, что в жизни не всегда правоотношение может выражаться в практической деятельности именно с сохранением указанной структуры, которая может быть либо конкретизирована до элементарного состава отношения «судья – прокурор», либо усложнена в отношении «состав суда присяжных и прокурор». Более того, такое отношение, как «следователь – судья», не оказывается непосредственным, а разделено стадиями процесса. Вместе с тем это отношение является частью реализации нормы уголовно-процессуального права на стадии судебного разбирательства, когда производится исследование доказательств, добытых предварительным следствием, и разрешается вопрос об их относимости и допустимости.

Применение к процессу доказывания теории правоотношения

требует определения типа правоотношений, к которому принадлежат уголовно-процессуальные отношения. Мы уже отмечали, что правоотношения не меняют отношений, а только упорядочивают их, делают устойчивыми и защищенными от случайностей и произвола.

Исследуя уголовно-процессуальные правоотношения, В. П. Божьев выделял принятую классификацию правоотношений как материальных, идеологических и носящих исключительно правовой характер. При этом он разделял точку зрения, согласно которой уголовно-процессуальные правоотношения являются идеологическими. «Уголовно-процессуальные правовые отношения можно определить как идеологические общественные отношения, урегулированные нормами уголовно-процессуального права, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в сфере уголовного судопроизводства».[157] Аналогичную позицию высказал и В. Н. Щеглов в работе «Процессуальные правоотношения как идеологические общественные отношения».[158]

Рассматривая вопрос правоотношения с точки зрения общей теории государства и права, необходимо сделать поправку на то, что в период написания указанной работы уголовно-процессуальные отношения и гражданские процессуальные отношения должны были быть отнесены к идеологическим, поскольку служили одним из средств защиты господствовавшей в обществе моноидеологии.

Для правового решения вопроса о характере уголовно-процессуальных отношений необходимо обратиться к теории уголовно-правовых правоотношений, которые являются материальными, что не оспаривается в литературе. Почему необходимо такое обращение? Уголовно-правовые отношения отражают механизм уголовно-правового регулирования. Рассматривая уголовные правоотношения, Н. М. Кропачев выделяет регулятивные правоотношения, субъектами которых оказываются участники общественных отношений, охраняемых уголовным правом. Признаки субъектов указываются гипотезами этих норм, и если одним из субъектов всегда является государство, которому предоставлено право уголовного преследования, то с другой стороны субъектами отношения всегда выступают конкретные лица. «Уголовная правосубъектность представляет собой своеобразное правовое явление, которое существенным образом отражает специфику механизма уголовно-правового регулирования. Уголовная правосубъектность – это юридическая возможность иметь права и нести обязанности, предусмотренные уголовным законом…

соответствующие права и свободы относятся к каждому человеку».[159] При этом возникновение уголовно-правовых отношений является следствием конкретных юридических фактов. «Регулятивные правоотношения – главное средство обеспечения нормального функционирования общественных отношений уголовно-правовыми средствами. Однако их гарантированность от случая и произвола настолько важна, что регулятивное отношение, в свою очередь, обеспечивается охранительным правоотношением. Второе возникает вследствие совершения деяний, запрещенных уголовным законом, т. е. вследствие нарушения субъектом регулятивного юридического отношения».[160]

Таким образом, можно сделать вывод, что совершение преступления вызывает возникновение охранительного материального уголовного правоотношения. Однако для реализации уголовного правоотношения необходимо установить как факт совершения преступления, событие преступления, так и лицо, его совершившее, субъект преступления, вину субъекта преступления, субъективную сторону, объективную сторону преступления, характер действия или бездействия.

Кроме того, необходимо учитывать, что преступление чаще совершается в тайне, проникнуть в которую для установления состава преступления по делу возможно только в случае целенаправленных действий правоохранительных органов.

Мы отмечали точку зрения В. П. Божьева, согласно которой все уголовно-процессуальные правоотношения имеют единую цель – установление истины. Цель обусловлена наличием общего объекта, который и является содержанием уголовно-процессуального правоотношения.

Обратимся к пониманию субъекта уголовно-процессуальных правоотношений применительно к суду, судье. Уголовно процессуальный кодекс РФ субъектом уголовно-процессуального отношения называет суд. Однако суд состоит из судей, народных заседателей и присяжных заседателей по УПК РСФСР и из судей и присяжных заседателей по УПК РФ. Права и обязанности каждого из этих субъектов определяются уголовно-процессуальным законом.

В процессе осуществления правосудия судья, заседатель, присяжный заседатель наделяются законом уголовно-процессуальными правами и обязанностями, что позволяет отнести их к субъектам уголовно-процессуальных правоотношений. Это обстоятельство находит подтверждение при анализе норм УПК РФ 2001 г., который установил полномочия суда как участника уголовного судопроизводства в гл. 5 Кодекса.

При этом ст. 29 УПК РФ определила полномочия суда в уголовном судопроизводстве.

Только суд правомочен:

1) признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание;

2) применить к лицу принудительные меры медицинского характера в соответствии с требованиями гл. 51 настоящего Кодекса;

3) применить к лицу принудительные меры воспитательного воздействия в соответствии с требованиями гл. 50 настоящего Кодекса;

4) отменить или изменить решение, принятое нижестоящим судом.

Только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения:

1) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу;

2) о продлении срока содержания под стражей;

3) о помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответственно судебно-медицинской или судебнопсихиатрической экспертизы;

4) о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц;

5) о производстве обыска и (или) выемки в жилище;

6) о производстве личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 настоящего Кодекса;

7) о производстве выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях;

8) о наложении ареста на корреспонденцию и выемке ее в учреждениях связи;

9) о наложении ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящихся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях;

10) о временном отстранении обвиняемого от должности в соответствии со ст. 114 настоящего Кодекса;

11) о контроле и записи телефонных и иных переговоров.

Суд правомочен в ходе досудебного производства рассматривать жалобы на действия (бездействие) и решения прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя в случаях и порядке, которые предусмотрены ст. 125 настоящего Кодекса.

Если при судебном рассмотрении уголовного дела будут

выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер. Суд вправе вынести частное определение или постановление и в других случаях, если признает это необходимым.

Новый УПК определил в ст. 30 состав суда. Рассмотрение уголовных дел осуществляется судом коллегиально или единолично. Дела рассматриваются коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции, судьей федерального суда и коллегией из 12 присяжных заседателей, судьей федерального суда и мировым судьей единолично.

Необходимо отметить, что указанные положения УПК РФ изменили не только процессуальный статус судьи, но и процесс формирования внутреннего убеждения при свободной оценке доказательств судом.

Отметим, что применение к анализу норм уголовно-процессуального закона теории правоотношения позволяет законодателю при регулировании правосудия отграничить деятельность судьи от деятельности других участников процесса.

Вместе с тем постоянное обращение к теории правоотношения не дает оснований для рассмотрения всего процесса как юридического отношения. Называя таких сторонников взглядов на теорию уголовного процесса в качестве юридического отношения, как Фельдштейн, Розин, Червонецкий и др., М. А. Чельцов-Бебутов, рассматривая в курсе уголовно-процессуального права особенности такого подхода, писал: «Эта теория, затушевывая все политические и социальные моменты, изображала уголовный процесс как некое абстрактное юридическое отношение. Сторонники этой теории, расходясь в подробностях, выдвигали следующие положения: а) уголовный процесс есть юридическое отношение, имеющее целью осуществление карательного права государства или решение правового спора; б) отношение это существует между судом как носителем судебной власти и сторонами как носителями соответствующих интересов; в) отношение это является публично-правовым во всех своих частях; г) оно является подвижным, движущимся по ступеням. Русские процессуалисты часто подчеркивали огромное значение этой “прогрессивной” теории в

деле разрушения остатков старого розыскного процесса. Такое подчеркивание политико-правового характера этой теории вполне понятно… На самом деле в наиболее полно разработанных вариантах этой теории (Розина и Фельдштейна) окончательно затушевывалась классовая природа процесса, суда и прокуратуры. Субъектами процессуального отношения являются стороны, заявляющие суду свои правовые притязания, и суд, который обязан вынести решение по этим притязаниям. Стороны являются активным элементом процесса, поскольку предъявляемые ими обвинение, иск, жалоба являются первоначальным толчком для возникновения и движения процессуального отношения. Суд же является пассивным элементом процесса».[161]

Рассматривая эту теорию, Чельцов-Бебутов приводит критические отзывы, которым эта теория подверглась в дореволюционной процессуальной литературе. Он солидаризуется с точкой зрения профессора Е. А. Нефедьева, изложенной им в труде «К учению о сущности гражданского процесса» (1891 г.): «В процессе мы имеем дело не с правоотношением, а с деятельностью, в которой применяется власть, а следовательно, с властеотношением».

Процессуалисты отмечают, что в период 20-40-х годов советская юридическая мысль рассматривала применение уголовно-процессуального права и процессуальную деятельность как реализацию властеотношения.[162] Понимание процессуальной деятельности как реализации властеотношения с одновременным рассмотрением «внутреннего убеждения судьи» в уголовном процессе как критерия истины позволяло проводить в жизнь позицию, отличную от провозглашенных правом целей, и законность заменялась целесообразностью.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. содержал положение о независимости судей, однако при таком понимании уголовно-процессуальной деятельности, как властеотношения, содержанием принципа независимости становилось непосредственное отношение власти как единого целого к преступлению и поведению, которое рассматривалось как социально опасное.

«Органами, задача которых заключается в борьбе со всем, что мешает социалистическому строительству, борьбе с остатками классовых врагов и вместе с тем в охране, в пределах закона, прав и интересов каждого трудящегося, являются советский суд и прокуратура….»[163]

При этом такое правопонимание уголовного процесса соответствует определению власти: «Власть – это способность субъекта оказать воздействие на объект».[164]

Соответственно процессуальное право оказывалось идеологическим, общественным отношением, выражающим волю господствующего класса на начальном этапе становления советского права и волю общенародную на этапе развитого социалистического общества, отказавшегося от крайних форм применения принуждения в целях обеспечения существования общества, запрещающего функционирование права частной собственности.

Для раскрытия смысла предлагаемой процессуалистами позиции следует привести вывод, сделанный П. С. Элькинд при исследовании применения уголовно-процессуальных норм: «…. уголовно-процессуальное регулирование – это специфическая форма юридического воздействия социалистического государства на поведение участников общественных отношений… Отношений, которые складываются в сфере возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения дел о преступлениях между субъектами уголовно-процессуальных прав и обязанностей. Они выступают только в форме правоотношений; органически связаны с уголовноправовыми отношениями; возникают, развиваются, изменяются и прекращаются в неразрывной связи с уголовно-процессуальной деятельностью; характеризуются особым кругом субъектов; специфичны права и обязанности их субъектов…»[165]

Понимание деятельности субъекта доказывания в уголовном процессе как субъекта правоотношения, складывающегося в процессе правоприменения норм уголовно-процессуального закона в процессе уголовно-процессуальной деятельности в целях установления обстоятельств совершения преступления, дает возможность на каждой стадии уголовного процесса не только проверить законность действий каждого субъекта доказывания, но и дать оценку законности действий судьи в процессе, что обеспечивает права граждан и дает возможность реализовать нормы доказательственного права. Внутреннее убеждение судьи при этом составит субъективную часть его деятельности, которая выражается в объективно принимаемых им по делу решениях при исследовании судом обстоятельств дела.

Поскольку норма уголовно-процессуального права регулирует деятельность в сфере уголовного судопроизводства, необходимо отметить связь регулятивных и охранительных уголовных правоотношений с уголовно-процессуальными правоотношениями, гарантирующими должное поведение участников процесса. Механизм уголовно-правового регулирования предусматривает меры защиты от преступных посягательств на деятельность, связанную с осуществлением

правосудия.

Статья 305 Уголовного кодекса РФ устанавливает ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

Обратимся к комментарию ст. 305 УК РФ 1995 г.,[166] в котором отмечено, что объективная сторона заключается в вынесении судьей (судьями) заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Преступление совершается активными действиями. Вынесение перечисленных правоприменительных актов представляет собой составление их судьей или судьями, к которым относятся также народные и присяжные заседатели. Момент подписания судьей такого акта является окончанием преступления. Неправосудным считается судебный акт, который вынесен вопреки установленным фактическим обстоятельствам дела либо с существенным нарушением норм материального или процессуального закона.

Такое определение объективной стороны состава преступления, в которой выражается неправосудность приговора (решения), позволяет в процессуальных правоотношениях, участником которых является судья, определить характер нарушения им именно субъективной стороны процессуального правоотношения, субъективных прав и обязанностей, исполнение которых обеспечивает судья. Принимаемые им решения основываются на внутреннем убеждении при оценке доказательств. Умышленные действия по вынесению неправосудного приговора (решения) выражаются в искажении внутреннего убеждения в условиях процессуальной деятельности не в целях, установленных процессуальными нормами, а в определенных преступным умыслом целях. При таком положении объективная сторона материального преступления оказывается в уголовно-процессуальном правоотношении субъективной частью, правом и обязанностью, исполнение которых зависит от субъективной уверенности соответствия убеждения объективным обстоятельствам совершения преступления, которые устанавливаются по делу. Соответственно возникает проблема установления в процессе доказывания, опирающегося на допустимые доказательства, состава преступления в действиях судьи. Действия судьи связаны с осуществлением правосудия, в котором допустимыми являются ошибки, отражающие добросовестное заблуждение судьи в процессе познания. «Не ошибающихся не бывает, ни один суд, ни один судья и ни одна разновидность судебного процесса принципа непогрешимости не знают и не должны знать по определению. От ошибок, тем более судебных, никто не застрахован».[167]

Исследуя статус судьи в процессе как субъекта процессуального правоотношения, мы должны помнить, что появление в российском менталитете понятия «судебная власть» в ее современном значении породило ряд вопросов, требующих своего разрешения. «К числу таковых следует отнести проблему соотношения судебной власти и правосудия, взаимодействия судебной власти и прокурорского надзора, проблему прецедентного права. До сих пор дискутируется вопрос об определении системы правоохранительных органов в свете статуса суда как ветви независимой судебной власти. Не разрешены проблемы судейского корпуса. Неразрешенность общих проблем порождает, в свою очередь, отраслевые проблемы».[168]

Замечание о появлении отраслевых проблем в зависимости от решения общих чрезвычайно точно отражает сложившуюся в Российской Федерации ситуацию в сфере процессуального регулирования судопроизводства.

Конституция РФ 1993 г. без каких-либо компромиссов требует, чтобы правосудие осуществлялось только судом. Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону.

Эти конституционные положения конкретизируются в процессуальных законах и законодательстве о судоустройстве и статусе судей.

Суд является обязательным субъектом гражданского процессуального отношения. «Гражданский процесс имеет самостоятельный объект и самостоятельные задачи. Гражданское право как наука имеет предметом изучения систему субъективных гражданских прав, совокупность правил, нормирующих частные интересы, гражданский процесс – организацию установления и охраны субъективных гражданских прав. В отличие от гражданского права гражданский процесс есть институт публичного права, на который возложено поддержание правопорядка путем защиты субъективных гражданских прав отдельных граждан».[169]

Гражданское процессуальное правоотношение представляет собой урегулированное нормами гражданского процессуального права отношение, возникшее при разрешении дела. Содержание гражданских правоотношений характеризуется высоким уровнем диспозитивности с учетом характера прав и обязанностей сторон, обратившихся в суд за защитой права или только предполагаемого ими права. Для рассмотрения вопросов, связанных с внутренним убеждением судьи, важно обратиться к

содержанию гражданского процессуального правоотношения. Содержание правоотношения определяется в теории по-разному, то как субъективные права и юридические обязанности его участников, то как поведение участников правоотношения, то как комбинация поведения и субъективных прав и обязанностей.[170]

Понимание понятия внутреннего убеждения по приведенному в работе определению внутреннего убеждения позволяет рассматривать процессуальное правоотношение в гражданском процессе с точки зрения субъективных прав и обязанностей и их связи, что наилучшим образом отражает процессуальную деятельность по доказыванию и познанию судом обстоятельств гражданского дела. Отличие уголовного и гражданского процесса связано прежде всего с особенностями материального права, подлежащего применению в условиях состязательности и равноправия сторон, когда острейшей для судебного процесса становится в этих условиях именно проблема независимости суда, судьи.

Конституция РФ 1993 г. провозгласила принцип разделения властей. Теория и практика советского периода развития права разделения властей не знала. Длительное время суд рассматривался как правоохранительный орган. «Суд – орган государственной власти, охраняющий от всяких посягательств интересы господствующего класса путем осуществления правосудия, применения мер государственного принуждения к лицам, нарушающим установленный правопорядок».[171]

Вопрос разделения властей для российской юридической мысли не является новым. В 1905 г. в Санкт-Петербурге вышел труд А. Леонтьева «Суд и его независимость», в котором автор исследуя независимость суда, обоснованно подчеркивал: «….с тех пор, как люди стали изучать государственное устройство, они не могли не заметить, что во всех государствах власть действует трояко: она законодательствует, управляет и судит. Теория разделения властей имела громадное значение для организации судебной власти. С течением времени принцип абсолютного разделения властей, исполнительной и законодательной, подвергался критике и на практике применялся довольно разнообразно, но принцип полной независимости и самостоятельности судебной власти приобретал все большую и большую крепость, и можно смело сказать, что страна, в которой суд не поставлен самостоятельно и независимо от других властей, не знает истинной свободы. В России до 1864 года, до издания судебных уставов, по которым учреждены мировые судьи и общие судебные установления: окружные суды, судебные палаты и кассационные департаменты сената, независимого суда

совсем не было. По меткому выражению министра внутренних дел Ланского, “администрация ездила на юстиции”. Администрация часто смотрела на судебную власть как на учреждение, от нее зависимое. Бывший генерал-губернатор в Петербурге, князь Суворов, по жалобе кого-то на петербургский коммерческий суд распорядился арестовать всех чинов суда».[172]

Таким образом, принципы разделения властей, независимости суда, судьи требуют в отраслевой процессуальной науке разработки норм и методов их применения, которые отграничили бы процессуальную деятельность судьи в собственном смысле слова от деятельности власти законодательной и власти исполнительной, отграничили бы вопросы управления в сфере судебной власти от процессуальной деятельности судьи в процессе, предоставили бы юристу, приступающему к выполнению обязанностей судьи в процессе, средства, дающие возможность для него определить цели своей деятельности и круг прав и обязанностей на пути к достижению этой цели, характер правового регулирования взаимоотношений с должностными лицами и участниками процессуальной деятельности.

Существенное значение имеет и проблема, которая носит прикладной научный характер и сводится к разделению предмета уголовно-процессуального регулирования и предмета криминалистической деятельности в уголовном процессе. Требует решения и проблема соотношения применения процессуальных норм и мыслительной деятельности судьи в процессуальной деятельности и оценке доказательств. «Криминалистика – это наука о закономерностях, имеющих место в механизме совершения преступления, и деятельности, направленной на установление истины по уголовному делу, а также на предотвращение преступления».[173]

Отметим позицию, высказанную П. С. Элькинд, о том, что «действительное поведение субъектов как бы выходит за рамки содержания уголовно-процессуальных отношений, представляющих тот объект, на который правоотношения направлены».[174]

Вместе с тем существует мнение, согласно которому «все доказывание в уголовном судопроизводстве считается правовой деятельностью».[175] Да, действительно, деятельность по доказыванию будет правовой, однако конкретное правоотношение, участником которого является судья, создает условия для формирования убеждения судьи, и в состав этих условий входит криминалистическая деятельность, направленная на доказывание.

Проанализируем проблему соотношения теории познания и уголовно-процессуальных правоотношений, формирующих убеждение судьи. «Теория в собственном смысле состоит из принципов и законов познания, которые в исследовательском процессе становятся методами познания. Иными словами, метод науки необходим для создания теории, а наука есть теория, применяющая метод».[176]

Рассматривая вопросы познания в уголовном судопроизводстве, отметим, что содержание познания определяется особенностью информационно-познавательной цели по судебному разбирательству дела, прослеживается в том, что субъект и познания и доказывания на основе имеющихся в деле доказательств и уголовно-значимой информации: во первых, моделирует мысленно пространственно-временную и ситуационную сущность рассматриваемого события преступления и ситуации предварительного расследования его. Кроме того, прослеживает движение значимой информации и доказательств в ходе судебного разбирательства дела, динамику изменяющихся отношений участников судебного разбирательства, познавая и устанавливая все обстоятельства преступления и используя результаты познания в целях, определенных его правовым положением в процессе.

В результате у суда формируются модели, отражающие предмет доказывания по делу, хотя суд и не осуществляет доказывания в том смысле, в каком длительное время понималась его деятельность.

Рассматривая проблемы уголовно-процессуального познания, Г. П. Корнев приходит к выводу, что «практика и научное познание взаимопроникают и взаимодополняют друг друга. Между субъектами, занятыми в сфере практики и познания, существует обмен деятельностью. Практика ставит перед наукой познавательные задачи, выступает основой и критерием истинности знаний…».[177]

Теории познания в процессуальной деятельности судьи составляют содержание его мыслительной деятельности при осуществлении правосудия, но развиваются независимо от правоотношений, поскольку определяют уровень методологической подготовки судьи, но не развитие уровня процессуального регулирования его деятельности.

Рассматривая соотношение гносеологической и правовой сторон доказывания в российском уголовном процессе, Е. А. Доля справедливо указывает, что «преступление отражается в окружающем мире различными сторонами и свойствами. Однако не все из них находят прямое отражение в действительности…

Сказанное, в частности, относится к умыслу и цели преступника, но это не значит, что они не могут быть установлены в процессе доказывания по уголовному делу. Возможность их познания заложена в самом событии преступления». «Познание сущности преступления, т. е. достижение истины по уголовному делу, недоступное для чувственного познания, осуществляется с помощью рациональной формы познания на логическом уровне. Субъект познания на данном уровне непосредственно с объективной действительностью не соприкасается, разум при этом опирается на данные чувств. Формами выражения логического знания являются понятия, суждения и умозаключения. Их виды, правила построения изучает логика… Сформулированные в уголовно-процессуальном законе задачи, решаемые в ходе собирания, проверки и оценки доказательств, в значительной мере обусловлены особенностями и возможностями чувственной и рациональной форм познания, используемых в ходе доказывания».[178]

Процессуальная деятельность судьи в полном объеме определяется законодателем, который устанавливает правила, которыми должен руководствоваться судья в условиях свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению (ст. 17 УПК РФ 2001 г.).

Статья 88 УПК РФ 2001 г. устанавливает правила оценки доказательств. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – с позиций достаточности для разрешения уголовного дела.

В случаях, указанных в ч. 2 ст. 75 настоящего Кодекса, суд, прокурор, следователь, дознаватель признает доказательство недопустимым.

Суд вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном ст. 234 и 235 УПК РФ.

Установление законодателем правил не влияет на свободную оценку доказательств, каковая и предоставляет возможность применять в уголовном судопроизводстве в рамках действующего уголовно-процессуального закона все новейшие достижения научной мысли в познании истины в отношении обстоятельств преступления.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что уголовно-процессуальные правоотношения являются чисто правовыми, создающими условия для реализации уголовно-правовых отношений и проведения в жизнь государством уголовной политики.

Уголовно-процессуальный закон регламентирует весь процесс доказывания, и свободная оценка доказательств не может служить основанием для противопоставления внутреннего убеждения судьи «тем объективным свойствам средств доказывания, методом оценки которых оно выступает».[179]

Вместе с тем свободная оценка доказательств выдвигает такую проблему, как усмотрение судьи в уголовном процессе. Норма процессуального права всегда направлена на регулирование деятельности субъекта, а оценка направлена на предмет, который исследуется в процессе правоприменения.

Рассматривая статус судьи в уголовном процессе с точки зрения юридического отношения, мы должны определить круг субъективных прав и обязанностей судьи. Между тем, в уголовном процессе судья не может быть наделен субъективными правами в общем понимании такого субъективного права, которому противостоит юридическая обязанность, поскольку одной из сторон уголовно-процессуального правоотношения является государство, функции которого непосредственно выполняет судья в соответствии со статусом.

Для разрешения этого противоречия следует рассмотреть вопрос деления права на публичное, т. е. затрагивающее интересы неопределенного круга лиц, и частное, затрагивающее интересы конкретного лица или ограниченной группы лиц.

Соответственно правосубъектность судьи в полном объеме определяется и принципом законности в уголовном процессе, которому должно соответствовать его убеждение при оценке доказательств.

Рассматривая вопрос судейского усмотрения, П. И. Люблинский в 1904 г. писал: «Судейское усмотрение для справедливого своего применения требует создания законодательных правил для руководства и многочисленных гарантий, препятствующих вырождению его в произвол. Усмотрение в государственно-правовом смысле можно определить не только отрицательным образом, как некоторую свободу деятельности публичного органа от законодательной регулировки, но и положительным – как право свободной целесообразной оценки в применении по указанным в законе основаниям предоставленных данному органу правомочий….»[180] Автор рассматривает судейское усмотрение в уголовном процессе в двух аспектах. С одной стороны усмотрение с точки зрения толкования закона и, с другой – усмотрение с точки зрения применения в пределах закона, т. е. целесообразный выбор. При этом он отмечает, что достижение справедливой оценки возможно посредством как строгой, законодательной

нормировки, так и правильно поставленного усмотрения судьи. При этом требуется устранение от любых частных вопросов в деятельности судьи при суждении, сводящемся к усмотрению.

Такая позиция, отражающая реальность правовой жизни общества, подтверждает значимость принципа независимости судьи для правильного применения процессуального закона.

Обратимся к определению понятия усмотрения судьи, данной Аароном Бараком: «Для меня усмотрение – это полномочие, данное лицу, которое обладает властью выбирать между двумя или более альтернативами, когда каждая из альтернатив законна».[181]

Рассматривая соотношение усмотрение следователя с другими элементами субъективного фактора П. Г. Марфицин отмечает, что «в основе формирования усмотрения следователя лежит его внутреннее убеждение, сложившееся под влиянием правосознания. Убеждение – это твердый взгляд на что-нибудь, основанный на какой-либо идее. В уголовном процессе этой основой является правосознание соответствующего субъекта… Как общую схему можно рассматривать формулу – формирование внутреннего убеждения – принятие процессуального решения».[182]

Действующая в Российской Федерации Конституция, правоприменительная практика и процессуальное законодательство позволяют рассмотреть вопрос о судейском усмотрении в процессе с точки зрения законности такого усмотрения.

Конституция РФ гарантирует каждому гражданину защиту его прав и свобод (ст. 46). Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором. Неустранимые сомнения в виновности толкуются в пользу обвиняемого.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает, что проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемые доказательства (ст. 87 УПК).

В процессе дискуссий, ведущихся в ходе судебной реформы, одно из первых мест отводится принципу состязательности в процессе и при этом ставится вопрос об ограничении активной роли суда. «Активная роль суда – атрибут инквизиционного

процесса. В состязательном судопроизводстве исследование доказательств производят стороны, а суды лишь следят, чтобы при этом не нарушался процессуальный регламент».[183]

Рассмотрение концепции, принятой процессуальным законом, по которому субъектами доказывания в уголовном процессе выступают стороны, а суд является только субъектом познания, заставляет обсуждать проблему соединения активности и пассивности суда в процессе, что является несовместимым. Однако такая позиция не учитывает, что суд осуществляет в уголовном процессе функцию правосудия, а не обвинения и защиты. Поэтому у суда не возникает противоречия в состязательном процессе между активной и пассивной ролью, поскольку судья в процессе исследования и оценки доказательств имеет реальную возможность использовать предоставленную ему возможность сочетать пассивную и активную деятельность обвинения и защиты по исследованию доказательств в целях познания обстоятельств дела, уточняя позицию обвинения и защиты или требуя от них предоставления доказательств.

Соответственно закон ограничивает возможности усмотрения судьи в исследовании доказательств. Такого ограничения не могло существовать в период, когда судья активно вел доказывание по делу, выполняя, по существу, обвинительную функцию, что приводило к искажению внутреннего убеждения суда. Подобное положение судьи характерно для чисто инквизиционного процесса, цель которого могла быть определена судьей.

Когда мы говорим об ограничениях для усмотрения судьи при оценке доказательств в уголовном процессе, прежде всего следует напомнить, что таким ограничителем усмотрения являются нормы доказательственного права. Эти нормы формируют в процессе их применения убеждение судьи по делу и объективизируют процессе доказывания, результаты которого находят свое выражение в приговоре.

В первую очередь необходимо говорить о понятии доказательства, которое является центральным в доказательственном праве.

Понятие доказательства содержится в ст. 74 УПК РФ. Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В качестве доказательств допускаются:

показания подозреваемого, обвиняемого;
показания потерпевшего, свидетеля;
заключение и показания эксперта;
вещественные доказательства;
протоколы следственных и судебных действий;
иные документы.

Сравним положения ст. 74 УПК РФ с положениями ч. 1 ст. 69 УПК РСФСР, в соответствии с которой доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные.

Обратимся к дискуссии о понятии доказательства, согласно которой «суть разногласий в содержании понятия “фактические данные” такова: включает ли оно факты или сведения о фактах и охватываются ли им средства доказывания и доказательственные факты? Понятие “фактические данные” логически и этимологически правильнее выразить иначе – “данные о фактах”. Данные – это сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения. Таким образом, фактические данные – это сведения о фактах, то есть явлениях социальной действительности… Факты существуют независимо от того, знают ли о них лица, осуществляющие расследование и судебное рассмотрение уголовных дел. Сведения о фактах – это информация, при помощи которой мы можем познать факт. Информация может быть истинной или ложной. Истинная информация ведет к тому, что возможность познания факта становится действительностью, ложная информация препятствует реализации этого процесса»[184].

Высказанная позиция позволяет выделить то обстоятельство, что данное в новом УПК определение доказательства соответствует предлагаемому содержанию понятия «внутреннее убеждение» при оценке доказательств, которое относится к субъективному в деятельности участника процесса доказывания по делу и дает возможность установить как объективные обстоятельства преступного деяния, так и субъективную сторону преступления, не смешивая при этом познание как содержание процессуальной деятельности с самой процессуальной деятельностью, ограничиваемой требованиями процессуального закона.

Мы говорим о проверке доказательств, включая в состав проверки установление источников доказательств и исследование данных об этих источниках.

При этом ст. 75 УПК РФ установлено правило о недопустимых доказательствах. Недопустимыми являются доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса. Они не имеют юридической силы и не могут

быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Такое требование, предъявляемое Кодексом к допустимости доказательств по делу, ограничивает усмотрение судьи при оценке доказательств, объективизируя усмотрение именно в пределах действия нормы процессуального права и юридического отношения, того самого процессуального правоотношения, через которое реализуется правоотношение материальное, изучаемое теорией в пределах науки уголовного права.

Отметим многогранность понимания доказательства в науке уголовно-процессуального права, что связано прежде всего с логическим осмыслением понятия доказательства в процессе мыслительной деятельности субъекта доказывания, субъекта уголовно-процессуального познания, но не меняет содержания понятия, установленного действующим уголовно-процессуальным законом, которым обязан руководствоваться судья в процессе разбирательства дела.

Более того, понятие доказательства может расширяться с расширением знаний человека об объективных закономерностях развития материального мира и представлений человека об этих закономерностях. Обоснованным является вывод о том, что «под доказательствами, о которых говорится в законе, следует понимать содержащиеся в них сведения, информацию о прошлых событиях. В доказательствах, как и в любом отражении, следует различать две главные его стороны – содержание отражения, именуемое обычно отображением или образом отображаемого, и форму, то есть способ существования и выражения. Содержанием отражения в доказательстве являются заключенные в нем сведения, а формой, способом существования и выражения отображения – их источник».[185]

Такое понимание в полном объеме согласуется с теорией доказательств в советском уголовном процессе[186], где доказательство понимается как единство информации о фактах и законного источника доказательств.

Вместе с тем такая позиция подвергается критике в процессуальной литературе. «Человеческий опыт убедительно свидетельствует, что критерием истины в правосудии может быть только внутреннее убеждение следователя, прокурора и, главное, судьи… В уголовном процессе в конце концов наступает момент, когда на основе собранных и проверенных доказательств следователь, прокурор, судья создают мысленную картину, мысленный образ преступления, остаются, так сказать, наедине с этим своим представлением. И каждый из них должен решить,

правильно ли его представление, соответствует ли оно действительности, не ошибся ли он в своих выводах. Никакого объективного критерия, лежащего за пределами сознания, здесь нет и быть не может, ибо искомая истина известна нам только в виде наших представлений, основанных, разумеется, на доказательствах».[187]

Если это только наше представление, то с точки зрения судьи его усмотрение в этом случае не ограничено, достаточно только направить свое усмотрение в процессе правосудия в соответствии с представлением, зависящим от воли судьи. Однако здесь же мы найдем указание на ограничение усмотрения доказательствами, которые и составляют, по Гегелю, ту «опосредованную сущность», которая препятствует свободному усмотрению судьи при формировании его «внутреннего убеждения», с чем согласны все исследователи проблем свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи.

Выделим требование УПК РФ о достоверности доказательств и их достаточности и то обстоятельство, что эти требования в полном объеме относятся и к внутреннему убеждению судьи, их выражающему и оценивающему.

Следует заметить, что возникающие дискуссии о критерии истины в уголовном процессе основываются на перенесении в процесс философских представлений об истине, которая оказывается абсолютной или относительной в зависимости от теории познания, представляющей содержание уголовно-процессуальной деятельности, на которую направлено правовое регулирование в процессе, но не содержание нормы права.

Разумное сомнение, здравый смысл, благоразумность человека, определяющие достоверность фактов, которые должны послужить основанием для его деятельности, лежат в сфере отношения человека к этой деятельности. Деятельность судьи заключается в осуществлении функции правосудия в рамках процессуального закона. Судья является субъектом этой деятельности, обладает процессуальной правоспособностью как носитель правосудия и дееспособностью как участник уголовно-процессуальной деятельности, несущий процессуальные обязанности. Отсюда понятие внутреннего убеждения судьи может быть раскрыто в процессе именно через понятие правоотношения, что и позволяет определить его пределы, установленные нормами права, поскольку внутреннее убеждение судьи является юридическим. Сказанное в полном объеме относится к внутреннему убеждению следователя, прокурора, адвоката.

Как юридическое отношение внутреннее убеждение судьи не

только отражает его положение в процессе как субъекта исследования доказательств, но через убеждение как отношение судьи к установленным по делу обстоятельствам находит выражение правовая действительность, в которой действует судья, применяющий нормы процессуального права, и прежде всего возможность применения им закона без принудительных ограничений, устанавливаемых административным порядком руководства судом, вмешательством в деятельность судьи должностных лиц, преступным воздействием на судью, искажением информации, получаемой судьей.

Внутреннее убеждение судьи как элемент правоотношения включает его процессуальную деятельность, мыслительную деятельность в процессе познания, психологические особенности принятия решения и юридическую оценку обстоятельств дела, основанную на процессуальном, материальном законе, реализует в процессе оценки доказательств конституционные гарантии прав граждан, отражает сущность судебной и правовой системы общества, служит целям достижения политических целей правосудия. Хотя судья при применении закона и оценке доказательств и находится вне политической деятельности, что является гарантией его независимости, а также правильного применения материального закона, принуждающего гражданина к определенному поведению средствами, ограничивающими его свободу.

В качестве обоснования указанного вывода выделим то обстоятельство, что, создавая суд присяжных, законодатель разделил судей на судей «факта» и судей «права». При этом при исследовании судом присяжных в состязательном процессе обстоятельств дела законодатель, например, исключает присяжных из процесса обсуждения допустимости доказательств (ст. 335 УПК РФ), что объективизирует процесс познания обстоятельств преступления.

В напутственном слове председательствующий приводит содержание обвинения, сообщает содержание уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершения деяния, напоминает об исследованных в суде доказательствах, излагает позиции обвинения и защиты, разъясняет присяжным правила оценки доказательств, разъясняет порядок совещания. Напутственное слово завершается напоминанием о данной присяге, которая направлена на регулирование должного поведения присяжных. И здесь при формировании внутреннего убеждения присяжных мы сталкиваемся с отношениями, которые регулируются правом, т. е. с правоотношениями.

Таким образом, теория правоотношения является методом

исследования сущности правового понятия, позволяет раскрыть его структуру и, следовательно, связи, что позволяет вывести рекомендации как по применению действующего закона, так и по подготовке и принятию нормы процессуального права.

Рассмотрение правоотношения как урегулированного нормой права отношения и связей субъектов позволяет разграничить правовые основания доказывания и содержание процесса доказывания, как познания в сфере процессуального регулирования.

Судья сохраняет в процессе активную роль при исследовании доказательств, в пределах ограничений, установленных действующим процессуальным законом. Роль судьи выражается в устранении им сомнений по делу. Правоотношение является главным средством воплощения нормы права в деятельности человека, в механизме регулирования этой деятельности. Состав уголовно-процессуального правоотношения не всегда сохраняет классическую схему, поскольку субъективное право судьи сливается с его обязанностями по осуществлению правосудия. Уголовно-процессуальные правоотношения служат для реализации уголовно-правовых правоотношений и обеспечивают достижение целей механизма уголовно-правового регулирования. При этом цель уголовно-процессуального правоотношения, установление фактических обстоятельств дела, понимается как достижение истины. Понимание правоотношения как властеотношения ведет к поглощению правосубъектности участников процесса со стороны обвинительной власти и суда. Статус судьи гарантирует обеспечение его беспристрастности в процессе и реализацию требований закона об объективной оценке доказательств по делу.

Соотношение понятий «внутреннее убеждение» и «усмотрение» судьи в процессе можно рассматривать как соотношение вопросов установления факта и применения права, когда усмотрение судьи разрешает вопросы допустимых пределов применения процессуального и материального права, а внутреннее убеждение – установление деяния, подлежащего оценке со стороны закона. При этом оба процесса взаимосвязаны, но понятия внутреннего убеждения и усмотрения не должны подменять друг друга.

Для более полного раскрытия содержания понятия внутреннего убеждения судьи обратимся к гражданскому процессуальному правоотношению. Мы говорим о внутреннем убеждении судьи как элементе правоотношения, т. е. части правоотношения, связанной с субъектом правоотношения и его субъективной деятельностью. Гражданские процессуальные

правоотношения возникают и развиваются в процессе рассмотрения гражданского дела, и процессуальной формой их развития являются установленные процессуальным законом субъективные права и обязанности участников процесса.

«В условиях состязательного процесса участники спорных материальных правоотношений должны доказать суду как органу правосудия, что именно их субъективные целевые установки совпадают с общественно значимыми задачами и целями, объективированными в нормах гражданского процессуального права. Для достижения задач и целей судопроизводства суд, лица, участвующие в деле, и все другие субъекты процесса наделяются гражданским процессуальным правом определенным комплексом субъективных прав и обязанностей, в соответствии с которыми они осуществляют процессуальную деятельность и выполняют свои процессуальные функции. Для судьи в гражданском процессе такой функцией является функция разрешения дела, правосудия. Гражданский процессуальный закон наделяет судью процессуальными правами и обязанностями и устанавливает связи между правами и обязанностями судьи и участников процесса. Единство статуса судей, которым они обладают в соответствии с требованиями ст. 2 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» обеспечивает единство подхода к пониманию содержания внутреннего убеждения судьи в процессе. В отличие от процесса уголовного предмет доказывания в котором устанавливается с учетом материального уголовного закона, в процессе гражданском обстоятельства, подлежащие доказыванию, определяют участники процесса в зависимости от характера своих требований, в чем и выражается деление права на публичное и частное.

Мы уже отмечали, что в период развития правовой системы России как системы строго публичного права судья в гражданском процессе нес обязанности по всестороннему и полному исследованию доводов сторон по гражданскому делу с тем, чтобы дать им оценку с точки зрения публичных, общественных интересов и подавления частных интересов в целях достижения интересов общественных.

Предмет доказывания определяется под воздействием материального правового фактора и устанавливается в результате оценки по внутреннему убеждению судьи, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Сам процесс исследования доказательств в целях достижения достоверного знания об обстоятельствах отношений сторон и характере материальных гражданских правоотношений, имеющих место

между сторонами, предполагает движение процесса доказывания по делу, который невозможен без субъективного элемента правоотношения – внутреннего убеждения судьи.

Рассматривая институт доказывания в гражданском и арбитражном процессах, А. Г. Коваленко обоснованно отмечает: «….убеждение судей должно иметь объективную основу, а именно таковую составляют обстоятельства рассматриваемого дела. Диалектический взгляд, однако, не позволяет абсолютизировать подобную оценку и требует внесения в нее корректив. Она представляет собой своего рода переменную (субъективную) функцию, наложенную на постоянную составляющую, являющуюся неким средневзвешенным функционалом, определяемым совокупностью рассмотрения всех обстоятельств дела. Этот средневзвешенный функционал постоянен (точнее, должен быть постоянным) при неизменных начальных условиях для разных составов суда и разных судей. А вот переменная отражает два связанных аспекта: а) свойственность оценки только данному лицу; б) односторонность оценки – как его (лица) индивидуальности, так и особенности восприятия и логики мышления».[188]

Вместе с тем при выходе за пределы психологических особенностей формирования внутреннего убеждения судьи мы должны признать, что внутреннее убеждение объективирует процессуальное правоотношение по отношению к фактическим обстоятельствам дела и служит основанием для оценки доказательств. Оценка доказательств регламентирована процессуальным законом и теорией доказательственного права, которыми выделяются, как уже говорилось, правила оценки доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Представляется, что именно процесс оценки доказательств позволил Аарону Бараку выделить усмотрение факта в деятельности судьи.

Для истца и ответчика по гражданскому делу усмотрение факта является по существу внутренним убеждением при обосновании доказательствами своих требований и обеспечивает движение гражданского процессуального правоотношения при принятии ими решений о распоряжении своими процессуальными правами и обязанностями в условиях состязательного процесса. В усмотрении выражается функция, выполняемая в процессе его участниками, и цели, которые участники пытаются достигнуть при обращении к правосудию.

Именно поэтому ведутся дискуссии о правосудной процессуальной форме уголовного процесса, когда обвиняемый наделяется субъективными правами (права человека), но не

обязанностями признания вины, так как в соответствии с презумпцией невиновности он и считается невиновным. Функция правосудия предполагает высокий уровень достоверности установления действительных обстоятельств дела, и внутреннее убеждение судьи может быть основано только на доказательствах, как требует закон, но не на усмотрении. Гражданская процессуальная форма выражает высокий уровень частных интересов участников процесса, что создает особенности для процессуальной деятельности судьи, которого законодатель по ГПК РФ обязывает определить, конечно с учетом внутреннего убеждения судьи, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Сравним указанные требования с предметом доказывания в уголовном процессе, который устанавливается обвинителем при предъявлении обвинения. Сравнение позволяет сделать вывод о том, что в этом требовании процессуального закона выражен принцип публичности процесса, который позволяет многоплановый процесс доказывания по гражданскому делу свести для суда в форму активного процессуального познания по делу обстоятельств, выражением которого становится внутреннее убеждение судьи. При этом познание судьи направлено на установление обстоятельств, на которые ссылается лицо, обратившееся в суд за защитой своих прав или предполагаемых прав и использующее гражданскую процессуальную форму для защиты частных интересов.

2.2. Внутреннее убеждение судьи и реализация принципов процессуального права

Принципы процесса понимаются как основные руководящие положения процесса, которые относятся ко всей процессуальной деятельности и имеют настолько общее значение, что являются первичными и не могут выводиться из других понятий. Практически такое понимание принципов в науке является единодушным. Принципы процесса формулируются исходя из представлений общества о наиболее справедливом и эффективном осуществлении правосудия, соответствии деятельности по осуществлению правосудия интересам общества, требованиям его правовой системы.

Принципы процесса вытекают из принципов конституционных и основываются на них как основные идеи, получившие закрепление в законе.

Конституция РФ позволяет назвать конституционными следующие принципы: принцип осуществления правосудия только

судом, принцип законности, принцип публичности, принцип независимости судей, принцип равенства граждан перед судом и законом, принцип неприкосновенности личности и жилища, принцип охраны чести и достоинства личности, принцип презумпции невиновности, принцип обеспечения права на защиту, принцип состязательности, принцип обеспечения права пользоваться родным языком, принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, принцип доступа граждан к правосудию.

Вместе с тем высказывается точка зрения, что принципы не могут делиться на конституционные и отраслевые процессуальные, поскольку «в связи с одинаковой значимостью всех принципов процесса для надлежащего осуществления правосудия и решения задач уголовного судопроизводства нельзя признать результативными попытки деления принципов уголовного процесса на различные категории. Ибо сила принципов, записанных в Конституции РФ, и принципов, помещенных только в УПК, одинакова, поскольку принцип всегда имеет силу принципа независимо от того, в каком законодательном акте он прописан».[189]

Не отрицая правомерности доводов в обоснование указанной точки зрения, следует согласиться с теми исследователями,

которые выделяют принципы конституционные как наиболее общие идеи, отражающие интересы всего общества в целом.[190]

Такое выделение необходимо для определения соотношения принципов в системе права и соотношения норм процессуального права с нормами права материального, для определения связей правоотношений, возникающих в ходе процессуальной деятельности, с правоотношениями материального и конституционного права.

Принципы носят правовой характер, и это положение не оспаривается, поскольку принципы находят закрепление в норме права. Вместе с тем дискуссионным является вопрос о характере и признаках отраслевых принципов процессуального права, их классификации, что имеет прикладное научное значение для раскрытия содержания принципа и отграничения его от других общих положений права.

С учетом темы настоящей работы нас интересует прежде всего система принципов процессуального права, которая прямо или косвенно связана с формированием внутреннего убеждения судьи по делу, разрешаемому судом.

Особенностью уголовно-процессуального права является то, что оно регулирует деятельность в сфере уголовного судопроизводства. Следовательно, принципы уголовного процесса являются функциональными, обеспечивающими конкретную функцию или ряд функций в процессе с учетом отраслевых особенностей. Жизнь права многообразна, и поэтому нет единства и в перечне общих правовых положений, которые относят к принципам. Так, в литературе называется от 7 до 27 принципов уголовного процесса.[191] «Совокупность принципов каждой процессуальной стадии образует систему принципов уголовного и гражданского судопроизводства. Система принципов процессуальной стадии позволяет наиболее полно и всесторонне раскрыть основные свойства (черты), установить социальную обусловленность и ценность каждого из принципов, их взаимосвязь и общую направленность»[192].

Установление иерархичности принципов действительно не имеет значения для исследования их сущности, однако оно имеет сугубо практическое значение, когда судья-правоприменитель оказывается под защитой не принципа стадии уголовного процесса, принципа процесса, а принципа конституционного, обладающего высшей юридической силой, на которую опирается принцип отраслевой, что чрезвычайно важно в процессуальной деятельности и столкновении этой деятельности с лицами, обладающими реальной властью и не только в судебной системе. Здесь мы, по существу, сталкиваемся с осуществлением

конституционных правоотношений, поскольку Конституция является законом прямого действия. Здесь необходимо сделать только одно замечание, прямо относящееся к судье в процессе: так как Конституция наделяет судью правосубъектностью носителя правосудия, передавая ему прямо часть правосубъектности государства в виде конституционного правоотношения, то и все конституционные принципы правосудия являются неотъемлемой частью процессуальной деятельности судьи, к какому бы процессу она ни относилась. Для судьи суда общей юрисдикции это уголовный, гражданский и административный процессы.

Предмет настоящего исследования требует определения системы принципов уголовного судопроизводства, гражданского судопроизводства и административного судопроизводства в стадии досудебной и стадии судебного разбирательства. Обращение к принципам административного процесса вызывается необходимостью всестороннего рассмотрения связей понятия внутреннего убеждения судьи с принципами судопроизводства и управления в сфере судебной деятельности, имеющими значение для формирования внутреннего убеждения.

Стадия судебного разбирательства является завершающей, и именно в этой стадии реализуется функция правосудия, которую осуществляет суд. Но выполнение функции правосудия невозможно при отделении досудебных стадий от стадии судебной и разделения принципов, действующих на досудебной стадии, и принципов стадии судебного разбирательства, которые являются едиными и определяются особенностями предмета и метода регулирования, присущего рассматриваемым отраслям права.

Принцип предполагает наиболее общее регулирование, указание направления правоприменительной деятельности, ее содержания и цели.

Мы говорили о том, что в литературе отсутствует единство мнения по поводу перечня принципов уголовного процесса. Нет такого единства и в науке гражданского процессуального права.

Как пишет Г. Л. Осокина, «любая классификация принципов гражданского процессуального права условна. Однако в познавательном плане наиболее полное и цельное представление о системе принципов гражданского процессуального права дает их классификация по двум основаниям одновременно: по объекту правового регулирования и сфере действия. С точки зрения указанных критериев принципы гражданского судопроизводства могут быть разбиты на четыре группы (класса). В первую включаются такие принципы гражданского процессуального

права, как:

• осуществление правосудия только судом;

• независимость судей;

• единоличное и коллегиальное рассмотрение юридических дел;

• гласность судебного разбирательства;

• государственный язык судопроизводства.

Принципы первой группы характеризуются как организационно-функциональные и общеправовые.

Вторую группу образуют принципы функциональные и межотраслевые:

• судебная истина;

• законность;

• обоснованность;

В третью группу включаются функциональные и межотраслевые принципы гражданского процессуального права, которые в отличие от функциональных и межотраслевых принципов второй группы выражают особенности формы, а не содержания гражданского судопроизводства.

К принципам третьей группы относятся:

• устность;

• непосредственность;

• непрерывность;

• процессуальная экономия.

Таким образом, функциональные межотраслевые принципы гражданского процессуального права второй группы выражают внутренние (содержательные) особенности гражданского судопроизводства. Функциональные межотраслевые принципы гражданского процессуального права третьей группы выражают внешние (формалистические) особенности гражданского судопроизводства.

Четвертую группу образуют функционально-отраслевые принципы гражданского процессуального права. К ним относятся:

• диспозитивность;

• состязательность;

• процессуальное равноправие сторон»[193].

Г. Л. Осокина отмечает, что некоторые авторы выделяют принцип судейского руководства (активная роль суда) и принцип публичности.

Принцип, как правило, регулирует отношения, складывающиеся в сфере применения неодинаковых норм права, и обеспечивает единство правоприменительной практики. «При классификации принципов административного права, как и при изучении принципов государственного управления,

целесообразно выделять конституционные (политико-юридические) и организационные принципы».[194]

Ю. Н. Старилов выделяет конституционные принципы: законности, приоритета прав и свобод человека и гражданина, их непосредственного действия и правовой защиты; принцип единства системы государственной власти, разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации; принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной властей; принцип обеспечения права граждан на участие в государственном управлении; принцип эффективного управления; принцип равенства граждан перед законом; принцип гуманизма.

К организационно-функциональным принципам административного права отнесены: принцип подконтрольности и подотчетности государственных органов и государственных служащих; принцип единства основных требований, предъявляемых к государственному управлению; принцип профессионализма и компетентности государственных служащих при осуществлении государственного управления; принцип гласности в осуществлении государственного управления; принцип ответственности государственных органов за принятые административные акты; принцип ответственности государственных служащих за неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей.

И. В. Панова полагает, что «в систему принципов административно-процессуальной деятельности, производных от принципов управления, и с учетом специфики иных видов юридических процессов следовало бы… включить: 1) принцип законности, 2) принцип объективности (материальной истины), 3) принцип равенства сторон, 4) принцип обеспечения охраны прав субъектов административного процесса, 5) принцип гласности административного процесса, 6) осуществление процесса на национальном языке, 7) принцип оперативности и экономичности, 8) принцип самостоятельности принятия решений, 9) принцип двухступенности административного процесса, 10) принцип ответственности должностных лиц за ненадлежащее ведение процесса, 11) принцип активности правоприменяющих органов, 12) принцип сочетания интересов личности, общества и государства».[195]

Приведенные теоретические результаты исследований независимо от отдельных расхождений позволяют выделить ряд принципов процессуальной деятельности судьи, являющихся основополагающими для формирования его внутреннего убеждения, с учетом данного выше определения внутреннего

убеждения судьи.

Выделим принцип законности, который содержится во всех перечнях принципов процесса. Исключение составляет мнение М. С. Строговича, который полагал, что законность по существу поглощает все другие принципы.[196]

Принцип законности как универсальный и общеправовой отражает общеобязательное требование о соответствии процессуальной деятельности требованиям норм права. Принцип законности закреплен в ст. 15 Конституции РФ, которая провозглашает высшую силу Основного закона и обязанность для органов власти и граждан соблюдать Конституцию РФ и законы.

Содержание принципа законности раскрывается в ст. 7 УПК РФ, которая требует, чтобы суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не применяли федеральный закон, противоречащий настоящему Кодексу. В случае противоречий с федеральным законом суд принимает решение в соответствии с Кодексом, а нарушение процессуальных норм судом, прокурором, следователем, органом дознания влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств.

Статья 1 ГПК РФ и ст. 1.6 КоАП РФ требуют от суда разрешения гражданских и административных дел в строгом соответствии с законом.

Субъектом оценки доказательств по внутреннему убеждению является судья. «Закон о статусе судей в РФ» в ст. 1 устанавливает, что судебная власть в Российской Федерации принадлежит только судам в лице судей и привлекаемых в установленных случаях к осуществлению правосудия представителей народа. Судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и закону.

Эти положения процессуального закона и закона, определяющего правовой статус судьи, связаны общим принципом законности.

Приведенные нормы права позволяют сделать вывод о единстве статуса судьи как носителя правосудия и его правового положения как субъекта уголовно-процессуальной деятельности, гражданской процессуальной и административно процессуальной деятельности. При этом законность в его деятельности гарантируется и принципом независимости судьи.

Новыми для УПК РФ стали положения о возможности неприменения федеральных законов в случае противоречия их Кодексу, что ранее нашло отражение в Постановлении Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 г. № 8. Суд, разрешая дело, применяет

непосредственно Конституцию в случаях, если пришел к выводу, что федеральный закон, действовавший на территории РФ до вступления в силу Конституции Российской Федерации, противоречит ей.

Принцип законности гарантирует устранение из числа доказательств доказательства, полученные с нарушением процессуального закона. Это требование УПК становится содержанием принципа законности и опосредованно становится содержанием внутреннего убеждения судьи при оценке им доказательств в порядке, установленном ст. 17 УПК. При этом судья приобретает право на исключение доказательства, которое корреспондирует его обязанности обеспечить соблюдение требований процессуального законодательства, обеспечивающего права обвиняемого. Обвиняемый имеет право на рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судьей.

Необходимо отметить, что реализация принципа законности имеет место в каждом акте правоприменения уголовного процесса.

Рассматривая ссылки на противопоставление в современном понимании принципа законности понятий закона и права, когда право расширяет пределы возможного усмотрения по уголовному делу, следует отметить, что уголовно-процессуальный закон регулирует отношения в сфере, относящейся к функции государства по применению принуждения в целях обеспечения правопорядка. Деятельность государства в этой сфере детально регламентирована, и столь расширительное толкование уголовно-процессуального закона возможно только со стороны Конституционного Суда РФ в пределах конституционных правоотношений.

Принцип законности сформулирован в ст. 1 ГПК РФ. Порядок гражданского судопроизводства в федеральных судах общей юрисдикции определяется Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации», настоящим Кодексом и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами; порядок гражданского судопроизводства у мирового судьи – также Федеральным законом «О мировых судьях в Российской Федерации».

Часть 1 ст. 1.6 КоАП РФ устанавливает, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, не может быть подвергнуто административному наказанию и мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом.

Принцип законности имеет существенное практическое значение, поскольку создает не только единство деятельности суда при выполнении функции правосудия, но и единство понимания и применения как материального, так и процессуального права.

Для того чтобы связать понятие внутреннего убеждения судьи с принципом законности, обратимся вновь к понятию цели в процессуальной деятельности. Определение цели процессуальной деятельности – вопрос не праздный. Право и его отрасль – процессуальное право представляют единую систему, в которой нормы отраслевые действуют в последовательной связи друг с другом. УПК РСФСР 1964 г. формулирует цели уголовного судопроизводства, которое должно способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции РСФСР и советских законов, уважения правил социалистического общежития.

В целях охраны общественного и государственного строя СССР действовал ГПК РСФСР 1964 г., задачи которого сформулированы для воспитания граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития.

Основной особенностью действия принципа законности в процессе для суда является в этот период именно охрана публичного правопорядка, и судья в процессе оказывается выразителем законности единства власти, когда трудно отличить разницу между познанием судьи в процессе и доказыванием обстоятельств дела судьей. Наиболее очевидным образом требования норм права к подавлению отношений в сфере частной собственности и интересов, с ней связанных, выражались именно в гражданском процессе, где суд был обязан занимать активную позицию по установлению объективных (истинных) обстоятельств дела и играть роль как участник следственного процесса. Изменение функций суда в этих условиях и вызывает в теории проблему разделения познания и доказывания в деятельности суда при осуществлении правосудия, что имеет существенное значение для изменений в процессуальном законодательстве.

Конституция 1993 г. меняет место и роль суда. ГПК РФ называет задачами защиту прав, свобод и интересов граждан, которые оказываются в равном положении с государством и его интересами. Законодатель устанавливает иные подходы к определению понятия законности, и в этих условиях отделение в сфере конкретного судебного дела понятия внутреннего

убеждения от категории убеждения, принятого учением о правосознания, позволяет упорядочить мыслительную деятельность судьи в процессе. Уголовная процессуальная форма включает в себя ряд норм, обеспечивающих защиту интересов обвиняемого именно с позиции защиты свобод гражданина правового государства. Внутреннее убеждение основано на доказательствах, что делает его частью, касающейся познания в процессе. Процесс познания действительно объективен и не зависит от усмотрения, которое является более широким понятием, связанным с принятием решения. Судья не может нести ответственность за свое внутреннее убеждение по делу, он несет ответственность за усмотрение при применении норм доказательственного права. Такая позиция предполагает принятие права как естественного, социального явления, но не права с пониманием материальной истины, при котором ошибка судьи в познании обстоятельств дела всегда оказывается виновным, противоправным действием. «Если судья в результате недостаточной квалификации или недобросовестности допускает судебную ошибку, его поведение (действие или бездействие) будет действительно противоправным, поскольку будет противоречить задачам и целям суда в гражданском судопроизводстве».[197] При этом обоснованно злоупотребления в сфере правосудия не относят к ошибкам суда и судьи. Представляется необходимым принять во внимание, что понятие законности вне деятельности судьи по разрешению судебного дела абстрактно и столь широко, что не может быть принято за основу для вывода о виновности судьи. Проблемой при этом становится разделение злоупотребления и ошибки судьи, особенно в сфере познания обстоятельств по делу. Смешение ошибки и злоупотребления при отсутствии доказательств такого злоупотребления создает своеобразную рекламу понятию законности в деятельности судьи, когда злоупотреблением объявляются обычные ошибки, характерные для процессуальной деятельности познания обстоятельств дела в сфере правосудия. Принцип законности правосудия в конкретном деле, находящемся в производстве судьи, приобретает объективную реальность. Такой реальностью прежде всего становится субъект внутреннего убеждения – судья.

Обратимся к Европейской конвенции по правам человека. Статья 6 Конвенции гласит: Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на

основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на все судебное разбирательство или на часть по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также если это требуется в интересах несовершеннолетних, или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, совершенно необходимо, – при особых условиях, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

Понятие «интересы правосудия» предполагает, что обстоятельства, нарушающие интересы, и интересы правосудия устанавливаются судом, разрешающим дело. Таким интересом правосудия может быть только публичный интерес. Такой подход не оставляет без внимания вопросы защиты частных интересов, поскольку публичный интерес правосудия направлен на охрану частных интересов лиц, прибегнувших к обращению в суд за защитой. Соответственно обстоятельства должны быть основаны на доказательствах, оцененных судом с учетом требований относимости, допустимости, достаточности и достоверности, устанавливаемых как раздельно, так и в совокупности.

Гражданский процессуальный кодекс РФ 2002 г. выделил в гл. 23 производство по делам, возникающим из публичных правоотношений. Статья 245 ГПК РФ содержит перечень дел, относящихся к возникающим из публичных правоотношений, но этот перечень не является исчерпывающим. К делам, возникающим из публичных правоотношений, отнесены дела: по заявлениям граждан, организаций, прокурора об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части; по заявлениям об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих; по заявлениям о защите избирательных прав или права на участие в референдуме граждан Российской Федерации; иные дела, возникающие из публичных правоотношений.

В соответствии с процессуальной особенностью разрешения гражданских дел, возникающих из публичных правоотношений, суд не связан основаниями и доводами заявленных требований. Такая особенность объясняется необходимостью создания для суда условий для принятия во внимание в полном объеме публичных интересов.

Высказывается позиция, что по отдельным категориям гражданских дел было бы целесообразно изменить роль суда и судьи в процессе: «Думается, по этой категории дел (имеются в

виду дела по искам об установлении отцовства) необходимо повысить роль суда в собирании доказательств по собственной инициативе, закрепить элементы как состязательного, так и следственного процесса. Такое правило будет соответствовать интересам ребенка».[198] Да, действительно, такое сочетание способствовало бы защите, но изменение роли суда в процессе при таких условиях не создает баланса публичных и частных интересов. По существу же та роль, которая предлагается суду в гражданском обществе, в полном объеме выполняется общественными организациями, оказывающими поддержку гражданам при защите их интересов.

Принцип публичности в уголовном процессе регулирует обязанность осуществить уголовное преследование в отношении лица, совершившего преступление. По новому УПК РФ уголовные дела делятся на дела публичного, частнопубличного и частного обвинения. До Постановления Конституционного Суда РФ, исключившего как противоречащую Конституции РФ обязанность суда по УПК

РСФСР возбуждать уголовное дело, обязанность по возбуждению уголовного дела, возложенная на судью, изменяла его правовое положение как лица, осуществляющего функции правосудия, и обязывала его выполнять функцию обвинителя.

Необходимо отметить, что принцип публичности понимается и как осуществление долга, когда органы следствия, прокуратура и суд обязаны делать все для правильного разрешения дела.[199] При таких обстоятельствах принцип публичности исключается из числа принципов уголовного процесса.

Принцип публичности рассматривается в литературе как синоним термина «официальный», который требует подчинения государственным интересам не только органов обвинения и суда, но и адвокатуры как представляющей интересы правосудия.[200] Такое понимание принципа публичности можно определить как поглощение правосубъектностью государства правосубъектности личности, что совершенно обоснованно отмечено Н. А. Чечиной: «Правомочие и обязанность суда соответствуют обязанностям и правомочиям всех субъектов процессуальных отношений, вместе взятых».[201] Точка зрения, высказанная в теории гражданского процесса, отличающегося от уголовного широкой диспозитивностью и возможностью применения права материального сторонами за пределами рассмотрения дела судом, характеризует общую теоретическую позицию, сложившуюся в советском праве, а затем на первом этапе правовой и судебной реформы как в уголовном, так и гражданском процессе России.

На вопрос, что изменилось в российском уголовном процессе в понимании публичности дает ответ позиция, высказанная в Постановлении Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности статей 220-1 и 220-2 УПК РСФСР от 3 мая 1995 г.: «В преамбуле Международного пакта о гражданских и политических правах закреплено, что признание достоинства, присущего всем членам человеческого сообщества, является основой свободы, справедливости и всех неотъемлемых прав личности. В соответствии со статьей 21 Конституции Российской Федерации государство обязано охранять достоинство личности во всех сферах, чем утверждается приоритет личности и ее прав (статья 17, часть 2, и статья 18 Конституции Российской Федерации). Из этого следует, что личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами (статья 45, часть 2, Конституции Российской Федерации) и спорить с государством в лице любых его органов. Никто не может быть ограничен в защите перед судом своего достоинства, а также всех связанных с ним прав».

Приведенное положение отражает изменения, которые произошли в вопросе о статусе личности и в подходе к содержанию процессуальных правоотношений, возникающих после совершения преступления гражданином.

Нельзя говорить о том, что такая позиция разделяется всеми процессуалистами. Так, В. Т. Томин, рассматривая российскую уголовно-процессуальную доктрину, пишет: «…. насаждаемая сегодня в России уголовно-процессуальная доктрина создает такое положение, при котором аксиомы о правах и свободах человека служат больше правонарушителю, законоослушнику и встают на пути защиты законопослушного человека».[202] Данная позиция вполне закономерна, поскольку переход к новому содержанию принципа законности в судебном процессе не может не вызвать противоречий в понимании происходящих изменений, когда в праве не учитывается динамика развития общественных отношений. Кстати, она не может и не должна учитываться мгновенно, поскольку не найдет понимания в обществе, а стремление навязать изменения обществу всегда ведет к подавлению свободы.

Особенностью проявления принципа публичности в уголовном процессе отражается в отмеченном нами делении процессуальным законом дел на дела публичного обвинения, частнопубличного и частного обвинения.

УПК РСФСР устанавливал возможность прекращения

уголовного преследования только по делам частного обвинения.

Статьей 25 УПК РФ определено, что суд, прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, против которого впервые осуществляется уголовное преследование по подозрению или обвинению в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

Такие положения процессуального закона отражают то обстоятельство, что публичное содержание процесса направлено и на защиту прав личности. Такой вывод позволяет сделать п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, определяющий, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Необходимо отметить, что изменение содержания принципа публичности нашло отражение и в ст. 17 УПК РФ, устанавливающей правила свободной оценки доказательств. При оценке доказательств судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства, руководствуясь совестью. По УПК РСФСР они обязаны были руководствоваться социалистическим правосознанием, т. е. сугубо публичной категорией, поглощающей все частное, предусматривающей нравственные приоритеты интересов общества над интересами личности.

Внутреннее убеждение судьи при оценке доказательств по новому процессуальному закону формируется по-иному, так как меняются условия, регулирующие формирование убеждения на уровне понимания судьей нравственных целей оценки доказательств.

Принцип публичности в уголовном процессе позволяет раскрыть особенности деления интересов личности на частные и публичные. При этом частные интересы должны отсутствовать у участников процесса, выполняющих публичные функции по осуществлению функции правосудия и обвинения, что находит выражение в праве на отвод лиц, лично, прямо или косвенно, заинтересованных в исходе уголовного дела (ч. 2 ст. 61 УПК РФ).

Рассматривая принципы уголовного процесса, Т. Н. Добровольская отмечала, что теснейшая связь между принципами публичности, презумпции невиновности и права обвиняемого на защиту не дает основании для утверждения, что они поглощают друг друга[203]. Такая позиция отражает существующую в реальном правоприменении взаимосвязь не только указанных

принципов. Публичность уголовного процесса находит выражение и в создании государством судебной системы, осуществляющей правосудие и применяющей законодательство, которое ограничивает права государства в отношениях с гражданами.

Статья 14 УПК РФ гласит, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения.

Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого.

Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Процессуальный закон расширяет определение презумпции невиновности, данное в ст. 49 Конституции РФ, которое является одним из важнейших принципов уголовного процесса. Как отмечается в литературе, «главный парадокс уголовного процесса – знаменитая презумпция, полагающая обвиняемого невиновным до тех пор, пока его виновность не доказана и не установлена приговором суда. Объяснить презумпцию невиновности с фактической точки зрения невозможно, ибо, по статистике, подавляющее большинство лиц, привлекаемых в качестве обвиняемых, в дальнейшем оказываются действительно виновными»[204].

«Требование принципа презумпции невиновности обвиняемого в уголовном процессе служит важной гарантией против одностороннего, обвинительного уклона в деятельности государственных органов, против неправосудных приговоров. Из сопоставления двух данных принципов отчетливо видно, что уголовно-процессуальное законодательство, обеспечивая реализацию принципа публичности, преследуя цель борьбы с преступностью, вместе с тем гарантирует охрану прав и законных интересов обвиняемого в уголовном процессе, используя и такой тонкий психологический инструмент, как правовые презумпции». [205]

Отнесение правовой презумпции к психологическому инструменту представляется необоснованным. Презумпции широко используются в теории права, в материальном уголовном праве и праве процессуальном.

«Под презумпцией обычно понимают общее правило,

отображающее устойчивые, неоднократно наблюдаемые связи между фактами, событиями, явлениями, состояниями, свойствами. Применение презумпций состоит в том, что при наличии (установлении) одного из фактов, связь которых выражена презумпцией, делается вывод о существовании другого факта; последний, таким образом, выводится из презумпции (презюмируется)».[206]

Закрепление в процессуальном законе презумпции невиновности подозреваемого и обвиняемого обеспечивает как рациональное регулирование процесса доказывания, так и процесс формирования внутреннего убеждения судьи. Закон предъявляет к внутреннему убеждению судьи главное требование: внутреннее убеждение должно быть обоснованным. Обоснование убеждения возможно только при доказанности обстоятельств, в существовании которых у судьи возникает уверенность, обоснованная достоверными доказательствами, которых достаточно и которые относимы к фактам, доказываемым по делу. Более того, доказательства должны быть допустимы, т. е. собраны с соблюдением требований процессуального закона.

Презумпция невиновности в уголовном процессе не только создает условия для равноправия сторон в состязательном процессе, но и требует существования такого принципа, как независимость судьи, разрешающего дело. Если судья в деле заинтересован, то и гарантия равенства состязающихся сторон в уголовном процессе утрачивается. Кроме того, формирование внутреннего убеждения судьи в его соответствии собранным и представленным доказательствам приобретает проблематичный характер и представляется невозможным, поскольку заинтересованность служит возникновению предубеждения судьи, преодоление которого в процессе может приобрести затяжной характер и стать возможным только в следующей, кассационной, стадии рассмотрения дела, при условии беспристрастности функционирования судебной системы. Если же судебная система в отсутствие принципа разделения властей функционирует как единое целое с законодательной, исполнительной властью, то идея единства власти приведет к единым действиям по обвинению подсудимого и любая процессуальная форма получит содержание инквизиционного процесса в формировании внутреннего убеждения судьи, которое будет подменено убеждением правосознания.

Принцип презумпции невиновности требует от судьи соблюдения беспристрастности на всем протяжении процесса, что нашло отражение в присяге присяжных заседателей.

Принцип презумпции невиновности является

основополагающим для всех систем права и нашел отражение в ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Презумпция невиновности обеспечивает установление судом достаточности доказательств, однако обоснованным является утверждение, что с увеличением суммы обвинительных доказательств уровень действия презумпции невиновности снижается, что ведет к возможным ошибкам в оценке доказательств в связи с искажением содержания внутреннего убеждения лица, производящего оценку.

Необходимо сделать одно замечание по вопросу парадокса отражения презумпции невиновности в статистических данных о результатах рассмотрения судами уголовных дел. Презумпция невиновности создает для обвинителя обстановку, в которой он вынужден добросовестно выполнять свои обязанности и собирать доказательства вины лица, в отношении которого выдвигается обвинение.

Поскольку под оценкой доказательств в судебном исследовании понимают логический, мыслительный процесс определения роли собранных доказательств в установлении истины[207], то и презумпция невиновности ограничивает свободу мыслительной деятельности судьи при оценке доказательств, становится границей пределов его внутреннего убеждения в случае выхода судьи за пределы обстоятельств, установленных доказательствами, и заставляет судью вновь обратиться к доказательствам.

При этом толкование сомнения в пользу обвиняемого возможно только в том случае, если сомнение не удалось устранить в процессе исследования и оценки доказательств.

В гражданском процессе имеет место спор двух сторон, и бремя доказывания распределяется между ними. Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Особенности представления доказательств и их допустимости могут определяться в материальном законе.

Обеспечение права на защиту выделяется в качестве самостоятельного принципа судебного процесса. Статья 45 Конституции РФ гласит: государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законами.

Статья 16 УПК РФ установила правило, что подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут

осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя. При этом право на защиту корреспондирует с обязанностью суда, прокурора, следователя и дознавателя разъяснить подозреваемому и обвиняемому их права и не только разъяснить, но и обеспечить возможность защищаться всеми не запрещенными настоящим Кодексом способами и средствами.

Обязательное участие защитника, предусмотренное Уголовно-процессуальным кодексом, обеспечивается должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу. В предусмотренных Кодексом случаях участие защитника является для обвиняемого бесплатным.

Право обвиняемого на защиту предоставляет ему право использовать комплекс средств и способов защиты и активного противостояния обвинению в целях доказывания своей невиновности. Такое право корреспондирует с презумпцией невиновности обвиняемого, поскольку при недоказанности виновности обвиняемый считается невиновным. Кроме того, право на получение квалифицированной юридической помощи является неоценимым средством для опровержения обвинения в сложных случаях, когда в распоряжении органов уголовного преследования имеются сведения о виновности обвиняемого, которые не являются достоверными и возникли вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств.

Глава 7 нового УПК РФ объединяет нормы, определяющие положение в процессе его участников со стороны защиты.

Подозреваемый вправе знать, в чем он подозревается, и ему должна быть вручена копия постановления о возбуждении уголовного дела, либо копия протокола задержания, либо копия постановления о применении к нему меры пресечения. Он вправе давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний, пользоваться помощью защитника с момента, предусмотренного п. 2 и 3 ч. 3 ст. 49 настоящего Кодекса, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, давать показания и объяснения на родном языке, пользоваться помощью переводчика бесплатно, знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания. Участвовать с разрешения лица, производящего дознание и следствие, в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его защитника, приносить жалобы.

Круг прав обвиняемого, совпадая с предоставленными подозреваемому правами, значительно расширен за счет

включения в ст. 47 УПК РФ прав обвиняемого, которыми он пользуется при окончании предварительного следствия по его делу, когда он вправе знакомиться с материалами дела, снимать за свой счет копии с материалов дела, в том числе с помощью технических средств, возражать против прекращения уголовного дела, участвовать в судебном разбирательстве в судах первой, второй и надзорной инстанции, получать копии принесенных по делу жалоб и представлений и подавать возражения на эти жалобы и представления.

Права обвиняемому разъясняются при первом его допросе.

Кодекс, в отличие от действующего до 1 июля 2002 г. УПК РСФСР, подробно регламентирует права и обязанности защитника, порядок его приглашения, назначения и замены, определяет круг дел, по которым участие защитника является обязательным.

Принцип презумпции невиновности освобождает подозреваемого и обвиняемого от обязанности доказывать свою невиновность, а принцип права на защиту, являясь важнейшим принципом уголовного процесса, включен в конституционный статус гражданина. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 28 октября 1996 г. «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О. Б. Сушкова» отметил, что презумпция невиновности и право граждан на судебную защиту относятся к таким правам, которые в силу ст. 56 (ч. 3) Конституции Российской Федерации не подлежат ограничению ни при каких условиях.

Вопросы реализации принципа права на защиту связаны с реализацией группы прав обвиняемого, которые «составляют права, обеспечивающие его законный интерес включить в доказывание факты, говорящие в его пользу….».[208] При этом такая реализация права оказывается обеспеченной правом защитника собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи в порядке, установленном ч. 3 ст. 86 настоящего Кодекса.

Поскольку защитник принимает на себя обязанность по защите обвиняемого, то такое собирание и представление доказательств становятся его обязанностью.

Часть 3 ст. 86 УПК РФ предоставляет ему право на получение предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или

их копии.

В связи с указанными положениями отметим, что законодательство о частной детективной деятельности не содержит запретов на оказание помощи адвокату в собирании доказательств, которые могут предоставляться в защиту обвиняемого.

Как отмечает В. Р. Навасардян, «юридическим условием, необходимым для возникновения права на защиту, является, безусловно, признание лица субъектом уголовно-процессуального права».[209] Тот же автор делает интересное замечание: «У защитника к моменту произнесения речи должна быть четкая позиция по делу, основанная на его внутреннем убеждении». Применение понятия «внутреннее убеждение» применительно к такому участнику процесса, как адвокат, свидетельствует о юридическом значении понятия, хотя автор правильно исходит из определения, согласно которому «внутреннее убеждение, чтобы быть достоверным, должно представлять категорический однозначный вывод из материалов дела, не допускающий никакого сомнения…».[210]

Предлагаемая позиция адвоката, которая должна быть основана на его внутреннем убеждении, т. е. достоверном представлении об обстоятельствах преступления, которое может быть более достоверным, чем у судьи по его внутреннему убеждению, поскольку адвокат может использовать в целях защиты подлинную информацию, полученную от обвиняемого, позволяет сделать вывод о том, что право на защиту направлено не только на обеспечение публичных интересов, но и на защиту сугубо частных и иногда противоправных интересов обвиняемого. При этом такую защиту обеспечивает законодатель в целях установления обстоятельств преступления с соблюдением прав личности, обладающей конституционным статусом, предусматривающим равенство прав участников процесса.

Равенство прав участников гражданского процесса предполагает и равенство прав на ведениие дел через представителя, что и выражено в ст. 48 ГПК РФ – граждане вправе вести свои дела в суде лично или через представителей. Личное участие в деле гражданина не лишает его права иметь по этому делу представителя. Статья 50 ГПК РФ устанавливает назначение судом адвоката в качестве представителя в случае отсутствия представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно, а также в других предусмотренных федеральным законом случаях.

Рассматривая роль адвоката как субъекта доказывания в гражданском процессе, А. А. Власов обоснованно отмечает, что в

правовой науке исследовались различные стороны доказывания, но «в доказательственной деятельности адвоката вообще трудно выделить какое-то одно направление как преобладающее. Например, анализ доказывания, осуществляемого адвокатом, в процессуальном смысле невозможен без учета особенностей логической структуры этого доказывания. То есть, одно и то же действие адвоката по доказыванию является одновременно и процессуальным, и логическим, и психологическим и т. д., то есть многосторонним. Подобная ситуация имеет место и в доказательственной деятельности и у других субъектов, но именно у адвоката она наиболее очевидна. Необходимо также учитывать, что доказывание – это деятельность, то есть процесс, включающий в себя ряд последовательных действий, каждому из которых присуща собственная характеристика и форма, закрепленная в ГПК и АПК. Как и любая иная деятельность, доказывание имеет определенные цели и развивается на протяжении всего судебного разбирательства по гражданским и арбитражным делам. Таким образом, доказательственная деятельность субъектов доказывания, к которым относится и адвокат, подлежит изучению в ее развитии»[211].

Уголовно-процессуальное и гражданское процессуальное право создают определенный процессуальный статус адвоката – участника доказательственной деятельности, особенности которой определяются особенностями целей и средств, присущих каждой из указанных отраслей права. Общим для адвоката является его участие в процессуальной деятельности как субъекта процессуального уголовного или гражданского правоотношения и то обстоятельство, что внутреннее убеждение адвоката основано на доказательствах, исследуемых в суде и охватывает все мыслительные особенности его деятельности по познанию обстоятельств дела.

При этом адвокат в определенном смысле несет публичные обязанности по защите интересов представляемого. Для определения границ внутреннего убеждения адвоката при оценке обстоятельств дела представляет интерес та доказательственная информация, которой он располагает и которая относится к адвокатской тайне.

В соответствии с требованиями ч. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю.

Адвокатская тайна обеспечивает не только реальность действия принципа права гражданина на защиту, но и

возможность для адвоката использовать в своей деятельности информацию, которую он получает именно как адвокат. В результате такая информация вводится в процесс исследования доказательств, поскольку может учитываться адвокатом при разработке позиции защиты. Аналогично прокурор при разработке позиции обвинения может использовать информацию, которая не может быть представлена в суд с соблюдением требований допустимости, но является необходимой для разработки позиции обвинителя в процессе.

Согласно требованиям ч. 2 ст. 8 указанного Закона адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием.

Такой же запрет содержится и в п. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, и без такого запрета было бы проблематично говорить о реализации в правовой действительности принципа состязательности в судебном процессе.

Принцип равенства прав субъектов процессуальной деятельности перед законом и судом выделяется как самостоятельный принцип[212].

Принцип равенства связывается с состязательностью, определяемой как принцип равенства и состязательности сторон.[213] Имела место точка зрения, что рассмотрение принципа состязательности с научной точки зрения невозможно до изменения процессуального законодательства, УПК РСФСР (Р. Х. Якупов).

Вместе с тем можно утверждать, что, начиная с 1993 г., Конституционный Суд РФ в своих постановлениях по вопросам соответствия действующего УПК РСФСР Конституции РФ постоянно проводил позицию, направленную на формирование в процессе равенства прав обвинения и защиты перед законом и судом, и принцип осуществления правосудия независимым, беспристрастным судом, от которого отошли еще недавно присущие ему функции обвинения и защиты, защиты прежде всего государственных интересов.

Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. по делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобами граждан выделено то положение, что судопроизводство в Российской Федерации согласно ст. 123 (ч. 3) Конституции РФ осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

Согласно Конституции РФ каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными

действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, права потерпевших от преступления и злоупотребления властью охраняются законом.

Само по себе указание в п. 2 ст. 1070 ГК РФ на наличие вины судьи не может рассматриваться как противоречащее вытекающей из Конституции РФ обязанности государства возместить вред, причиненный при осуществлении правосудия судом как органом государственной власти или судьей как его должностным лицом.

При этом, однако, законодатель – в целях обеспечения общеправового принципа справедливости и достижения баланса конституционно защищаемых ценностей и целей – вправе установить в порядке исключения, как это сделано применительно к случаям незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного ареста, возмещения государством вреда гражданину и независимо от вины должностных лиц. «Условие

справедливого состязания требуют, чтобы стороны находились в одинаковых “весовых категориях”, то есть были приблизительно равны – в противном случае состязание превратится в свою противоположность – “избиение и расправу”. Причем речь идет именно о равенстве, а не формальном равноправии, которое достаточно для создания условий справедливого противоборства только тогда, когда стороны не только юридически, но и фактически равны между собой».[214]

По этому вопросу приведем точку зрения, высказанную Е. Б. Мизулиной: «Государство есть механизм превращения возможностей властвующего в возможности подвластного»; существует «три принципа институциональной формы власти, обеспечивающей превращение возможностей властвующего в возможность подвластного: верховенство права; независимость от властвующего и подвластного; соответствие запрета для подвластного запрету для властвующего»; «суд – единственная форма власти, в рамках которой государство участвует как властвующий, вынужденный самоограничиться».[215]

Принцип равенства обвинителя и обвиняемого в уголовном процессе обеспечивает как раз требуемое в целях защиты прав граждан самоограничение государства. Значимость этого принципа для общества выразилась в том, что он приобрел значение конституционного принципа. Статья 19 Конституции РФ гласит: «Все равны перед законом и судом; государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений,

принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации».

Статья 6 ГПК РФ определяет, что правосудие по гражданским делам осуществляется на началах равенства перед законом и судом всех граждан.

Статья 15 УПК РФ принцип равенства формулирует применительно к принципу состязательности как равенство сторон обвинения и защиты перед судом.

Положение о равенства граждан перед законом позволяет выделить в принципе равенства граждан две стороны, образующие единое содержание: равенство граждан перед законом, равенство граждан перед судом. При этом равенство граждан перед законом выделяется как более широкое понятие, чем равенство их перед судом, так как первое определяет статус гражданина и за пределами процесса, а равенство граждан перед судом определяет их положение в процессе.

Принцип равенства граждан перед законом и судом имеет ряд исключений, связанных с установлением иммунитетов в уголовном и гражданском процессе, т. е. особой формы привлечения к уголовной ответственности. Мы говорим здесь об этих отраслях права только с учетом особенностей исследования проблемы понятия внутреннего убеждения судьи, когда рассматривается только часть межотраслевого института доказательственного права, содержащая все необходимые данные для исследования понятия внутреннего убеждения.

Изъятия из принципа равенства перед законом связаны с необходимостью обеспечения для отдельной категории лиц с учетом характера их деятельности дополнительных гарантий обоснованности привлечения их к уголовной ответственности. В пределах цели, поставленной в нашем исследовании, подлежат рассмотрению вопросы об иммунитете судей и других участников процессуальной и оперативно-розыскной деятельности.

Отметим единство иммунитета судей в уголовном и гражданском процессе, устанавливаемого ст. 1070 ГК РФ, когда судьи могут нести ответственность только при наличии обвинительного приговора о неправосудности вынесенного решения. При этом иммунитет судей в судебном процессе образует единый институт вследствие единства статуса судей. Это прокуроры и следователи органов прокуратуры, сотрудники органов федеральных служб охраны, безопасности, внешней

разведки, правительственной связи и информации. Прежде всего, конечно, необходимо рассмотреть иммунитет судей как одну из гарантий независимости и беспристрастности суда.

Представляется уместным, рассматривая проблему равенства сторон в судебном процессе, указать на связь проблем обеспечения равенства с проблемой обеспечения независимости судьи, который, осуществляя функцию правосудия, обязан в соответствии с положениями процессуального законодательства как председательствующий руководить судебным заседанием, принимая все предусмотренные процессуальным законом меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон.

Статья 244 УПК РФ устанавливает, что в судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление суду письменных формулировок по вопросам, указанным в п. 1–6 ст. 299 настоящего Кодекса, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства.

Требования указанных норм, конкретизирующих принцип равенства граждан в уголовном процессе, позволяют сделать вывод о процессуальной обязанности суда обеспечить равенство стороны обвинения и защиты в процессе и, следовательно, об обязанности судьи как участника процессуальной деятельности, выполняющего функцию правосудия.

Равенство сторон обвинения и защиты при предоставлении доказательств позволит суду обеспечить осуществление функции правосудия и при ограничении активной позиции суда в процессе в целях установления достоверных обстоятельств дела.

В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались. «В основе состязательности лежит общеизвестный гносеологический принцип: правильное (верное) решение складывается на основе анализа противоречивых мнений, ибо только в “споре рождается истина”».[216]

Необходимо отметить, что в правоприменительной практике нарушение принципа равенства в процессе ведет к отмене постановления суда: приговора суда, когда нарушение права на защиту является безусловным основанием для отмены приговора, как требует п. 4 ч. 2 ст. 381 УПК РФ; решения суда, когда дело рассмотрено судом в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных о времени и месте судебного заседания (п. 2 ч. 2 ст. 364 ГПК РФ).

Принцип права на защиту находится в тесной связи с принципом равенства сторон, которая определяется содержанием этих принципов.

Равенство сторон основывается на требованиях норм процессуального права, которые определяют процессуальный статус каждого из участников процесса, и нарушения требований закона становятся доступными для проверки. Именно характер нарушений принципа равенства дает основания для выводов о законности или незаконности внутреннего убеждения судьи и нарушениях, допущенных судом при оценке доказательств.

Пристрастность суда находит выражение в односторонней оценке доказательств, игнорировании одного из доказательств в ущерб правилам оценки доказательств, установленных ст. 88 УПК РФ, ст. 67 ГПК РФ. Принцип равенства возлагает на судью процессуальную обязанность равного подхода к обвинению и защите в уголовном процессе, истцу и ответчику – в гражданском процессе, что и находит отражение в субъективной стороне действий судьи по оценке доказательств, его внутреннем убеждении.

Именно субъективный характер внутреннего убеждения позволяет через содержание понятия внутреннего убеждения раскрыть для судьи особенности его процессуального положения как субъекта процессуального правоотношения, носителя правосудия в соответствии с законом о статусе судей. При этом мы имеем возможность рассмотреть связи правового положения судьи в процессе с началами нравственности в его процессуальной деятельности.

Проанализировав как самостоятельный принцип равенства стороны обвинения и защиты в уголовном процессе, следует отметить ту связь между принципами равенства и состязательности, которую законодатель выразил в ст. 15 УПК РФ и в ст. 12 ГПК РФ, устанавливающих принцип состязательности в уголовном и гражданском процессах.

Закон отразил современное научное видение проблемы состязательности в процессе.

Согласно ст. 15 УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Стороны обвинения и защиты

равноправны перед судом.

Обратимся к определениям состязательного процесса как процессуальной формы: «Идеальный состязательный тип уголовного процесса характеризуется следующими коренными признаками:

Наличием двух противоположных сторон обвинения (или уголовного преследования) и защиты. Это необходимо постольку, поскольку для всякого состязания нужны как минимум два конкурирующих субъекта.

Процессуальным равноправием, или равенством сторон. Наличием независимого от сторон суда, так как справедливое состязание немыслимо без нейтрального арбитра».[217]

Рассматривая состязательность как принцип уголовного процесса, необходимо сделать несколько замечаний об отличии состязательности процесса как его формы от понятия состязательности как принципа процесса.

С. Д. Шестакова пишет: «Обозначение в науке одним и тем же понятием различных по своему характеру и содержанию явлений свидетельствует о существовании в теории неразрешенных противоречий».[218] Анализируя имеющиеся в теории уголовного процесса точки зрения, автор предлагает совокупность признаков, при отсутствии одного из которых понятие не может рассматриваться как принцип.

«Принцип – это норма, правило поведения, обеспеченное принудительной силой государства. Следовательно, принцип должен обладать присущей правовой форме внутренней структурой: гипотезой, диспозицией и санкцией.

Принцип – это не любая уголовно-процессуальная норма, а норма, имеющая основополагающее значение.

Принцип – это норма, находящаяся в определенном отношении с нормами-принципами уголовного процесса и нормами, принципами не являющимися. Это отношение можно охарактеризовать следующим образом: а) уголовно-процессуальные нормы-принципы не должны дублировать друг друга или вытекать непосредственно друг из друга; б) уголовно-процессуальные нормы, не являющиеся принципами уголовного процесса, должны вытекать из того или иного принципа, конкретизировать его, согласовываться с ним, но не противоречить ему.

Принцип по своему характеру должен быть общепроцессуальным и относиться ко всем стадиям уголовного судопроизводства, если это не противоречит его сущности и содержанию.

Принцип является элементом системы принципов,

обеспечивающих эффективное функционирование уголовно-процессуальной деятельности и успешное решение задач уголовного судопроизводства»[219].

Вместе с тем состязательность не означает поглощения принципа равенства сторон как самостоятельного принципа процесса, поскольку принцип равенства означает равенство прав, но не равенство возможностей по сбору и представлению обвинительных и оправдательных доказательств, которые реализуются судом в процессе оценки доказательств через внутреннее убеждение судьи в целях установления объективной истины обстоятельств преступного деяния и изложения этих обстоятельств в приговоре суда.

Элементы состязательности образуют форму, а принцип состязательности, повторяя эту форму по внешнему содержанию, предоставляет стороне обвинения и защиты право реализовать равенство в процессуальной деятельности. Именно такая реализация принципа состязательности дает возможность установить по делу искомую объективную истину. Предлагаемая позиция позволяет подчеркнуть то обстоятельство, что реального равенства в процессуальной деятельности сторона обвинения и защиты может достигнуть только в деятельности по осуществлению процессуальной функции, но не в своем реальном положении, поскольку слабость стороны обвинения исключает выдвижение обвинения.

Рассмотрим две точки зрения на действие принципа состязательности. Одна высказываемая позиция заключается в том, что принцип состязательности действует только в стадии судебного разбирательства, другая – предлагает принять позицию о действии принципа состязательности на всем протяжении уголовного процесса.

Для разрешения имеющегося теоретического противоречия необходимо обратиться к критерию истинности нормы права, к практике применения процессуального законодательства и осуществления процессуальной деятельности.

Уголовно-процессуальный закон регулирует применение принуждения в отношении лиц, совершивших преступление, и в этом заложено противоречие между интересами лиц, осуществляющих процессуальные функции обвинения и защиты, что уже с момента совершения преступления придает уголовно-процессуальной деятельности состязательный характер.

Принцип состязательности не является предметом настоящего исследования, однако рассмотрение активной роли суда в процессе с точки зрения соблюдения принципа состязательности при формировании убеждения судьи позволяет еще раз обратить внимание на то обстоятельство, что имеющиеся в теории уголовного процесса позиции, по одной из которых суд занимает активную роль в процессе[220], а по другой – суд должен играть пассивную роль в процессе (Концепция судебной реформы в РФ, работы С. А. Пашина, Е. Б. Мизулиной и др.), не учитывают того обстоятельства, что суд осуществляет в состязательном процессе функцию правосудия и судья в условиях разделения властей и защиты прав и свобод гражданина со стороны государства наделяется правами и обязанностями, которые позволяют суду исследовать представляемые доказательства с позиции независимого участника процесса. Познание не приобретает при такой форме процессуальной деятельности суда и судьи предвзятости и обвинительного характера, а суд не занимает ни активной, ни пассивной роли в процессе, поскольку в обязанности судьи не входит функция борьбы с преступностью, что имело место в период, когда М. С. Строгович исследовал роль суда в состязательном процессе и обоснованно указывал на активную роль суда, поскольку государство полностью поглощало правосубъектность личности в процессе и имело место состязание органов обвинения и защиты перед судом с общей целью борьбы с преступностью и установления истины в процессе. При этом активная роль в процессе становилась обязанностью судьи. Отсюда же являлась такая функция прокурора в процессе, как функция прокурорского надзора за судом, осуществляемого не только для установления истины по делу, но и в целях обеспечения функции правосудия как одного из средств борьбы с преступностью. «Судопроизводство в целом носило обвинительный характер, а судья нередко заимствовал прерогативы прокурора. Он не только судил, но и формулировал обвинительное заключение и определял линию формальной

защиты для адвоката. Состязательность носила формальный характер».[221]

По словам Ю. В. Кореневского, «несомненное достижение последних лет – освобождение суда от пресса идеологии. Общество постепенно преодолевает десятилетиями формировавшееся убеждение, согласно которому суд представляет собой лишь одно из звеньев в цепи органов уголовной юстиции, вместе с прокуратурой и следствием, как принято было говорить, “в единой упряжке” борется с преступностью и, следовательно, наряду с этими органами несет ответственность за состояние преступности».[222]

Обязанность по осуществлению правосудия, которая возлагается на судью по новому УПК РФ, не лишает его права исследовать доказательства в соответствии со складывающимся в процессе состязания обвинения и защиты его внутренним убеждением. Такая деятельность судьи не согласуется с положением о его пассивной роли в процессе и потому, что пассивность оказывается элементом, противоречащим свободной оценке доказательств, и лишает судью конституционного права на осуществление правосудия. Более того, такое ограничение носит элементы формальной теории оценки доказательств в уголовном процессе. По существу, мы должны говорить о том, что степень активности судьи определяется только его обязанностью по оценке доказательств на основании внутреннего убеждения и находится в пределах этого убеждения, определяется им.

Отличие гражданского процесса от уголовного выражается в содержании внутреннего убеждения судьи, разрешающего гражданский спор. В гражданском процессе в соответствии с действующим ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Обязанности, возлагаемые процессуальным законом на судью при доказывании сторонами обстоятельств, на которые они ссылались, значительно расширяют участие судьи в процессе доказывания, поскольку для определения обстоятельств, подлежащих доказыванию, судья должен правильно установить характер правоотношения сторон на стадии, когда правоотношения по делу носят неопределенный характер из-за того, что процесс доказывания только начат в суде. Установив характер правоотношения по делу с учетом оценки уже представленных сторонами доказательств, судья попадает в сложное положение в связи с требованием сохранения беспристрастности, в то время как в соответствии с требованиями

закона он сформировал свое убеждение об обстоятельствах по делу. Предложение сторонам доказывать определенные судом обстоятельства и вынос этих обстоятельств на обсуждение могут носить характер подгонки доказательств под мнение судьи по делу. Представляется, что закон по существу определил процессуальное положение судьи при доказывании в процессе из публичных правоотношений, но распространил его обязанности, характерные для публичного процесса, на процесс в области частного права, заставив судью оказывать правовую поддержку сторонам. При этом не учтено, что поддержка может носить односторонний характер, который полностью скрыт содержанием процессуальной нормы.

Вместе с тем необходимо признать, что законодателю было трудно отказаться от формулировки ГПК РСФСР 1964 г. об обязанности суда собирать доказательства по своей инициативе в соответствии с приоритетами публичного права перед правом частным.

Равенство сторон в процессе, принцип состязательности, процессуальная форма, образующая состязательную модель процесса, и вся система принципов уголовного и гражданского процессов оказываются лишенными своего содержания, если процессуальная форма и принципы процесса не учитывают важнейшего принципа правосудия – независимости суда, судьи.

Юридическая мысль периода проходящей в стране судебной реформы постоянно обращается к проблемам становления судебной власти в стране, ее конституционного положения, конституционного положения судей и гарантий их независимости.

Рассмотрение принципа независимости судьи в уголовном процессе невозможно без анализа конституционного принципа независимости судебной власти в условиях действия принципа разделения властей, независимости суда и судьи, как профессионального, так и присяжного заседателя.

Ш. Монтескье выделял три главных составляющих правосудия, которые определяют его сущность, – независимость от политической деятельности, профессионализм и народное начало. Он развил мысль о главной черте судебной власти, следующей букве и духу закона в условиях соблюдения процессуальных форм. Для России идеи Монтескье, нашедшие широкое применение в судебных системах европейских государств, стали реальностью при проведении судебной реформы 1864 г.

Правосудие дореформенного периода ярко характеризуют высказывания того времени: «Тип безграмотного

коррумпированного судьи формировался всей системой правосудия. Происходил своеобразный естественный отбор… По результатам ревизии 36 судов за период 1848–1850 гг. ревизоры отмечали: “судьи, особенно низшие, до крайности дурны”, добродетельных чиновников не было, они были невозможны, и если появлялся редкий экземпляр чиновника, который пытался действовать по закону, то его выгоняли из службы».[223]

Судебные уставы 1864 г. впервые в истории России отделили суд от административных органов в сфере судебного управления. Для обеспечения подлинной независимости судей в процессе было установлено, что судьи отвечают за неправильные действия только перед судебной властью. Коллегиальность суда, несменяемость судей, несовместимость судебной службы с другими профессиями, дисциплинарная ответственность только перед судом определили и процессуальное положение судьи. Впервые в России был введен суд присяжных.

Последующее развитие конституционного статуса судей в современной России связано со статусом суда присяжных. Обратимся к исследователям этого вопроса.

Рассматривая суд присяжных, М. В. Немытина формулирует преимущества формы судопроизводства с участием суда присяжных: «Довольно большое количество присяжных заседателей, вызываемых к началу слушания дела (не менее двадцати) и участвующих в судебном разбирательстве (двенадцать основных и двое запасных), право сторон на мотивированный и безмотивный отвод присяжных заседателей, формирование нового состава скамьи присяжных по каждому делу призваны обеспечить объективность и беспристрастность судей от общества. Присяжные заседатели принимают решение по делу самостоятельно и независимо от профессионального судьи. Судья руководит присяжными заседателями в ходе судебного разбирательства, разъясняет им положения закона, сущность принципа презумпции невиновности, разницу между фактами и доказательствами по делу. Однако принятие решения по делу – прерогатива суда присяжных. Присяжные заседатели не знакомятся заранее с материалами дела, не должны знать о прежней судимости подсудимого, обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, не имеют для них существенного значения. В основе решения присяжных лежат фактические обстоятельства дела, воссозданные в ходе судебного разбирательства сторонами. Присяжные заседатели выносят вердикт, имело ли место преступление, если имело, то какое отношение к его совершению имел подсудимый, виновен ли он, если виновен, то не заслуживает ли снисхождения, то есть

решают вопросы, не требующие специальных познаний, руководствуются не нормами права, а жизненным опытом и здравым смыслом. Постановление же приговора, применение уголовного и уголовно-процессуального закона, определение меры наказания подсудимому – дело судьи»[224].

В. В. Мельник пишет: «Самое большое достоинство такой формы судопроизводства заключается в том, что в суде присяжных даже лишенные всякой самостоятельности бывшие народные заседатели, которых в народе называют “кивалами“, “пешками в руках судьи”, “бессловесными судьями”, оказавшись в коллегии присяжных заседателей, словно по мановению волшебной палочки, внутренне преображаются и внезапно обретают утраченные в народном суде (суде шеффенов) независимость и судейское достоинство. Эта метаморфоза объясняется тем, что при разделении суда на две независимые друг от друга коллегии самостоятельность, независимость присяжных не подавляются не только авторитетом судьи-профессионала, но и внешним влиянием. Заинтересованные чиновники и частные лица не могут оказать какого-либо давления на вынесение вердикта по вопросам о виновности: во-первых, потому, что заранее не бывает известен конкретный состав присяжных по интересующему их делу; во-вторых, во время самого процесса присяжные ограждаются председательствующим и законом от посторонних влияний; в-третьих, уголовно-процессуальный закон гарантирует тайну совещания присяжных при вынесении вердикта, им запрещается оглашать высказанные во время совещания суждения. В этих условиях не нужно большого гражданского мужества, чтобы при вынесения вердикта руководствоваться только указаниями своей совести»[225].

Все процессуалисты прошлого и современного периода (И. Я. Фойницкий, Г. Джаншиев, А. Ф. Кони, Л. М. Карнозова, П. С. Пашин и др.) приходят к одному и тому же выводу, изложенному в процитированных работах.

Таким образом, процессуальная форма, в которой действует суд присяжных, направлена на обеспечение принципа независимости судей. Вместе с тем раскрытие смысла указанного принципа сводится к раскрытию субъективного начала в деятельности судьи, в выполнении им прав и обязанностей как субъекта, осуществляющего функцию правосудия, в которую включается оценка доказательств, собранных в процессе доказывания по делу по его внутреннему убеждению, основанному на всесторонне проверенных достоверных и достаточных доказательствах, несущих информацию о событиях

преступления.

Исследование правосудия в его субъективной части наталкивается на проблему установления условных факторов деятельности, которые исследователь проблемы считает неизменными и вытекающими из процессуальной формы. Обратимся к работе В. В. Мельник «Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе». Цитируя исследователя суда присяжных XIX в. А. М. Бобрищева-Пушкина, автор отмечает, что в чрезвычайной фактической добросовестности присяжных заседателей кроется один из секретов того, что в суде присяжных более последовательно, чем в обычном суде, соблюдаются презумпция невиновности и вытекающие из нее правила оценки доказательств.

Такая установка исходит из того, что только приведение к присяге и вызов в суд в качестве присяжного меняют тот самый человеческий фактор правосудия, который подвергается постоянной критике. Фактически же мы имеем дело с «предрассудком абсолютной объективности естествознания и идеологичности общественных наук».[226]

Принцип независимости судьи является конституционным. Согласно этому принципу строятся все законодательные акты, на основе которых создается и действует судебная система как институт государства, государственной власти, как ветвь власти.

Если обратиться к истории права, то «для дореволюционной историографии в оценках пореформенного суда были характерны следующие черты: идеализация Судебных уставов 1864 года, как воплощения идеалов правосудия в жизнь, создания в России основы правового строя».[227]

Рассмотрение истории судопроизводства в России с точки зрения ее критики в послереволюционный период отражено в работе Н. А. Троицкого. Он, в частности, пишет: «Главное же, что позволяло карателям безнаказанно чинить произвол в судах, это не просто попустительство, но прямое поощрение, а то и давление со стороны “верхов”, которые в борьбе против террора не останавливались перед попранием собственных законов….»[228]

Выделим то, что нашло отражение в указанных исследованиях: субъективность подхода судьи, судьи, зависимого от власти, но не от закона и права, к вынесению им приговора при отсутствии процессуальных гарантий независимости судьи в процессе.

Среди требований, которые предъявлялись к судьям в России в разные периоды исторического развития и отражали объективно сохраняющиеся задачи уголовного судопроизводства в обществе,

выделим следующее: «Суд должен получить право разбирать все жалобы на нарушение администрацией и полицией прав граждан и этим путем сделаться хранителем и оплотом личной свободы граждан….»[229]

Вместе с тем автор этих строк, написанных в 1905 г., обоснованно отмечал, что «условная независимость существует только в общем суде, действующем на основании судебных уставов. Суды же исключительные и особенные зависимы».[230]

Выделим те подходы к суду, с которыми исследователь права в современной России сталкивается постоянно и которые подлежат реформированию. «Как известно, богиню правосудия Фемиду изображают с завязанными глазами… Только в условиях социализма символический образ правосудия соответствует реальным условиям работы суда… Местные советы, не вмешиваясь в деятельность суда по разрешению конкретных дел, могут оказать свое влияние на общее состояние дел… Осуществляя политическое руководство судами, партийные комитеты не подменяют суды. Партийные комитеты интересуются качеством судебных дел, состоянием борьбы с преступностью».[231]

В теории процесса принцип независимости в указанных условиях понимался в тех пределах, в каких независимость судьи допускалась в процессе в условиях отсутствия разделения властей и реальных конституционных гарантий независимости. В связи с этим Т. Н. Добровольская писала: «Независимость судей нельзя понимать как их свободу от государства, от политики партии. Судов и судей, не зависимых от государства, не было нет и быть не может. Подчиненные только закону, советские судьи обязаны тем самым подчиняться воле народа в политике Коммунистической партии, выраженной в законах. Поэтому судьи независимы не от государства (его политики и задач), а только от любых посторонних вмешательств при рассмотрении и разрешении конкретных дел»[232].

Вместе с тем авторы отмечают, что «получило широкое распространение вмешательство представителей власти в непосредственную деятельность органов расследования и суда, стало обычным так называемое “телефонное право”».[233]

В приведенных позициях исследователей в отношении независимости суда и судьи просматривается несколько аспектов проблемы внутреннего убеждения судьи. Один аспект относится к доказательствам, которые должны быть положены в основу оценки их судом и должны сформировать внутреннее убеждение судьи, составляющее реальное познание обстоятельств дела судьей.

Второй аспект относится к формированию возможности перехода внутреннего убеждения судьи от объективного познания действительности в пределах действующего закона к усмотрению в познании действительности в интересах представителей других ветвей власти. При этом необходимо учесть, что такое формирование внутреннего убеждения возможно в условиях реализованного в правоприменении принципа разделения властей. Единство власти предполагает единство подхода суда к разрешению любого дела с точки зрения того единства понимания права, которое предлагается в материальном законе, и той роли судьи, которая установлена для него процессуальным законом. Обоснование такого подхода изложено по существу в приведенных выше выводах исследования принципов советского уголовного процесса.

В случае отсутствия независимости судьи в процессе внутреннее убеждение судьи формируется не в результате познания объективной действительности в интересах правосудия и сторон по делу, а под влиянием представления о действительных обстоятельствах дела должностных лиц законодательной или исполнительной власти, либо в интересах частных лиц, либо в административных интересах единой власти в условиях отсутствия реального разделения властей.

При разрешении спора частных лиц в гражданском процессе указанные аспекты формирования внутреннего убеждения судьи выражаются в пристрастном подходе судьи к познанию обстоятельств дела и искажению воли закона, подлежащего применению судом.

Изменения в правовой и судебной системе Российской Федерации в условиях правовой и судебной реформ находят отражение как в общественном сознании, так и в теории права.

Ключевой вопрос любой власти – доверие граждан государству. «Степень этого доверия определяется тем, как оно защищает своих граждан от произвола рэкетиров, бандитов и взяточников. Ни суд, ни правоохранительные органы здесь еще не дорабатывают. В результате нарушаются права и интересы граждан, подрывается авторитет власти….»[234]

В теории права и процесса эти острые проблемы уголовного судопроизводства учитываются постоянно. Так, Б. Н. Топорнин пишет: «Надо признать, что простое восприятие классики общемировой теории права, в том числе идей правового государства, разделения властей, приоритета прав и свобод человека и многих других, не может быть достаточным. Идеальные схемы – при всех их достоинствах и перспективах – зачастую не работают… Судебная система работает с немалыми

трудностями. До сих пор не обновлено процессуальное законодательство….» «Появление в российском менталитете понятия “судебная власть” в ее современном значении породило ряд вопросов, требующих своего разрешения. К числу таковых следует отнести проблему соотношения судебной власти и правосудия, взаимодействия судебной власти и прокурорского надзора. Не разрешена проблема судейского корпуса».[235]

Судья Курского областного суда Н. А. Колоколов пишет: «Анализ ведушейся по этому поводу дискуссии показывает, что у авторов реформ до сих пор нет единой четкой концепции организации судебной власти в РФ. Более того, создается впечатление, что большинство из них вообще не понимает механизмов правосудия, реальных возможностей российской судебной системы». Автор полагает, что «дальнейшее укрепление независимости судов – проблема в основном нравственная. Важно, чтобы каждый судья нашел в себе силы осознать свое особое положение в обществе, глубинные цели правосудия».[236]

Нравственный подход к правосудию отражает состояние общества, но не решает цели и задачи процессуальной деятельности, которые реализуются в процессе правоприменения норм процессуального права. Принцип независимости судьи, реализуемый в процессуальных нормах, обеспечивает правосудную правоприменительную деятельность, которую пытаются достичь теоретики правового государства на уровне конституционных правоотношений. Конституционное правоотношение не всегда находит реализацию в процессуальной деятельности, которая шире процесса правоприменения и которая может отклоняться от условий, определенных диспозицией процессуальной нормы.

Приведем только один из примеров реальной жизни, когда при допросах в нарушение существующих требований применяется физическое насилие, подозреваемый ставится в неблагоприятные условия, путем выхода из которого является его признание в совершении преступления, стороны заключают притворную сделку, выдается вексель задним числом, чтобы создать условия для ложного банкротства.

Вопросы произвола со стороны судебной власти и способы противодействия такому произволу всегда привлекали внимание теоретиков и практиков процесса. Так, Я. И. Баршев писал: «К числу условий и требований относительно удовлетворения в уголовном судопроизводстве основному его началу – началу правды должно, наконец, отнести различные средства, с помощью которых может быть обезопасено правильное решение уголовных дел. По началам теории и по постановлениям Российского

положительного законодательства сюда принадлежат: 1) право подсудимого на отвод судей, 2) такой образ производства уголовного следствия, который исключает всякое действие частного произвола, 3) установление различных средств защиты подсудимого, 4) определенная законом система уголовных доказательств, 5) коллегиальный образ решения уголовных дел, 6) обнародование их приговоров, 7) ревизия и апелляция в делах уголовных»[237].

По мнению современного исследователя Б. Н. Топорнина, «авторитет судебной власти в обществе, ее эффективность во многом предопределяются личностью судьи, всем его поведением как в стенах суда, так и в быту».[238]

Российский судейский корпус в настоящее время имеет две составляющие: судей профессиональных и судей из общества, присяжных заседателей по УПК РФ.

Для раскрытия содержания принципа независимости судьи в судебном процессе необходимо обратиться к конституционному принципу независимости судьи и его обеспечению в законодательстве Российской Федерации.

Прежде всего, помимо Конституции как закона прямого действия, мы должны назвать: Закон РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации» (с последующими изменениями), Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. «О военных судах Российской Федерации», Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (с последующими изменениями).

В этих законах сформулированы основные положения иммунитета судей в процессе и правовые гарантии осуществления иммунитетов, что обеспечивает судьям возможность выполнять функции по осуществлению правосудия в строгом соответствии с требованиями российского права и закона на основе процессуальных гарантий независимости судей в процессе, которые предоставляет процессуальный закон.

Рассматривая проблему иммунитетов в уголовном процессе, Ф. А. Агаев и В. Н. Галузо отмечают, что «задача определения понятия иммунитетов в уголовном процессе, казалось бы, облегчается и сводится лишь к выборке уже выявленных существенных признаков. Но дело осложняется тем, что понятие иммунитетов используется для обозначения правовой категории и поэтому оно имеет юридический смысл и значение и соответствующие правовые признаки. Следовательно, раскрыть

понятие иммунитетов в уголовном процессе – значит выявить не только и не столько его общеупотребительный смысл, сколько его правовые признаки, а в силу преходящего характера всякого правового знания – и его этимологию, происхождение».[239]

Следует обратить внимание на то, что в уголовном процессе исследователи обращаются в первую очередь к проблеме иммунитета судьи. Объясняется такое положение прежде всего особой публичной значимостью уголовно-судебной деятельности и необходимостью обеспечить в уголовном процессе принцип презумпции невиновности. Наука гражданского процессуального права не уделяет специального внимания проблеме иммунитетов в гражданском процессе, поскольку для гражданского процесса достаточно того содержания иммунитета судьи, которое устанавливается законами о статусе судей и судебной системе в Российской Федерации.

Статья 9 Закона «О статусе судей в РФ» называет неприкосновенность судей одной из гарантий независимости судьи. В полном объеме понятие неприкосновенности судьи раскрывается в ст. 16 Закона о статусе судей. Неприкосновенность по старой редакции Закона 1992 г. заключалась в законодательном запрещении привлечения судьи к дисциплинарной и административной ответственности, особом порядке привлечения судьи к уголовной ответственности, распространении неприкосновенности на его жилище и служебное помещение, используемый им транспорт, средства связи, на его корреспонденцию, а также принадлежащее ему имущество и документы.

Сам по себе запрет привлекать судью к дисциплинарной ответственности не означал безнаказанности судьи в случае совершения им при исполнении своих полномочий действий, которые умаляют честь и достоинство судьи, авторитет судебной власти и вызывают сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности (ст. 3 Закона «О статусе судей в РФ»).

Так, полномочия судьи могли быть прекращены на основании пп. 9 ст. 14 Закона РФ «О статусе судей в РФ» вследствие совершения проступка, позорящего честь и достоинство судьи и умаляющего авторитет судебной власти. Присяга судьи и кодекс чести судьи требуют честного и добросовестного исполнения судьей своих обязанностей. «В отношении более чем ста судей ежегодно квалификационными коллегиями судей принимаются решения о прекращении их полномочий за поступки, позорящие честь и достоинство судьи или умаляющие авторитет судебной власти».[240] Приводимые цифры результатов рассмотрения

квалификационными коллегиями судей представлений о нарушениях, допускаемых судьями при осуществлении правосудия, свидетельствуют о жизнеспособности предусмотренных ст. 9 Закона «О статусе судей в РФ» гарантий независимости судей, которые не связаны с неприкосновенностью. Так, независимость судей обеспечивается предусмотренной законом процедурой осуществления правосудия, запретом, под угрозой ответственности, чьего бы то ни было вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия; установленным порядком приостановления и прекращения полномочий судьи; правом судьи на отставку; системой органов судейского сообщества; предоставлением судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу.

Содержание правового статуса судьи по Закону 1992 г. вместе с тем содержало особенность, которая исключала проведение в отношении судьи оперативно-розыскной деятельности, которая становилась возможной только в связи с производством по уголовному делу, возбужденному по представлению Генерального прокурора РФ с согласия квалификационной коллегии судей. Соответственно при даче согласия квалификационной коллегии на возбуждение уголовного дела эффективность оперативно-розыскных мероприятий, зависящая от тайны их производства, сводилась на нет.

Эти положения закона подвергались общественной критике в печати: «Это абсурдная ситуация – яркое свидетельство того, что ныне действующий закон о статусе судей не соответствует времени. Он предусматривает слишком строгие рамки и существенные ограничения для привлечения судей к уголовной ответственности. И не только их телефоны нельзя прослушивать. За ними запрещено вести негласное наблюдение, то есть слежку. Противозаконно также включать служителей правосудия в агентурную разработку, иначе говоря, использовать для поимки судьи-взяточника “подсадную утку” – взяткодателя. Между тем все эти оперативные методы – основа борьбы с организованной преступностью».[241]

Учеными критиковались «недемократичность формирования судебной власти, ее бесконтрольность, откровенное стремление облегчить себе жизнь (ликвидация стадии предания суду, расширение круга дел, рассматриваемых единолично, сокращенное судебное следствие, отказ от инициативы в исследовании доказательств, освобождение от обязанности доказывания, предложения о сделках и т. п.)». Такие факты «приводят к произволу, уводят судей от ответственности, из-под

контроля общественности, а отсюда и недоверие к судебной власти».[242]

Как пишет Л. В. Бойцова, «в современной России чрезвычайно сложно привлечь судью к ответственности (гражданской, уголовной, дисциплинарной), хотя в общественном сознании ошибки и профессиональная некомпетентность судейского корпуса вошли в поговорку и стали чуть ли ни привычной нормой. Закон “О статусе судей в РФ”, Закон “О судебной системе РФ” и другие нормативные акты не содержат специальных норм об ответственности судей. Законодатель не определил своего отношения к понятиям “профессиональная ошибка”, “судебная ошибка”. Отсутствует ясность в вопросе о том, какие профессиональные ошибки влекут ответственность и кто должен быть ответчиком – государство или судьи. Проблема ответственности судьи связана с решением вопроса об иммунитете судьи; поэтому требуется дополнительное правовое регулирование, основанное на изучении теории, иностранной и международной практики».[243] «Ряд судей понимают независимость односторонне, считают себя неприкасаемыми. В деятельности судей бывают факты безответственного отношения к работе, проявление своекорыстных интересов».[244]

15 декабря 2001 г. Государственная Дума приняла Закон о внесении изменений в Закон РФ «О статусе судей в РФ», который претерпел очередные изменения. За десять лет, прошедших со времени принятия закона, в него шесть раз вносились изменения. Из закона исключены две статьи, и он за этот период дополнен шестью новыми статьями.

Прежде всего претерпела изменения ст. 16 Закона, подвергавшаяся существенной критике. По новой редакции решение о возбуждении в отношении судьи уголовного дела принимается Генеральным прокурором РФ на основании заключения коллегии из трех судей вышестоящего суда по отношению к судье, о привлечении к уголовной ответственности которого ставится вопрос. Кроме того, необходимо согласие соответствующей квалификационной коллегии судей.

Изменение в ходе расследования дела квалификации состава преступления, которое влечет ухудшение положения судьи, возможно только с соблюдением указанной процедуры.

Осуществление в отношении судьи оперативно-розыскных мероприятий, а также следственных действий (если в отношении судьи не возбуждено уголовное дело либо он не привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу), связанных с ограничением его гражданских прав либо с нарушением его неприкосновенности, определенной Конституцией РФ,

федеральными конституционными законами и федеральными законами, допускается не иначе как на основании решения коллегии из трех судей вышестоящего суда.

После возбуждения уголовного дела следственные и оперативно-розыскные мероприятия осуществляются в отношении судьи в общем порядке. Кроме того, судья может быть привлечен к административной ответственности. Законом установлен порядок привлечения судьи к дисциплинарной ответственности.

Таким образом, законодатель, сохранив гарантии независимости судей, расширил круг мероприятий, которые осуществляются в отношении судьи в целях контроля деятельности судьи по осуществлению правосудия и контролю законности этой деятельности. При этом эти мероприятия проводятся за пределами судебной системы и только согласуются с коллегией вышестоящего суда, что обеспечивает тайну оперативно-розыскных и следственных действий. Внесенные в Закон изменения легко объясняются положениями нового УПК РФ, который передает в суд вопросы, связанные с избранием мер пресечения (арест), получения разрешения на производство следственных действий (обыск). Расширился круг процессуальной деятельности суда, связанной с контрольной функцией правосудия по уголовным делам, что требует обеспечения защиты независимости суда и судьи в целях обеспечения принципа презумпции невиновности.

Целью настоящего исследования является раскрытие субъективного начала в правовом положении судьи как участника процессуальной деятельности, субъекта процессуальных правоотношений и носителя внутреннего убеждения в процессе, а права и обязанности судьи в процессе определены прежде всего процессуальным законом. Поэтому рассмотрение вопроса о соотношении понятий принципа независимости судьи в Конституции РФ, принципа независимости судьи по законам РФ «О статусе судей в РФ», «О судебной системе РФ» возможно через форму, которую использует законодатель для изложения в законодательстве принципов. Обратимся к исследованию В. П. Нажимова «Суд как орган правосудия по уголовным делам в СССР».[245] Автор предлагает свое решение поставленной задачи: понятие правового принципа является производным от общего философского понятия «принцип», которым обозначается важнейшее коренное свойство предметов или явлений, отраженное в нашем сознании. В законодательстве используется три формы изложения принципа: единая организационная взаимная согласованность норм права; изложение принципа права в виде отдельных норм; сочетание этих форм создает

третью форму, которая применяется в советском уголовном процессе.

Представляется, что указанная смешанная форма формулирования принципа и отражает действующее в российском законодательстве соотношение процессуального принципа независимости судьи с принципом независимости судьи в организационном обеспечении его деятельности, принципом независимости судьи в судебной системе, конституционном принципом независимости суда, определяющем место суда среди других органов государственной власти и конституционном принципом независимости суда, вытекающем из принципа разделения властей и создающем конституционные гарантии независимости судьи в процессе от других ветвей власти.

Здесь мы можем говорить о различном уровне правоотношений по реализации единого принципа независимости судьи в правовой системе, судебной системе, статусе судьи и в процессе деятельности судьи по осуществлению правосудия. Как отмечает Е. Г. Мартынчик, «в функциональном плане мы в нем (правовом положении судьи. – *В. Т.)* выделили бы два основных вида статуса. Во-первых, организационно-правовой, или просто правовой; во-вторых, процессуально-правовой. В единстве и взаимосвязи они дают наиболее полное и четкое представление о правовом и процессуальном положении судей в сфере осуществления правосудия».[246]

«Судья – это независимый и подчиненный только закону представитель власти, управомоченный от имени государства, в составе коллегии (а в случаях, установленных законом, – единолично) в процессуальном порядке рассматривать и разрешать судебные дела, применяя право с использованием в необходимых случаях мер государственного принуждения»[247].

Обратимся к ст. 9 Закона о статусе судей, в которую внесены изменения, касающиеся деятельности судебного департамента. Судебный департамент при Верховном Суде РФ осуществляет меры по созданию условий, необходимых для судебной деятельности судов общей юрисдикции и военных судов, а также по ее кадровому, организационному и ресурсному обеспечению.

Деятельность судебного департамента позволяет судейскому корпусу прежде всего сосредоточить свои усилия на выполнении той процессуальной функции правосудия, которая возложена на суд всей правовой системой России, частью которой является процессуальное законодательство.

Норма закона, определяющего статус судьи, предусматривает, что достаточное содержание является

гарантией независимости. Вместе с тем сама система оплаты работы судьи, установленная тем же законом, оказывается условием, ставящим судью в зависимость от административного контроля, поскольку в содержание включены льготы по предоставлению и оплате жилья, проезда, лечения, которые оказываются переменными составляющими.

Одним из направлений судебной реформы является «формирование такого способа ресурсного (материального, информационного, организационного и т. п.) обеспечения судебной власти и каждого судьи в отдельности, который обеспечивал бы условия, необходимые для полного и свободного осуществления судьей своих должностных обязанностей».[248]

Необходимость достаточного материального обеспечения судебной системы в целом и судьи конкретно никем не оспаривается, хотя и решается чрезвычайно медленно. Представляется, что одной из причин такого положения является непонимание содержания работы суда и судьи, неразработанность в российской науке вопросов, связанных со статусом судей, гарантирующим исполнение процессуальных законов.

Вместе с тем при наличии такой неразработанности и требований рассмотрения оплаты как гарантии принципа независимости в систему оплаты предлагается включать премии по итогам работы за квартал и год. Конкретные размеры премий могут определяться в соответствии с их личным вкладом в общий результат работы и максимальными размерами не ограничиваться.[249]

Наиболее спорной является проблема дисциплинарной ответственности судей. Дискуссии по этой проблеме выявили две позиции. Сторонники недопустимости привлечения судей к дисциплинарной ответственности считают, что установление такой ответственности может привести к возможности привлечения судьи к ответственности за любой незначительный проступок и поставит в сложное положение принципиального судью.[250]

Сторонники дисциплинарной ответственности судей полагают, что «судья не может находиться в полной личной независимости и безответственности. Его независимость должна ограничиваться рамками невмешательства кого бы то ни было в рассматриваемые им дела, а точнее, запретом влиять на результаты выносимых по ним судебных актов. Проверка их законности и обоснованности – это прерогатива вышестоящей судебной инстанции».[251]

Отметим указанную точку зрения, которая дает возможность

выделить проблему внутреннего убеждения судьи при оценке доказательств в уголовном процессе как проблему субъективного в деятельности по осуществлению правосудия. При этом судья в соответствии с принципом независимости обладает правом на внутреннее убеждение и оценку доказательств и не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за деятельность по осуществлению правосудия. Независимость судьи в процессе – институт публичного права, судья является носителем правосудия, и условия его ответственности установлены УК РФ. И только при наличии обвинительного приговора в отношении судьи он становится субъектом, который несет ответственность за неправосудные решения. Таким образом, выделение судьи как участника процессуального правоотношения, наделенного к тому же субъективными правами, отражающими публичность судебного процесса, позволяет отграничить его процессуальную деятельность в пределах, предоставленных ему процессуальным законом, от трудовой и административно-организационной.

В практике возникает вопрос, может ли судья за нарушения требований процессуального законодательства нести дисциплинарную ответственность в соответствии с нормами трудового законодательства? Статья 12-1 Закона РФ «О статусе судей в РФ» в новой редакции устанавливает, что за совершение дисциплинарного проступка (нарушение норм настоящего Закона, а также положений кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей) на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание.

По Закону о статусе судей судья – носитель правосудия, и если мы выделяем внутреннее убеждение судьи при оценке доказательств как субъективное в его деятельности, то мы отделяем субъективное в познании, исследовании и оценке доказательств от личного убеждения судьи, которое оказывается за пределами процессуального познания, установленного нормами права. На такое разделение обоснованно указывается во всех работах процессуалистов, где затрагиваются вопросы понятия внутреннего убеждения судьи. Субъективное не может не основываться на объективной действительности, составляющей основания внутреннего убеждения. Соотношение убеждения и усмотрения судьи можно рассматривать как взаимодействие познания и правомочия судьи в процессе. В этом случае усмотрение отражает беспристрастность судьи в процессе, относится к правоприменению, и контроль за беспристрастностью обеспечивается дисциплинарной ответственностью судьи.

Приведем пример. Решением Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 12 марта 2002 г.

прекращены полномочия судьи Ш. на основании п. 1 ст. 12 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации». Ш. оспорил решение коллегии в суде, и Верховный Суд РФ удовлетворил его жалобу со ссылкой на нормы трудового законодательства. Президиум Верховного Суда РФ решение отменил и вынес новое решение об отказе в удовлетворении жалобы. При этом Президиум указал, что вывод суда о распространении на правоотношения, связанные с дисциплинарной ответственностью судей, норм трудового законодательства противоречит ст. 9 и 12 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации».

Так, в соответствии с абз. 3 п. 1 ст. 9 Закона независимость судьи обеспечивается установленным порядком приостановления и прекращения полномочий судьи.

В силу ст. 12 Закона судья несменяем, он не подлежит переводу на другую должность или в другой суд без его согласия, и его полномочия могут быть прекращены или приостановлены не иначе как по основаниям и в порядке, определенном данным Законом.

Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» не предусматривает возможности применения норм трудового законодательства в случаях применения дисциплинарных взысканий к судьям в виде прекращения полномочий и устанавливает специальный порядок в ст. 12-1.

В ст. 193 Трудового кодекса РФ установлен порядок применения дисциплинарных взысканий работодателем. Возможности применения дисциплинарных взысканий иным органом, не являющимся работодателем, в том числе квалификационной коллегией судей, данная статья Кодекса не предусматривает.

В соответствии со ст. 12-1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» под дисциплинарным проступком понимается нарушение норм этого Закона, а также положений кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей. Таким образом, в Законе проведено разграничение между дисциплинарным проступком судьи и дисциплинарным проступком иного работника.

Статья 12-1 Закона предусматривает специальный вид дисциплинарного взыскания – досрочное прекращение полномочий судьи.

В Трудовом кодексе РФ порядок применения данного дисциплинарного взыскания не определен, он установлен специальным законом, а именно Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации». Досрочное прекращение полномочий

судьи не является дисциплинарным взысканием в виде увольнения, а поэтому к нему нормы трудового законодательства неприменимы.[252]

Судебная защита гражданских прав является наиболее эффективным средством обеспечения субъективных прав каждого гражданина. Такая защита невозможна без установления границ между публичными и частными началами в процессуальной деятельности суда и судьи. Рассмотрения состязательной модели уголовного процесса недостаточно для понимания значения субъективного в деятельности судьи по достижению цели судебного процесса.

Принцип диспозитивности является прежде всего принципом гражданского и арбитражного процессуального права и исследуется в первую очередь в теории гражданского и арбитражного процессуального права, хотя единства мнений среди ученых по этому вопросу не достигнуто.

Так, исследуя диспозитивные начала в гражданском и арбитражном процессах, А. Г. Плешанов отмечает: «Все высказанные в науке взгляды можно сгруппировать в пять точек зрения. К сторонникам первой точки зрения следует отнести тех ученых, которые придерживались традиционного представления о едином состязательном начале, определяющем деятельность и сторон, и суда во всех ее основных направлениях. Суть подхода, лежащего в основе первого направления, очень отчетливо выразил В. Л. Исаченко, который писал: “В гражданском процессе тяжущиеся являются полными хозяевами и господами своего дела, суд же обязывается делать то, что от него требуют стороны… давая указания, что они должны делать еще, чтобы защитить оспариваемое у них право”. Вторая точка зрения представлена позицией С. В. Пахмана, который выделил “принцип частной свободы в области судебной защиты гражданских прав”. Третья точка зрения была высказана Е. В. Васьковским. Принципом диспозитивности он называл право распоряжения сторон, во-первых, объектом процесса. и, во вторых, процессуальными средствами защиты и нападения. Четвертая точка зрения связана с именем профессора Т. М. Яблочкова, который занял сугубо негативную позицию в своем отношении к принципам диспозитивности и состязательности. Пятая точка зрения была обоснована В. А. Рязановским, который, оценив господствующую доктрину диспозитивного начала с критических позиций, пришел к следующему выводу: “Принцип диспозитивности нельзя рассматривать как безусловное и непреложное начало процесса, вытекающее из сущности гражданских прав, не допускающее отступлений без воли

заинтересованных сторон”»[253].

Обращение в суд инициирует процессуальную деятельность суда, которая организуется процессуальным законом на началах независимости судьи и суда. Независимость судьи гарантируется его статусом, но Закон о статусе судей принимается в целях применения закона, которому только и подчиняется судья, и свобода выбора сторон всегда будет ограничена существующим правопорядком. «Сущность принципа диспозитивности – в неразрывном единстве двух составляющих: свободы выбора варианта получения защиты нарушенного права и свободы усмотрения стороны в выборе вариантов поведения в процессе защиты права».[254]

Внутреннее убеждение судьи процессуальный закон как в гражданском, так и в уголовном процессах связывает с доказательствами, собранными и представленными сторонами по делу, исследованными с участием сторон в соответствии с предъявляемыми законом требованиями к порядку такого исследования в целях познания действительного характера отношений сторон. При таких обстоятельствах убеждение судьи зависит от представленных доказательств и доводов сторон, и объективизация убеждения в решении не может производиться по усмотрению судьи без учета требований не только процессуального но и материального законов. При этом убеждение судьи будет служить основанием для его усмотрения в пределах предоставленных ему процессуальным законом прав по применению материального и процессуального права в целях наиболее эффективной защиты субъективных прав сторон.

Попытаемся на конкретных примерах рассмотреть проблему соотношения содержания понятий внутреннего убеждения судьи и усмотрения судьи, исходя из данного выше определения понятия внутреннего убеждения судьи.

Ш. обратилась в суд с жалобой в порядке, установленном ст. 239-1 ГПК РСФСР 1964 г., предусматривавшей право гражданина обратиться в суд с жалобой, если он считает, что неправомерными действиями государственного органа, общественной организации или должностного лица нарушены его права или свободы. Отметим, что обращение в суд с такой жалобой не создавало для Ш. права требовать ареста имущества, поскольку обращение в суд не носило характер иска.

В жалобе Ш. указала, что является членом Сельскохозяйственного производственного кооператива и просила признать незаконными действия Правления и Наблюдательного совета, недействительным протокол общего собрания, которым нарушено ее право на осуществление

руководства кооперативом законно избранным председателем кооператива, поскольку значительная часть имущества кооператива стала использоваться третьими лицами без согласия председателя. Отчуждение имущества кооператива не могло иметь места без согласия собрания членов кооператива, которое не проводилось. Одновременно Ш. было заявлено ходатайство о наложении ареста на земли кооператива (три участка) и объекты недвижимости (91 объект). Из указаний на доказательства в жалобе и из приобщенных справок следовало, что заявительница проживает постоянно по месту нахождения кооператива в другом районе, требования ее носят исковый характер, но, поскольку иск не предъявлен, она не может ставить вопрос об аресте земли и недвижимости кооператива.

Судья без уточнения характера требований заявительницы вынес определение об аресте имущества кооператива и по ходатайству ее представителя определил: передать это имущество на хранение представителю, выступив при этом в роли пристава-исполнителя, который и должен был исполнить определение судьи. Определения обжаловались в кассационном порядке и отменены.

В этом деле нас интересует вопрос, касающийся законности внутреннего убеждения судьи, сложившегося у него по делу при принятии решения о наложении ареста на имущество кооператива, и возможности отнести содержание определения к понятию принятия решения на основе внутреннего убеждения. Все обстоятельства установлены полно и правильно, но убеждение подменено усмотрением судьи, основанным на усмотрении стороны по делу, добивавшейся определения, которое не соответствовало требованиям закона. Определение вынесено вопреки процессуальному закону и подтверждает то обстоятельство, что судья не знает закона, как процессуального так и материального, поскольку в данном случае мы не столкнулись со сложными обстоятельствами дела или толкованием закона при коллизионных случаях применения норм права.

Так, только на основании усмотрения судьи выносится в гражданском процессе решение при отсутствии данных об извещении стороны по делу, кроме случаев неправильного оформления материалов дела после принятия решения, когда имевшиеся в деле извещения утрачиваются.

Рассмотрим характерный пример из судебной практики. Гражданин задержан при таможенном контроле с крупной суммой валюты, на которую представлена справка банка, дающая право на ее вывоз. Представленная справка на право вывоза

валюты проверена и установлено, что банк, указанный в справке, не имеет права на указанную операцию. Обжалуя действия таможни, гражданин обращается в суд, который отказывает в удовлетворении жалобы. Обжалуя решение суда, гражданин к жалобе приобщает извещение, что возбуждено уголовное дело по поводу выдачи ему фальшивой справки. Решение суда отменяется по жалобе гражданина со ссылкой на возбуждение уголовного дела, хотя сам факт возбуждения дела не имеет преюдициального значения. Гражданин во всех заявлениях в суд указывает, что он покупал справку на право вывоза валюты, по которой не производились операции с валютой, но на это обстоятельство суд не обращает внимания и выносит решение об удовлетворении жалобы, не давая оценки недобросовестности заявителя и ошибочно установив обстоятельства дела, что вызвало неправильное применение закона.

«Уголовно-процессуальная деятельность начинается со стадии возбуждения уголовного дела… на рассматриваемом уровне уголовно-процессуальных правоотношений в их характере четко и последовательно проявляется управленческая сущность общественных отношений. Деятельность органов государства и должностных лиц, ведущих борьбу с преступностью, складывающиеся в процессе ее правоотношения являются не только движущим началом, но и формой управления названными общественными отношениями».[255]

Независимость судьи обеспечивается процедурой судебного разбирательства. Так, гл. 9 УПК РФ устанавливает обстоятельства, которые исключают участие в производстве по уголовному делу судьи, если он: является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или свидетелем по данному делу. Участвовал в качестве присяжного заседателя, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, а судья также в качестве дознавателя, следователя, прокурора в производстве по данному делу. Является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу.

В ст. 61 УПК оговаривается и то обстоятельство, что судья не может участвовать в производстве по уголовному делу также в случаях, если имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе данного уголовного дела. Статья 63 УПК РФ устанавливает недопустимость повторного участия судьи в

рассмотрении уголовного дела. При этом недопустимость участия судьи в процессе гарантируется правом на отвод судьи, который разрешается остальными судьями в совещательной комнате с вынесением определения или постановления.

Установление такой процедуры подчинено цели формирования внутреннего убеждения судьи по делу, отражающего подлинную картину обстоятельств преступления, а не собственное мнение судьи, сложившееся в процессе рассмотрения дела в качестве участника процесса или личных взаимоотношений с лицами, связанными с обвиняемым родственными или иными узами.

Характерной является установленная в УПК РФ процедура отбора присяжных заседателей в процессе формирования коллегии присяжных заседателей. Для обеспечения целей формирования состава присяжных, способного обеспечить объективный подход к разбирательству дела, сторонам обвинения и защиты предоставлено право отвода, как мотивированного, так и безмотивного. После завершения опроса кандидатов в присяжные заседатели, когда разрешаются ходатайства о самоотводах, происходит обсуждение каждого кандидата в последовательности, определенной списком кандидатов. Стороны передают председательствующему мотивированные письменные ходатайства об отводах, не оглашая их.

Отводы разрешаются председательствующим, который доводит свое решение до сведения сторон.

Немотивированные отводы заявляются подсудимым и его защитником, прокурором, и каждый из участников может заявить его дважды. Немотивированные отводы заявляются путем вычеркивания из полученного предварительного списка фамилий отводимых кандидатов в присяжные заседатели, после чего эти списки передаются председательствующему.

Суд присяжных сочетает в себе судей «факта» и судей «права»: «…. одним из важных является вопрос о компетенции присяжных заседателей при разрешении уголовного дела. Исторически сложилось положение, при котором присяжные приглашались решить вопрос о виновности подсудимого. В то же время, относится ли вопрос о виновности к вопросам факта или к вопросам права, он решался по-разному как учеными-правоведами, так и судебной практикой, сформировавшейся в России в результате проведения первой судебной реформы второй половины XIX века. Данная проблема не является окончательно решенной и в настоящее время».[256]

Представляется, что исследование сущности внутреннего убеждения судьи в уголовном процессе и уяснение его

содержания, объективного и субъективного, позволит теоретически ответить на вопрос, какие же проблемы решает коллегия присяжных заседателей, так высоко оцениваемая в своей деятельности исследователями суда присяжных.

Как пишет В. В. Мельник, «здравый смысл является формой практического мышления умного, рассудительного, предусмотрительного, добропорядочного, законопослушного, нравственно опрятного человека, для которого характерен серьезный, ответственный, осторожный, взвешенный, тщательно и всесторонне продуманный системный подход к принятию важных практических решений, к определению целей, задач, путей, средств и способов их достижения с учетом складывающейся обстановки».[257]

По мнению Л. М. Карнозовой, «введение суда присяжных – не только реформа уголовного процесса, не только реформа профессионального юридического правопонимания, то есть парадигматическая, но и реформа общества. И следовательно, явка граждан в суд, их понимание своей обязанности участия в правосудии – такой же объект реформирования, как процессуальные процедуры».[258]

Анализируя достигнутый уровень понимания внутреннего убеждения судьи в уголовном процессе и реализации в процессе принципа независимости судьи, неизбежно приходим к выводу о том, что убеждение судьи направлено на обстоятельства преступления, которые познаются с использованием человеческих, субъективных способностей к познанию действительности. Именно в этом и заключается вердикт присяжных о виновности подсудимого, именно эти обстоятельства устанавливаются профессиональным судьей в результате всестороннего, полного исследования обстоятельств дела по представленным обвинителем и защитой доказательствам. Однако последний является одновременно судьей «факта» и «права», поскольку в установленных по делу обстоятельствах ему необходимо определить состав преступления и квалифицировать каждое действие обвиняемого по материальному уголовному праву, реализовав охранительные уголовные правоотношения. Суд присяжных обеспечивает дополнительную гарантию независимости судьи по порядку формирования суда и беспристрастности присяжных, которые не связаны постоянной профессиональной деятельностью по осуществлению правосудия.

Применение таких понятий, как здравый смысл и совесть судьи, обеспечивает отграничивание судьей своего субъективного отношения к преступлению от отношения, связанного с

познанием по делу, с определенным предметом доказывания. Кроме того, такая формулировка в законе позволяет отделить правовую оценку факта от содержания самого факта. Именно поэтому в УПК РСФСР применялся термин «социалистическое правосознание», что обеспечивало включение в оценку доказательств правосознания субъекта уголовно-процессуальной деятельности и достижение при оценке доказательств абсолютной истины, поскольку правосознание основывалось на идеологии, исходящей из абсолютной истинности правовой системы. Это исключало иное понимание, кроме установленного в законе, и обеспечивало реализацию приоритетов принципа публичного права перед частным, что предопределяло высокий уровень участия суда в деятельности государственного аппарата по достижению поставленных целей, но не в осуществлении правосудия, понимание которого после начала правовой реформы в России существенно изменилось.

Мы уже обращались к вопросам понятия социалистического правосознания в процессуальной деятельности суда при формировании внутреннего убеждения судьи и суда, как это понятие понималось на протяжении длительного времени, в том числе в гражданском и гражданско-процессуальном законодательстве, когда распространительное толкование закона производилось только в интересах охраны интересов общественных.

Раскрывая понятие правосознания, И. А. Ильин писал: «Право нуждается в правосознании для того, чтобы стать творческой жизненной силой, а правосознание нуждается в праве для того, чтобы приобрести предметную основу и объективную верность. Право только тогда осуществит свое назначение, когда правосознание примет его, наполнится его содержанием и позволит новому знанию влиять на жизнь души, определять ее решения и направлять поведение человека. Тогда право станет силой во внутренней жизни человека, а через это и в его внешней жизни».[259]

Принцип независимости судьи в процессе наилучшим образом обеспечивает требуемое теорией сочетание идеального и реального в познании обстоятельств дела. Процедура осуществления правосудия предусматривает тайну совещательной комнаты.

«Решение постановляется только судьями, участвовавшими в заседании, в котором закончено разбирательство дела», – требовала ст. 184 ГПК РСФСР 1923 г.

«Решение выносится в совещательной комнате. Во время совещания и вынесения решения в совещательной комнате могут

находиться лишь судьи, входящие в состав суда по данному делу. Присутствие иных лиц в совещательной комнате не допускается. Судьи не могут разглашать суждения, имевшие место во время совещания», – гласит ст. 193 ГПК РСФСР 1964 г.

Действующий ГПК РФ 2002 г. в ч. 2 ст. 194 устанавливает, что решение суда принимается в совещательной комнате, где могут находиться только судья, рассматривающий дело, или судьи, входящие в состав суда по делу. Присутствие иных лиц в совещательной комнате не допускается.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает тайну совещания судей при вынесении приговора (ст. 302 УПК РСФСР, ст. 298 УПК РФ). Тайна совещания судей является важной гарантией независимого осуществления правосудия как судьей единолично, так и коллегиальным составом суда, коллегией присяжных заседателей.

Тайна совещания судей обеспечивает их независимость и подчинение только закону. Судья получает возможность свободно во время совещания судей выражать свое мнение, которое оказывается основанным на его внутреннем убеждении, сформировавшемся в процессе. При этом судья получает дополнительные процессуальные гарантии, так как в соответствии с процессуальным законом он не вправе разглашать суждения, имевшие место при обсуждении и постановлении решения и приговора.

Отдельные изменения формулировок закона не меняют содержания понятия тайны совещательной комнаты и выражают подход законодателя к регулированию государственной функции правосудия.

Отметим, что нарушение тайны совещательной комнаты является одним из процессуальных нарушений в гражданском процессе, влекущих отмену решений, поскольку нарушается требование закона о беспристрастности судей, а в уголовном процессе п. 8 ч. 2 ст. 381 УПК РФ относит нарушение тайны совещания судей и коллегии присяжных заседателей к безусловным основаниям отмены приговора суда.

Необходимо обсудить проблемы сохранения тайны совещания судей в случае проверки вопросов, относящихся к возможным злоупотреблениям судей. По этому вопросу возможно выделить две позиции.

В литературе И. Д. Перлов высказал позицию: «Из этого общего правила (тайны совещания судей) может быть лишь одно исключение. Если ведется следствие по поводу злоупотребления, допущенного кем-либо из судей, постановивших приговор или определение из корыстных или иных личных взглядов или по

поводу других злоупотреблений судей, судья не только вправе, но и обязан сообщить следователю и суду необходимые сведения о позиции и суждениях судьи, в отношении которого ведется следствие или происходит судебное разбирательство».[260]

Такой подход к тайне совещания судей исключает само понятие тайны, устанавливаемой процессуальным законом. При этом тайна совещания превращается в фикцию права, и процессуальная форма приобретает другое содержание, которое не соответствует сформулированному законодателем требованию закона о независимости судьи в процессе.

Более того, такой подход не соответствует обычной человеческой морали и не способствует формированию уважения к правосудию у граждан.

Выделяемый принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению формулируется в ст. 17 УПК РФ и в ст. 67 ГПК РФ как свобода оценки доказательств по внутреннему убеждению. Убеждение ставится в зависимость от совокупности доказательств. «Оценка доказательств по внутреннему убеждению как принцип процесса включает в качестве компонентов правило о том, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы».[261] Свобода оценки доказательств выражается при этом в том, что оценка направлена на доказывание обстоятельств дела, а не на установление предрешенных законодателем условий, когда оценка существования факта преступления ставится в зависимость от правовой силы доказательств. «Оценка доказательств – самостоятельная процессуальная категория, находящаяся вне границ понятия судебного доказательства, поскольку законы логического доказательства не могут быть предметом правового регулирования».[262] «В научной литературе обращается внимание на недопустимость отождествления таких понятий, как оценка доказательств и правовая оценка (квалификация), установленных с их помощью искомых фактов».[263]

Предлагаемое понимание оценки доказательств позволяет подчеркнуть сущность понятия «внутреннее убеждение судьи», которое соответствует результатам доказывания обстоятельств дела. Результат же является итогом процессуальной деятельности, регламентированной законом, который при этом требует в настоящее время соответствия внутреннего убеждения совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств (ст. 17 УПК РФ).

Статья 14 ГПК РСФСР 1964 г., ст. 20, 68, 71 УПК РСФСР 1964 г. требовали от суда принятия мер для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, и

оценка доказательств зависела от выполнения судом этих положений, которые ставили его в положение представителя государства в гражданском процессе, рассматривающем дело в интересах государства, и обвинителя в уголовном процессе, завершающем деятельность по раскрытию и расследованию преступления. Необходимо заметить, что эти требования были направлены на установление именно абсолютной истины, как она понималась в тот период в уголовном и гражданском процессе.

Следует отметить, что сужение состязательности в советском уголовном процессе до уровня установления объективной стороны преступления как установления истины по делу отражало именно принцип свободной оценки доказательств, исключающий вмешательство закона в представление о меняющихся обстоятельствах внешней действительности его применения. Но при этом ограничивало возможность субъектов гражданской процессуальной и уголовно-процессуальной деятельности по реализации своих процессуальных прав и обязанностей, поскольку за пределами исследования доказательств они не располагали процессуальными средствами влияния на выводы суда, работавшего в режиме всестороннего исследования обстоятельств дела в целях установления истины, как она понималась властью публичной, когда выводы решения и приговора суда в части оценки доказательства оказывались связанными собственной позицией судьи по делу и не всегда позицией обвинителя и защиты.

Представляется, что именно в этих обстоятельствах заключается взаимосвязь принципов независимости судьи, внутреннее убеждение которого отражает объективно существующую информацию о преступлении и об обстоятельствах гражданского спора, и принципа свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, когда такое убеждение не может быть регулируемо правовыми средствами, за исключением процессуального порядка познания обстоятельств преступления и гражданского спора в целях обеспечения реализации охранительных правоотношений по защите доказательственной информации. При этом в пределах охранительных правоотношений, определяемых порядком собирания, исследования и оценки доказательств, устанавливаемым нормами доказательственного права, находятся рекомендации, разрабатываемые криминалистикой по защите доказательственной информации.

Когда процессуалисты говорят в уголовном процессе о проверке судом достоверности доказательства, необходимо учитывать сопротивление такой проверке со стороны лиц,

совершивших преступление. Исследуя вопросы, связанные с преступным воздействием на доказательственную информацию, В. В. Трухачев полагает, что «в большинстве случаев преступное воздействие на доказательственную информацию осуществляется в целях сокрытия преступной деятельности».[264]

Он же обоснованно отмечает, что «судья, преодолевающий такое противодействие, не выступает в качестве “борца с преступностью”, видящего в подсудимом преступника, уклоняющегося от ответственности. Лишение судьи права осуществлять активную проверку доказательств, сформированных предварительным следствием, в том числе путем выявления ложности показаний в ходе судебного разбирательства, в большинстве случаев лишает его возможности сформировать убеждение, на основе которого он будет принимать решение по делу. В ином случае из центральной фигуры судебного разбирательства, устанавливающего истину путем проверки доказательств, сформированных следствием, судья превращается в “оценщика” убедительности точки зрения обвинения либо защиты»[265].

Аналогичную точку зрения высказывают В. В. Мельник и А. Н. Шмелева при рассмотрении вопросов о роли суда в состязательном процессе: «Лишение председательствующего судьи и присяжных заседателей правомочий в необходимых случаях активно участвовать в исследовании доказательств, когда стороны в состязательном процессе проявляют пассивность, низкий профессионализм, привели бы к формированию процессуальных и социальнопсихологических условий, снижающих у судей чувство ответственности за проведение качественного судебного следствия и предрасполагающих их к формальному, казенно-бюрократическому образу мышеления».[266]

Высказанная позиция на первый взгляд представляется обоснованной, поскольку судья по закону «О статусе судей в РФ» является носителем правосудия и в процессе выполняет функцию правосудия, что не оспаривается исследователями права. Его активная роль в процессе в целях познания объективной действительности и выполнения цели, поставленной перед ним содержанием этой функции, ограничивает деятельность судьи только познанием действительных обстоятельств дела. При этом процессуальный закон гарантирует такую позицию судьи по делу тем, что вся его доказательственная деятельность ограничена нормами права и теми правами, которыми пользуется обвиняемый и его защитник, а также прокурор по делу, стороны в гражданском процессе.

«Рассматривая уголовно-процессуальные функции как выраженные в определенных направлениях уголовно-процессуальной деятельности назначение и роль субъектов уголовного судопроизводства, мы тем самым подчеркиваем, что уголовно-процессуальные функции как роль и назначение субъектов уголовного судопроизводства проявляются в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности, которые и складываются из реализации специфических полномочий таких субъектов. Все уголовно-процессуальные функции имеют правовой характер, предопределяются нормами права и выражаются в относительно устойчивом правовом статусе каждого из их носителей».[267]

Изложенное позволяет сделать вывод, что содержание правового положения судьи по закону о статусе взаимосвязано с положением судьи в процессе, когда внутреннее убеждение последнего, сформированное в процессе, может быть регулируемо нормами права, определяющего права и обязанности, ограничивающие усмотрение носителя правосудия. При указанных обстоятельствах требования процессуального закона об активности судьи в формах процесса изменяют содержание процессуальной деятельности по осуществлению функции правосудия, и независимость судьи в процессе превращается из принципа в презумпцию, а из презумпции в фикцию, что предопределялось в недавнем прошлом целями процессуальной деятельности.

Сложность понимания такого механизма применения норм процессуального права приводит к той критике, которой подвергается деятельность судей в процессе проводимой правовой реформы в Российской Федерации. При этом стремления снизить публичность уголовно-процессуальной деятельности суда и рассматривать эту деятельность в рамках частного права приводят к весьма интересным позициям смешения процессуальной формы и функции в уголовно-процессуальном праве, поддерживаемым на высоком научном уровне исследования. Так, Л. М. Карнозова пишет: «Следовало создать условия собственно правосудия – незаинтересованности суда в исходе дела, несвязанности сиюминутными либо долгосрочными государственными интересами и критериями целесообразности, подлинной реализации принципа состязательности, уважения к надлежащей правовой процедуре и пр…».[268]

Приведенная точка зрения отражает то противоречие, которое возникает при появлении суда и судей, которые не связаны ничем, кроме своего процессуального усмотрения, если

последовательно следовать предлагаемой позиции проведения реформы судебной системы. Для уголовного же процесса весьма актуальной является задача разрешения целей позиции правового государства в сфере охраны правопорядка.

Отметим весьма интересное замечание, сделанное А. А. Малиновским, исследовавшим проблемы злоупотребления правом. «Злоупотребление возможно только в том случае, когда есть свобода выбора способов реализации своего права».[269] Однако сама по себе свобода выбора реализации права всегда ограничена способами защиты права, поскольку интересы свободной реализации права в деятельности его субъектов ограничиваются интересами каждого из субъектов не на абстрактном уровне требований нормы права, а в конкретном акте правоприменения и обращения к защите суда. При таких обстоятельствах необходим иной уровень правопонимания свободы и ее ограничений нормой права. Такое правопонимание может быть достигнуто только общим изменением правовой системы Российской Федерации и изменением правосознания большинства граждан.

Вместе с тем «в правовом государстве особое значение приобретает ответственное поведение должностных лиц. От их деятельности во многом зависит состояние конституционной законности, правопорядок, темпы экономических и политических преобразований. Следовательно, важное значение имеет законодательное определение правомочий должностных лиц, их ответственность за принимаемые решения».[270]

Принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи позволяет говорить о риске в деятельности судей по осуществлению правосудия. Уровень такого риска повышается с реализацией принципа независимости судей, что учитывается законодателем при создании судебной системы, в которой каждое процессуальное действие судьи может быть обжаловано инстанционно и в которой каждый субъект процессуальной деятельности пользуется гарантированными ему правами. Эти права не могут быть ограничены тайной оперативно-розыскной деятельности, которую проводят правоохранительные органы, и обеспечиваются судебным контролем деятельности правоохранительных органов.

«Деятельность по осуществлению правосудия и проблема риска тесно связаны. Риск вынесения ошибочного приговора существовал всегда. При отправлении правосудия возникают два вида ситуации риска. Во-первых, в процессе расследования преступлений и судебного разбирательства возможен риск причинения вреда необоснованным привлечением к уголовной

ответственности и осуждения. Во-вторых, лица, отправляющие правосудие, подвержены риску быть привлеченными к уголовной ответственности в результате ошибок при осуществлении ими профессиональной деятельности».[271]

Формирование внутреннего убеждения судьи при свободной оценке доказательств требует рассмотрения понятия судейского усмотрения в процессе.

Принцип достижения абсолютной истины в советском процессе и отрицание идеального содержания в праве позволяли рассматривать внутреннее убеждение как личное. «В понимании же процессуальном “внутреннее” это личное, точнее, общественно-личное или, иначе говоря, личностное отношение к каким-либо знаниям, явлениям, результату. Поэтому следует в законе и в теории вместо “внутреннее” употреблять термин “личностное убеждение” (либо личное убеждение), что в значительно большей степени соответствует вкладываемому в него содержанию по сравнению с термином “внутреннее”»[272]. Такая позиция не отражает процессуального положения судьи как субъекта процессуальной деятельности, которая определяется нормами права и его принципами и отражает содержание выполняемой им функции по осуществлению правосудия.

Соответственно в литературе высказывались мнения о том, что убеждение судьи не подлежит контролю.[273]

Личностное принятие судьей своего знания как истинного создает широкое поле для усмотрения судьи в процессе мыслительной деятельности по оценке доказательств, что и заставляет законодателя регламентировать процесс доказывания и создавать дополнительные гарантии для возможности объективной оценки доказательств, чему служат и презумпция невиновности обвиняемого, и независимость судьи в процессе, когда термин «внутреннее» подчеркивает как независимость, так и свободную оценку доказательств, т. е. оценку объективно существующих обстоятельств, хотя бы некоторые из них, как, например, субъективная сторона правонарушения, и носили бы идеальный характер.

Как отмечалось, рассматривая понятие судейского усмотрения в уголовном процессе, П. И. Люблинский не только предложил его определение, но и разделил его на элементы, составленные из правомочий субъекта усмотрения, фактов и отношений, к которым применяется оценка, знание того, что является целесообразным и полезным для общественного разума. При этом он сделал обоснованное замечание, что «достижение такой справедливой оценки возможно как посредством строгой, законодательной нормировки, так и посредством правильно

поставленного усмотрения судьи».[274]

Выделим положение, высказанное П. И. Люблинским, которое в дальнейшем нашло подтверждение в правоприменительной практике: «Суд настолько тонкий аппарат, что он не сумеет быть проводником законности, если эта законность вредна обществу, и принуждение суда (мы имеем в виду суд уголовный) следовать плохому закону выразится в ряде серьезных ненормальностей».

Автор определяет пределы усмотрения судьи действующими принципами права, свойствами закона, определяющего организацию суда и условия его деятельности, пределами усмотрения, предоставляемого материальным уголовным правом.

Для нас важна позиция, касающаяся пределов усмотрения при оценке доказательств: «…. условиями, от которых зависит объем усмотрения, являются сложность обстоятельств, степень выяснения законодателем значения этих обстоятельств и, наконец, разнообразие могущих быть принятыми мер».[275]

Обратимся к точкам зрения, высказанным в литературе по вопросу судейского усмотрения в современный период развития права и процесса.

«Важное теоретическое и практическое значение имеет вопрос о пределах индивидуального судебного регулирования. Необходимо подчеркнуть определенность индивидуального судебного регулирования нормативными актами, принципами права, общим смыслом законодательства, “познанием” обстоятельств дела, правосознанием, а не волей судьи, “свободной” от действующего законодательства и индивидуальных особенностей рассматриваемого дела».[276] Это положение общей теории права в полном объеме относится и к применению норм процессуального права, формирующих пределы усмотрения судьи в уголовном процессе.

Внутреннее убеждение не противопоставляется доказательствам, которые подлежат оценке. «Судейское усмотрение есть урегулированный правовыми нормами, осуществляемый в процессуальной форме специфический вид правоприменительной деятельности, сущность которого заключается в предоставлении суду в соответствующих случаях правомочия разрешать спорный правовой вопрос, исходя из целей, преследуемых законодателем, принципов права и других общих положений закона, конкретных обстоятельств дела, а также начал разумности, добросовестности, справедливости».[277]

Поскольку темой исследования являются и проблемы процессуального права, связанные с формированием внутреннего убеждения судьи в процессе, необходимо обратиться к вопросам применения норм процессуального права.

В. П. Радьков, исследуя принцип законности в советском уголовном процессе, классифицировал нормы права на:

«1) определяющие единые полномочия судей, следователей, прокуроров, а также права обвиняемого и других граждан, призываемых к расследованию и разбирательству дела; 2) определяющие единый порядок и форму производства следственных, прокурорских и судебных действий; 3) предусматривающие единственно допустимые средства проверки правильности и обоснованности судебных и следственных актов». [278]

По словам И. Л. Петрухина, «признав, что принципы правосудия имеют характер норм права, мы должны заключить, что они обладают свойством непосредственного действия, т. е. в ряде случаев могут быть реализованы самостоятельно, без дополняющих и развивающих их более конкретных правовых норм». [279]

Классификация, приведенная В. П. Радьковым, позволяет сделать вывод о том, что принцип свободной оценки доказательств действует на всех стадиях процесса и распространяется на всех его участников, выполняющих функции обвинения и функции правосудия, что и определяет сущность принципа. Отсутствие принципа разделения властей включает суд в единую систему правоохранительных органов, делает независимость судьи формальной, а не реальной. «Советская государственная система характерна тем, что функция правосудия имеет в определенном смысле производный и подчиненный характер по отношению к высшей государственной власти, – теория разделения властей эти функции, как известно, противопоставляет». [280]

Соответственно усмотрение судьи в правоприменительной деятельности ограничивается заранее установленными условиями его деятельности и, прежде всего, оценкой доказательств со стороны нравственного начала процессуальной деятельности.

Для рассмотрения соотношения понятия внутреннего убеждения судьи и усмотрения судьи в процессе обратимся к высказанной процессуалистами позиции, согласно которой «оценка доказательств по внутреннему убеждению, действующая в советском уголовном процессе, принципиально отличается от одноименного института буржуазного уголовного процесса. Внутреннее убеждение судей в буржуазной теории и практике рассматривается как критерий истины. Не объективные факты, не соответствующие им выводы, а субъективное усмотрение судей признаются единственным мерилом правильности судебного приговора». [281]

Приведенная позиция позволяет сделать вывод о том, что понятия внутреннего убеждения и усмотрения судьи авторами отождествляются. Однако внутреннее убеждение, основанное на доказательствах, ограничено этими доказательствами и не может рассматриваться как усмотрение. Усмотрение – более широкое понятие, включающее в себя как логическую, мыслительную деятельность судьи в процессе, так и применение им норм процессуального права при проверке достоверности, достаточности, допустимости и относимости доказательств. Приведенная критика может быть понята как выражение признания категории абсолютной истины, устанавливаемой судом в процессе, что исключает применение такого понятия, как усмотрение судьи. «Истина, искомая и добытая судьей, объективна, в то время как его внутреннее убеждение субъективно. Существующее между ними отношение состоит в том, что судейское убеждение есть субъективное выражение объективной истины».[282]

Таким образом, деление принципов по различным признакам не меняет их значения и общеобязательности. Принципы носят правовой характер и являются общепризнанными.

Принципы, действующие в сфере уголовно-процессуального права, являются функциональными, обеспечивающими конкретную процессуальную функцию. Система принципов позволяет наиболее полно раскрыть свойства и ценность каждого принципа, их взаимосвязь и общую направленность. Гражданин выступает не объектом государственной деятельности, а равноправным субъектом права.

При этом в гражданском процессе принцип публичности в праве выражается в ограничении прав и свобод гражданина в интересах неопределенного круга лиц. Общеобязательность норм публичного уголовно-процессуального права ограничивается в целях защиты интересов гражданина как частного лица. При этом принципы публичности, презумпции невиновности, права обвиняемого на защиту не поглощают друг друга, а являются самостоятельными принципами.

В государственной деятельности не может быть судей, которые независимы от государства. Однако принцип независимости судьи и принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи разрешают возникающее противоречие. При этом принцип независимости судьи создает охранительное правоотношение для судей. Внутреннее убеждение направлено на познание обстоятельств дела и не может быть регулируемо нормой права, что возникает при умалении содержания принципа независимости судьи, когда он

превращается в презумпцию, а затем в фикцию, ограничивающую права и свободы гражданина, которые не имеют реальной защиты с соблюдением баланса публичных и частных интересов.

Поскольку внутреннее убеждение субъективно, субъектом познания является судья, суд и судебная система в целом, а принимаемые по делам судебные решения подлежат инстанционному контролю, мы должны обратиться к процессуальному акту, в котором внутреннее убеждение судьи находит свое выражение в письменной форме, объективируется с помощью языка судопроизводства.

2.3. Содержание решения суда и внутреннее убеждение судьи

Важнейшую часть судебного процесса составляет вынесение решения (приговора, постановления). Для установления сущности содержания и определения понятия внутреннего убеждения судьи мы, прежде всего, обратились к уголовно-процессуальному праву, где понятие внутреннего убеждения и принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи традиционно разрабатываются с учетом особенностей требования об объективном установлении состава преступления в действии (бездействии) обвиняемого. Такая разработанность определяется условиями реализации в процессуальной деятельности норм уголовного права. Вместе с тем для раскрытия выражения внутреннего убеждения судьи в судебном акте, подводящем итог деятельности суда и разрешающем дело, обоснованным будет обращение сначала к решению по гражданскому делу.

Именно в гражданском производстве находит наиболее явное выражение принцип диспозитивности процесса, который имеет одинаковое значение как для понятия «внутреннее убеждение судьи», так и для понятия «усмотрение судьи». Общим является включение этих понятий в субъективное содержание правоотношения, субъектом которого выступает судья в процессе. «Отправление правосудия является особым видом осуществления государственной власти. Применяя общее правовое предписание (норму права) к конкретным обстоятельствам дела, судья дает собственное толкование нормы, принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения (иногда весьма значительной) и зачастую оценивает обстоятельства, не имея достаточной информации (иногда скрываемой от него)».[283]

Для того чтобы выделить проблему, с которой сталкивается современный российский судья при принятии решения по судебному делу, будь то уголовное, гражданское или административное дело, обратимся к работе М. А. Гурвича, исследовавшего теоретические проблемы судебного решения в советском гражданском процессе, сменившим судопроизводство по гражданским делам по Уставу гражданского судопроизводства 1864 г. «Здесь мы подошли к тому положению, которое западным советологам представляется наиболее характерным для системы, порвавшей с так называемым “принципом требования”, под чем подразумевается принцип “чистой буржуазной диспозитивности”. Этот принцип провозглашает, что стороны, и только они,

являются господами процесса, распоряжаются его движением и предметом. Западным юристам правомочие суда выйти за пределы требований истца и присудить ему то, чего он не просил, представляется полным опровержением основных устоев гражданского процесса, фундаментальным положением которого испокон веков служила древнеримская догма “да не превзойдет судья требования сторон”. Советская норма (ст. 179 ГПК РСФСР 1923 года), воспринятая затем в некоторых других социалистических законодательствах, олицетворяет, по их мнению, полную опеку государства над личностью гражданина и, разумеется, утрату последним остатков процессуальной свободы». [284]

Вместе с тем право суда выйти за пределы исковых требований является выражением приоритета публичных, общественных, интересов над частными и закономерным процессуальным выражением публичных интересов в советском праве. ГПК РФ 2002 г. предусматривает возможность выхода суда за пределы исковых требований только в случаях, предусмотренных федеральным законодательством, поскольку частные интересы могут быть ограничены только в случаях, прямо предусмотренных в законе.

Судебное решение является важным актом правосудия, на которое направлена деятельность участников гражданского судопроизводства и которое является актом правоприменения по конкретному делу. Выделим это важнейшее для судьи обстоятельство при принятии решения по делу.

В связи с этим приведем определение судебного решения: «Судебное решение есть акт волеизъявления органа государственной власти, которое выражается в применении нормы права к конкретному правоотношению, в конкретизации правоотношения, во властном подтверждении правоотношения, права и факта и в приказе по конкретному поводу на имя сторон и других лиц и организаций, которых это дело касается». [285]

Требования законности и обоснованности решения суда предъявлялись в ГПК РСФСР 1964 г. (ст. 192 ГПК) и предъявляются в ГПК РФ 2002 г., ст. 195 которого гласит, что решение суда должно быть законным и обоснованным. Суд основывает решение только на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании.

Как указывалось, внутреннее убеждение судьи является основанием для оценки доказательств, которые должны быть исследованы судом. Судья, исследовав доказательства по делу, приходит к убеждению, которое является внутренним, так как основывается на доказательствах по конкретному делу, и вместе с

тем является началом процесса логической мыслительной деятельности оценки.

Предметом судебного решения выступает правоотношение, спор о котором разрешается судом. Но предмет спора определяется не судом, а лицом, обратившимся за защитой своего нарушенного субъективного права в суд. Именно в связи с этим спор может быть окончен прекращением производства по делу в связи с отказом истца от иска, заявителя – от жалобы. Суд проверяет при этом только законность такого отказа в целях исключения нарушения закона или законных интересов других лиц (ст. 39 ГПК РФ).

Основанием для процесса принятия решения является воля лица, обратившегося в суд и определившего предмет спора. При этом гражданин, обратившийся в суд, получает возможность воспользоваться сформулированными законом задачами гражданского судопроизводства в своих интересах. Требования, предъявляемые к судебному решению, обеспечивают выражение не только воли лица, обратившегося в суд, но и воли судьи, разрешившего спор, – воли, которая становится общеобязательной в силу требования закона об обязательности решения, принимаемого от имени государства. Воля истца приобретает характер властного веления суда, поддерживаемого правом на принудительное исполнение решения суда, и это решение позволяет гражданину воспользоваться властью права, центр которой максимально приближен к нему, понятен для него и делает его носителем субъективного права на судебную защиту.

Поэтому процессуальный закон устанавливает не только перечень вопросов, которые подлежат разрешению при принятии решения, но и форму решения.

Перечень вопросов и форма решения выражают субъективное начало в деятельности участников процесса и позволяют разграничить понятия внутреннего убеждения, убеждения и усмотрения судьи, любого другого участника процессуальной деятельности.

Статья 196 ГПК РФ определяет, что при принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению.

Внутреннее убеждение всегда конкретно и объективирует собранные и представленные по делу доказательства. Убеждение – более широкое понятие и используется для выражения, например, правовых, теоретических подходов к разрешению дела,

но не может подменять внутреннее убеждение. Усмотрение определяет выбор закона, установление характера правоотношений сторон и связь требований материальной нормы права с обстоятельствами по делу, что прямо связано с полномочиями суда по применению права.

Такой подход соответствует общепринятой позиции об оценке доказательств на основании логической мыслительной деятельности и выражается в требовании к содержанию решения суда.

В мотивировочной части решения суда должны быть указаны: обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах; доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства; законы, которыми руководствовался суд (п. 4 ст. 198 ГПК РФ).

В решении судом выражается позиция как участников гражданского процесса с их частными интересами, так и участников процесса, имеющих интерес публичный, что и заставляет при рассмотрении проблемы выражения судьей в решении своего субъективного подхода к познанию обстоятельств дела, оценке доказательств усмотрения в выборе и применении нормы права обратиться к категории интереса.

При вынесении решения мы имеем дело с опосредованным переходом конкретного знания факта и права в практику правоприменения, с последующим влиянием практики на абстрактное содержание нормы права и приведением законодательства в соответствие с потребностями общества.

Определяя основные начала гражданского законодательства, ГК РФ 1995 г., устанавливает, что граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (ст. 1 ГК РФ).

Как пишет С. В. Михайлов, «категория интереса исследуется разными науками: философией, социологией, психологией, экономикой, юриспруденцией и др. Это обстоятельство указывает на то, что интерес является общенаучной категорией. Но практически у каждой науки в соответствии с ее целями, предметом, методом изучения сложились свои представления о категории интереса. Между тем с точки зрения формально-логического метода познания различное понимание социальными науками существа одной категории требует либо унификации трактовок, либо установления их соотношения, следовательно, признания того, что речь идет о разных категориях»[286].

Задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений (ст. 2 ГПК РФ 2001 г.).

Анализируя положения ст. 2 ГПК РФ, Г. А. Жилин отмечает: «….возможно выделение основного общего объекта и факультативного общего объекта гражданских процессуальных правоотношений. Так, защита прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан и организаций, охрана государственных и общественных интересов будет основным общим объектом, а укрепление законности, правопорядка, предупреждение правонарушений, формирование уважительного отношения к праву и суду – факультативным общим объектом гражданских процессуальных правоотношений».[287]

Такое деление является весьма условным и отражает то обстоятельство, что в гражданском судопроизводстве, прежде всего, обеспечивается защита частных прав и свобод, а указанные факультативные признаки объекта гражданских процессуальных правоотношений относятся к публичному началу гражданского процесса, основанному на конституционных принципах построения и функционирования судебной власти.

Поскольку мы должны рассмотреть категорию интереса в сфере применения права судом, необходимо затронуть вопрос, связанный с изучением категории интереса науками, имеющими различный предмет исследования и, следовательно, анализирующими различные отношения в области социальной деятельности человека. Изучение категории интереса целесообразно проводить с точки зрения динамики движения этого понятия, которое по академически определенным предметам указанных отраслей научного знания демонстрирует цели предметной деятельности человека в сфере философии, социологии, экономики, психологии, юриспруденции и с учетом особенностей каждой отрасли знания дает возможность определить ценностное значение содержания интереса как цели общественной деятельности и цели деятельности личности в обществе.

Для юридической науки важнейшими являются понятия объективного права и права субъективного, правоотношения. Интерес объективного права позволяет сформулировать общее, публично-множественное значение категории интереса.

Например, принято делить интересы на государственные, экономические, социальные, правовые. Правовые определяются как интересы правовой системы страны, интересы законодательной власти, интересы исполнительной власти, интересы правосудия, интересы судебной системы, интересы народа, интересы социальной группы, и принятая в научном исследовании социальная стратификация позволяет оперировать в научном и обыденном познании категориями интересов определенного множества субъектов права.

Отметим, что в интересе выражаются цели социальной деятельности человека. Категории интереса не знают естественные науки. Так, было бы абсурдным определять через категорию интереса причины извержения вулкана. Однако через категорию интереса мы можем определить цели правосудия и соотношение целей с другими понятиями сферы правосудия, указав на интересы правосудия.

«Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на все судебное разбирательство или его часть по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также если это требуется в интересах несовершеннолетних, или для защиты частной жизни сторон, или – в иной мере, в какой это, по мнению суда, совершенно необходимо, – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия»[288].

Учение о правоотношении в праве позволяет исследовать категорию интереса с точки зрения субъективного содержания в конкретной деятельности человека как субъекта права. В субъективной деятельности выражается абстрактное содержание объективного права, включающего те идеи, которые становятся принципами права и, прежде всего, принципами конституционными, охватывающими все общественные отношения в правовой системе.

Идея права объективизируется в деятельности субъекта права. Принцип независимости суда и подчинения судьи только требованиям закона выражается в исполнении судьей обязанностей, возложенных на него нормами процессуального права и Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации».

Таким образом, интересы судьи при рассмотрении судебных

дел выражаются в соблюдении требований закона, и не случайно одним из оснований для отвода судьи называется его личная, прямая или косвенная заинтересованность в исходе дела – ст. 16 ГПК РФ.

Правосудие в сфере применения частного права носит публичный характер, поскольку без публичных ограничений в праве свобода права частной собственности не может быть обеспечена. Абсолютная свобода в праве является отрицанием самого права, которое лишается главного своего содержания – упорядочения деятельности субъектов права. Идея интереса правовой системы, изложенная в абстрактных, но общеобязательных нормах права объективируется в деятельности субъектов права, и чрезвычайно важно, чтобы правовые интересы, выраженные в системе права, совпадали с субъективными интересами каждого правоприменителя.

Для суда такое совпадение интересов обратившихся в суд за защитой граждан и юридических лиц выражается в беспристрастности и независимости судьи, разрешающего конкретное дело.

Категория интереса имеет прямое отношение к вопросу разрешения проблемы правопонимания принципа законности в условиях равенства публичных и частных интересов субъектов права. Принцип законности определяется через понятие его официального содержания. Такое определение позволяет говорить об официальной и неофициальной законности (нравственное понимание законности) и, более того, говорить не о единой законности в правоприменительной деятельности суда, а о законности с учетом особенностей правоприменения в целях удовлетворения интересов лиц, обратившихся за публичной защитой субъективных прав, но не в целях установления для частных лиц правил, связанных с удовлетворением исключительно публичных интересов при отсутствии оснований для ограничения прав и свобод личности.

Понимание интереса как блага, к которому стремится субъект права, объясняет особое требование к единству принципа законности в условиях устройства государства при отрицании права частной собственности. Все интересы гражданина удовлетворяются через публичное право, что требует единства применения нормы права. Единство принципа законности в таких условиях относится к уголовно-процессуальной деятельности, поскольку уголовный закон создает единую систему охранительных уголовно-правовых правоотношений, блокируя не только реализацию преступных интересов в обществе, но и свободу реализации частных интересов. Право частной

собственности предоставляет субъекту права свободу в выборе способа защиты права при обращении в суд, возможность самозащиты права, и единство принципа законности в таких условиях сводится к балансу публичных и частных интересов, что создает условия для самоограничения функций принуждения со стороны государства.

Свобода права частной собственности обеспечивает высокую эффективность удовлетворения экономических, социальных, духовных потребностей человека в его деятельности, и особенности действия принципа законности выражаются в этом случае в разделении полномочий между Российской Федерацией и субъектами Федерации, в разделении полномочий субъектов Федерации и муниципальных образований – того разделения, которое учитывается судами при рассмотрении конкретных гражданских дел.

Определив цель деятельности судьи при рассмотрении конкретного дела через категорию интереса в выполнении требований процессуального и материального закона, мы получаем возможность дать правовую оценку деятельности судьи при разрешении конкретного судебного дела при проверке дела в апелляционном, кассационном и надзорном порядке с точки зрения выполнения судьей функции правосудия и выделения в процессуальной практике дел, которые в соответствии с требованиями ст. 245 ГПК РФ могут быть отнесены к делам из публичных правоотношений.

Статья 157 ГПК РФ устанавливает принципы непосредственности, устности и непрерывности судебного разбирательства. Суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу. Разбирательство по делу происходит устно и при неизменном составе судей. Судебное заседание по каждому делу происходит непрерывно, за исключением времени, назначенного на отдых. До окончания рассмотрения начатого дела или до отложения его разбирательства суд не вправе рассматривать другие гражданские, уголовные и административные дела.

Не случайно принцип непосредственности судебного разбирательства становится основным. Без непосредственного рассмотрения доказательств по делу у судьи не может быть сформировано внутреннее убеждение как основа для оценки доказательств. «Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55,

59–61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов».[289]

Обоснованность решения формируется внутренним убеждением судьи, которое определяется доказательствами. Поскольку исследование доказательств может носить поэтапный характер, современный уголовный процесс отказался от непрерывности в процессе исследования доказательств. При этом внутреннее убеждение судьи при соблюдении принципа непосредственности охватывает всю совокупность доказательств.

«Правоотношение есть конкретизированное в данном определенном случае действие нормы права. Осуществление нормы права в конкретном правоотношении – вопрос объективной действительности, вопрос факта, происшедшего до, вне и независимо от процесса. Лица, реализующие правоотношение своим поведением, должны уяснить норму права независимо от того, вызвано ли правоотношение их волей, направленной на его возникновение, или независимо от этой воли» [290].

Для разделения понятий внутреннего убеждения, убеждения и усмотрения судьи обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. «О судебном решении». Пункт 4 Постановления обращает внимание судей на то, что «поскольку в силу части 4 статьи 198 ГПК РФ в решении суда должен быть указан закон, которым руководствовался суд, необходимо указать в мотивировочной части материальный закон, примененный судом к данным правоотношениям, и процессуальные нормы, которыми руководствовался суд.

Суду также следует учитывать:

а) постановления Конституционного Суда Российской Федерации, подлежащие применению в данном деле, и о признании соответствующими либо не соответствующими Конституции Российской Федерации нормативных актов, перечисленных в пунктах “а”, “б”, “в” части 2 и в части 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации, на которых стороны основывают свои требования или возражения;

б) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятые на основании статьи 126 Конституции Российской Федерации и содержащие разъяснения вопросов, возникших в судебной практике при применении норм материального или процессуального права, подлежащих применению в данном деле;

в) постановления Европейского Суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав

человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле».

Внутреннее убеждение судьи основано на доказательствах по делу. Убеждение судьи определяется требованиями норм материального права, выражается в его процессуальной деятельности и завершается в судебном решении в соответствии с усмотрением судьи в пределах, установленных нормами применяемого законодательства.

«Для проблемы толкования, как и для других теоретических и практических нужд правоведения, бесспорное значение имеет логико-семантическая природа правовых норм. С языковой точки зрения норма права находит свое выражение в грамматических предложениях правового текста. С логической точки зрения норма права – это определенная мысль законодателя».[291]

В решении находят выражение суждение законодателя, приведенное в норме права, и содержание права как цельной системы требований к правосудию. «Юридическая квалификация спорных фактов и правоотношений тесно связана с уяснением смысла применяемой нормы, т. е. с ее толкованием. Уясняя смысл нормы и применяя ее в данном случае, мы познаем и проявление ее в данном правоотношении, как она объективно существует в конкретизированном виде».[292] Как познание обстоятельств дела, так и толкование нормы права и процесс применения права судом связаны с субъективной деятельностью судьи в рамках процессуальных правоотношений. Если воля законодателя выражается в норме права и является абстрактной, то воля судьи выражается в решении суда и является конкретной, ограничивается полномочиями судьи и выражается в его усмотрении. Именно в усмотрении судьи необходимо искать волевое содержание решения суда как акта правоприменения в конкретных жизненных обстоятельствах.

Уголовно-процессуальное законодательство регламентирует порядок применения принуждения, и в приговоре суда мы находим выражение воли законодателя, определяющего степень принуждения со стороны государства к своим гражданам и уровень прав и свобод, которыми реально могут пользоваться граждане.

Властный характер приговора выражается, прежде всего, в том, что суд постановляет приговор именем Российской Федерации. Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона. Эти требования к приговору, предъявляемые ст. 296, 297 УПК РФ, отражают требования,

которые взаимосвязаны друг с другом, и выражают содержание приговора как акта правосудия с различных сторон, но в его единстве. Профессор П. А. Лупинская обоснованно подчеркивает, что «под уголовно-процессуальными решениями следует понимать правовые акты, облеченные в установленную законом процессуальную форму».[293]

Приговор является единственным актом правосудия, который выносится от имени государства по вопросам о виновности или невиновности подсудимого и о применении к нему наказания, если виновность установлена судом. Это положение отражено в законе и не оспаривается в теории процесса.

Как отмечал И. Д. Перлов, «приговор – средство решения задач, стоящих перед судом… по уголовным делам. Дело возбуждалось, расследовалось, рассматривалось в суде именно для того, чтобы раскрыть преступление, изобличить лиц, виновных в его совершении, установить истину, чтобы решить вопрос о виновности или невиновности лиц, привлеченных к уголовной ответственности, и применении к ним наказания, если они будут признаны виновными. Это решение и дается в приговоре»[294].

«Соответственно признаками такого приговора являются следующие положения. 1) Приговор – это процессуальный акт (документ). 2) Процессуальный акт, вынесенный от имени государства судом первой инстанции в судебном заседании. 3) Им разрешаются вопросы: о наличии или отсутствии преступления; виновности или невиновности подсудимого; применении или неприменении наказания, если виновность подсудимого установлена».[295]

Приговор обладает признаками обязательности, непоколебимости и исключительности. Это внешние признаки приговора. Внутренние признаки приговора – его свойства – это законность, справедливость, обоснованность и мотивированность.

Обратимся к той оценке приговора, которая дана в «Курсе советского уголовного процесса»: «Приговор должен быть законен – это значит, что он должен быть вынесен с точным соблюдением закона и на основании закона.

Приговор должен быть обоснован – это значит, что он должен правильно устанавливать факты, фактические обстоятельства дела в соответствии с действительностью, т. е. в основе его должна лежать истина. Вместе с тем к приговору предъявляются требования справедливости и убедительности.

Приговор должен быть справедлив – это значит, что он должен устанавливать действительную вину или невиновность подсудимого и наказывать его в соответствии с его виною.

Приговор должен быть убедителен – это значит, что гражданами, населением, общественностью он должен восприниматься как правильный, справедливый, должен убеждать их в правильности тех выводов, к которым пришел суд».[296]

Обратим внимание на указание, согласно которому приговор должен быть убедителен для общественности. Это замечание отражает принцип реализации правосознания в обществе с приоритетом публичного содержания в права, характерным для уголовно-процессуального закона и приоритетно проводящимся в жизнь при применении уголовного закона. Вместе с тем убедительность приговора должна определяться вне общественного подхода к оценке, а выражаться в убедительности приговора как акта правоприменения по конкретному делу.

Как акты правоприменения приговоры делятся на два вида: обвинительные и оправдательные.

При постановлении приговора в совещательной комнате разрешаются следующие вопросы:

1) доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый;

2) доказано ли, что деяние совершил подсудимый;

3) является ли это деяние преступлением, и какими пунктом, частью, статьей Уголовного кодекса РФ оно предусмотрено;

4) виновен ли подсудимый в совершении этого преступления;

5) подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление;

6) имеются ли обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание;

7) какое наказание должно быть назначено подсудимому;

8) имеются ли основания для постановления приговора без назначения наказания или освобождения от наказания;

9) какой вид исправительного учреждения и режим должны быть определены подсудимому при назначении ему наказания в виде лишения свободы;

10) подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в чью пользу и в каком размере;

11) как поступить с имуществом, на которое наложен арест для обеспечения гражданского иска или возможной конфискации;

12) как поступить с вещественными доказательствами;

13) на кого и в каком размере должны быть возложены процессуальные издержки;

14) должен ли суд в случаях, предусмотренных статьей 48 Уголовного кодекса РФ, лишить подсудимого специального, воинского или почетного звания, классного чина, а также государственных наград;

15) могут ли быть применены принудительные меры воспитательного характера;

16) могут ли быть применены принудительные меры медицинского характера;

17) следует ли отменить или изменить меру пресечения в отношении подсудимого (ч. 1 ст. 299 УПК РФ)?

Перечень вопросов разрешаемых при вынесении приговора, охватывает в полном объеме всю деятельность суда, судьи по разрешению уголовного дела. При этом все указанные вопросы разрешаются судом по каждому деянию и по каждому участнику деяния в отдельности.

Процессуальный закон, таким образом, позволяет определить приговор как акт, в котором правовая норма материального права применяется к конкретному случаю. Рассматривая теоретические проблемы приговора, И. Д. Перлов полагал, что приговор состоит из двух частей – о виновности и о наказании.[297] Такая позиция соответствует структурному анализу содержания норм УПК, регулирующих постановление приговора и его содержание.

Оправдательный приговор постановляется в случаях, если: не установлено событие преступления; подсудимый не причастен к совершению преступления; в деянии подсудимого нет признаков преступления; в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт.

Обвинительный приговор постановляется: с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным; с назначением наказания и освобождением от его отбывания; без назначения наказания.

Уголовно-процессуальный закон (ст. 304–309 УПК РФ) определяет структуру приговора. Каждый приговор имеет вводную часть, закон выделяет описательно-мотивировочную часть оправдательного приговора, резолютивную часть оправдательного приговора, описательно-мотивировочную и резолютивную часть обвинительного приговора.

Описательно-мотивировочная часть оправдательного приговора содержит: обстоятельства уголовного дела, установленные судом; основания оправдания подсудимого и доказательства, их подтверждающие; мотивы, по которым суд отвергает доказательства, представленные стороной обвинения.

Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора содержит: описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления, доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие

доказательства.

Мы выделяем те обстоятельства, которые регулирует закон при постановлении приговора, которые непосредственно относятся к установлению обстоятельств преступления, на что и направлено формирование внутреннего убеждения при исследовании доказательств по делу с соблюдением принципа свободной оценки доказательств, т. е. оценки, которая не регулируется непосредственно нормой права, что позволяет установить объективно обстоятельства дела с соблюдением требований процессуального закона, обеспечивающего достоверность доказательств и их относимость к устанавливаемым событиям прошлого. Внутреннее убеждение в полном объеме относится к оценке доказательств, но квалификация преступления и назначение наказания производятся судом в соответствии с материальным законом, и в процессуальной деятельности через оценку доказательств реализуются материальные уголовноправовые правоотношения, находящие выражение в убеждении судьи.

Гарантированность обоснованности и законности приговора может рассматриваться как цель, как та самая абсолютная истина, которую длительное время должны были достигать суды. Закон отказался от понятия истины в доказывании. Обратимся к пониманию истинности приговора, которую требовал УПК РСФСР. «Истинность приговора означает соответствие утверждений суда о событиях, фактах, деяниях прошлого самим событиям, фактам, деяниям. Утверждения суда о событиях, фактах деяниях прошлого в случае истинности приговора составляют объективную истину приговора. Истиной, таким образом, являются не сами факты, события, деяния, познаваемые судом, а вывод, суждение суда о них. Поэтому представляется более точным говорить об установлении или достижении судом истины в приговоре, а не о ее познании»[298].

Такая точка зрения позволяет устранить противоречие, возникающее при применении в процессе философской категории абсолютной истины, поскольку здравый смысл говорит о невозможности познания абсолютной истины, что не исключает ее достижения при указанных выше обстоятельствах. Достижение истины не связывается с познанием и обеспечивается самим пониманием абсолютной истины, которая доступна суду с учетом признания возможности ее достижения. Таким образом, достижение непознанного через внутреннее убеждение субъекта познания, судьи, объявляется абсолютной истиной. Вместе с тем закон и практика в понятие истины вкладывают понимание достоверности, на что обращал внимание Я. О. Мотовиловкер,

«применяя термин истина, и закон и судебная практика им обозначают достоверность установленной судом фактической стороны дела, а не правильность юридической квалификации, или справедливость наказания, или истинность утверждения, что приговор вынесен именем государства такого-то числа в таком-то месте и т. д…».[299] Приведем точку зрения, высказанную в теории процесса: «Если метод работы суда первой инстанции и проникнут известным субъективизмом внутреннего убеждения, то задачей его является установление объективно существующих фактов».[300]

Современный взгляд на установление истины находим в исследовании Л. С. Халдеева, который пишет: «…. никакой борьбы со сторонами; никакой борьбы с собственным убеждением; подвергать сомнению все увиденное и услышанное; руководствоваться принципами презумпции невиновности и толкования неустраненных сомнений в пользу подсудимого; не допускать никаких “натяжек” и компромиссов во имя “спасения” дела путем сокращения объема обвинения, переквалификации на более мягкую статью УК, определения “удобного” наказания и т. д. и т. п. Помнить, что стандарт доказанности с “установленной степенью вероятности” недопустим, т. е. недоказанная с несомненной очевидностью виновность равносильна доказанной невиновности; при обсуждении вопроса о возвращении дела для производства дополнительного расследования: а) не считать обязательной для суда просьбу прокурора, если суд признает абсолютную бесперспективность проведения каких-либо следственных действий; б) учитывать необратимость процессуальных нарушений, допущенных на стадии предварительного следствия (дознания). Документы, приобщенные к делу с процессуальными нарушениями, следует признавать недопустимыми, независимо от характера допущенных нарушений; доказательства не считают, а “взвешивают”. Ни одно из допустимых доказательств не имеет преимуществ перед другими; суд устанавливает не объективную истину, а юридическую».[301]

Рассматривая проблему истины, мы должны определить ценность понятия «истина» и необходимость сохранения этого понятия в теории, практике процессуальной деятельности и законотворчестве. Законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации отказался от понятия достижения истины в процессе. Такой подход представляется соответствующим законодательной технике, поскольку понятие «истина» слишком широко и многообразно, чтобы использовать его непосредственно в правоприменительной практике. Вместе с

тем понятие истины как соответствие выводов суда объективной действительности не может быть отброшено при теоретическом осмыслении правоприменения в процессуальной деятельности, поскольку позволяет разграничивать материальные и процессуальные правоотношения, в доступной форме определять соответствие процессуальной деятельности общественным отношениям, что обеспечивает реальное понимание защиты прав человека судом.

Рассмотрение приговора как акта, в котором отражается результат всей уголовно-процессуальной деятельности и, следовательно, результат оценки доказательств на основании внутреннего убеждения судьи, требует рассмотрения не только признаков и структуры приговора, его видов, но и тех особенностей, появившихся во введенном в действие УПК РФ в связи с появлением особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, тех особенностей, которые появились в связи с введением суда присяжных. Кроме того, судебное решение может обжаловаться в апелляционном и кассационном порядке. При проверке законности и обоснованности решения вновь возникает проблема соотношения внутреннего убеждения, убеждения и усмотрения по делу, поскольку каждый судья апелляционной и кассационной инстанции имеет право на оценку, которая не зависит от оценки, данной по делу судом первой инстанции.

Обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре», в котором отмечалось, что «постановленный с соблюдением закона, на основе тщательного разбора доказательств по внутреннему убеждению судей, в соответствии с высокими принципами коммунистической морали, приговор содействует укреплению социалистической законности и социалистического правопорядка… На практике же встречаются случаи, когда суды основывают приговор на материалах предварительного следствия, которые не были предметом рассмотрения на суде. Согласно той же ст. 23 Основ уголовного судопроизводства оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. Осуществление этого требования закона обеспечивается, в частности, и тем, что судебный приговор должен быть мотивирован, т. е. должен содержать в себе изложение обоснованных материалами дела доводов, положенных судом в основу своего решения».[302]

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» в п. 1 требовало от судей, чтобы

все вопросы, подлежащие разрешению в приговоре, судьи решали «на основе закона, в соответствии с социалистическим правосознанием и высокими принципами коммунистической морали, по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, в условиях, исключающих постороннее воздействие на судей».[303]

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 декабря 1950 г. «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке» отмечало, что «нередко суды при кассационном рассмотрении дел не входят в оценку доказательств по делу и таким образом не могут прийти к правильному выводу об обоснованности приговора, т. е. разрешить вопрос, соответствует ли приговор доказательствам, собранным по делу, и правильно ли эти доказательства оценены судом первой инстанции»[304].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. не применяются указанные формулировки, содержащие ссылки на внутреннее убеждение судьи. Пленум отмечает, что «при постановлении приговора должны получить оценку все рассмотренные в судебном заседании доказательства, как подтверждающие выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, так и противоречащие этим выводам. Суд в соответствии с требованиями закона должен указать в приговоре, почему одни доказательства признаны им достоверными, а другие отвергнуты. По делу в отношении нескольких подсудимых или по делу, по которому подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, приговор должен содержать анализ доказательств в отношении каждого подсудимого по каждому обвинению».[305]

Отметим конкретность последнего Постановления Пленума, не содержащего ссылок на субъективную сторону результатов познания судьями обстоятельств дела, которые в форме приговора нашли свою объективацию как знание об обстоятельствах преступления. Теоретическое осмысление изложения результатов оценки доказательств в судебном решении возможно при обращении к философскому пониманию объективации знания: «…. большинство видов знания так или иначе объективируется, закрепляется в системе особых предметов-посредников; орудия, инструменты, приборы, знаки языка, устного и письменного, научные тексты, схемы, графики, чертежи, рисунки и т. д. Есть и такие виды знания, которые непосредственно существуют не в объективированной, а в субъективной форме, например восприятие. Но и они, как мы

пытались показать, генетически и функционально опосредованы созданным человеком миром “искусственных” предметов, воплощающих социально-исторический опыт. Подробная мотивировка приговора служит многим целям. Она прежде всего обеспечивает осуществление требования об оценке судом доказательств по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. Для обвиняемого мотивировка приговора является необходимым условием осуществления своего права на обжалование, так как из мотивов приговора он узнает, почему суд отверг представленные им доказательства и выдвинутые им в свою защиту соображения и доводы… Для вышестоящего суда требование приведения мотивов в приговоре означает возможность проверки правильности внутреннего убеждения судей первой инстанции, которое при отсутствии мотивов оказалось бы безотчетным, не поддающимся контролю вышестоящего суда».[306] Важность мотивированности отмечают все процессуалисты. «Отсутствие мотивировки выводов суда или неправильное ее изложение делает приговор непонятным, неубедительным. В таком приговоре неправильно выражено внутреннее убеждение судей, которое лежит в основе приговора».[307]

Рассматривая вопросы, связанные с изложением приговора и соотношением приговора и внутреннего убеждения судьи при оценке доказательств, А. Л. Ривлин отмечал, что специфика оценки доказательств на каждой стадии процесса определяется задачами, которые стоят перед данной стадией, и вытекающими из этих задач процессуальными условиями. «Внутреннее убеждение судей выступает не только в указанном его виде как критерий оценки доказательств. Оно выступает и как результат этой оценки… Свое наибольшее выражение внутреннее убеждение как результат оценки находит в заключительном этапе всего процесса доказывания, именно в выводах суда о событии преступления, о виновности привлеченных лиц и т. д., образующих судебный приговор. Такие выводы, обусловливаемые всем процессом доказывания, являются его конечным результатом».[308] Обратим внимание на высказанную точку зрения об установлении внутренним убеждением события преступления и виновности.

Для раскрытия понятия следует обратиться к структуре доказательства: доказательством являются фактические данные, содержащиеся в указанных законом источниках, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие

общественно опасного деяния. Доказательство и достоверное знание о фактах, которое некоторые исследователи рассматривают как внутреннее убеждение, составляют разные явления. В одном случае это фактические данные, во втором – знания о фактах. Для того чтобы познать предмет, надо сначала убедиться в том, что имеются фактические данные о нем, которые отражены в источниках доказывания. И в этом случае первичное отражение устанавливаемого факта составит критерий познания, а после оценки доказательств на основе этого критерия будет получен результат познания, который также относится к внутреннему убеждению судьи и основан на доказательствах, но доказательствах нового знания тех предметов материального мира, действий и субъективного отношения субъекта уголовного правоотношения к преступлению. И. Д. Перлов обоснованно отмечает, что «внутреннее убеждение судей формируется не только в совещательной комнате, но и на протяжении всего судебного разбирательства».[309] Именно здесь мы можем говорить не о формальнологической структуре доказательства, которая определяет мыслительную, логическую сторону оценки с установлением связей явлений материального и субъективного мира в познании, а о диалектическом движении понятий и явлений уголовно-процессуальной деятельности в рамках, установленных нормами процессуального права.

Поскольку внутреннее убеждение связано с процессом доказывания и определяет в условиях свободной оценки доказательств степень познания явлений внешнего для судьи мира, в пределах, устанавливаемых нормами доказательственного права, процессуалисты и приходят к понятию юридической истины. Юридическая истина по делу отражается также в правильном толковании и применении норм доказательственного права, определяющих средства доказывания, которые могут быть источниками сведений о фактических данных, допустимости и относимости доказательств. Истина как достоверное знание может иметь место, однако доказательства этого знания окажутся процессуально недопустимыми, что повлечет вынесение оправдательного приговора именно на основании того, что знание юридически недостоверно. Основанием такой позиции является ст. 88 УПК РФ, устанавливающая правила признания доказательств недопустимыми.

Рассмотрим особенность приговора, выносимого судом присяжных, поскольку именно в этом приговоре находит выражение понимание разницы между судьями «факта» (присяжными) и судьями «права» (профессиональными судьями).

В соответствии с требованиями п. 2, 3 ст. 351 УПК РФ в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора излагается существо обвинения, по поводу которого коллегией присяжных заседателей был вынесен оправдательный вердикт, и содержатся ссылки на вердикт коллегии присяжных заседателей либо отказ государственного обвинителя от обвинения. Приведение доказательств требуется лишь в части, не вытекающей из вердикта, вынесенного коллегией присяжных заседателей; в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора должны содержаться описание преступного деяния, в совершении которого подсудимый признан виновным, квалификация содеянного, мотивы назначения наказания.

Поскольку вердикт присяжных не подлежит оспариванию при разрешении вопросов права и участие присяжных заседателей в судебном разбирательстве завершается вынесением вердикта, то совершенно обоснованным является деление присяжных и судьи в процессе с участием присяжных на судей «факта», судей «внутреннего убеждения», которым устанавливаются обстоятельства деяния и связь действий подсудимого с этим деянием, т. е. вопросы вины. Как указывается в науке уголовного права, вина связывается законом с признаками умысла или неосторожности и является многогранным явлением. При этом вина рассматривается как не абстрактный порок, а материализованная субстанция, проявившая себя в совершении умышленного или неосторожного преступления[310]. Следует выделить требования ч. 5 ст. 348 УПК РФ, устанавливающей, что если председательствующий признает, что обвинительный приговор вынесен в отношении невиновного и имеются достаточные основания для постановления оправдательного приговора ввиду того, что не установлено событие преступления либо не доказано участие подсудимого в совершении преступления, то он выносит постановление о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение иным составом суда со стадии предварительного следствия. Это постановление не подлежит обжалованию в кассационном порядке. Закон создает дополнительные гарантии для обвиняемого с учетом действующего принципа презумпции невиновности, и вместе с тем это положение стирает грань деления судей на судей «факта» и «права», поскольку председательствующий для роспуска коллегии присяжных заседателей должен дать самостоятельную оценку доказательств по делу, которая может быть основана только на его собственном внутреннем убеждении, сформировавшемся в процессе судебного

разбирательства. Процессуальный закон предоставляет в этом отношении для профессионального судьи возможность проконтролировать внутреннее убеждение присяжных, нашедшее выражение в вынесенном вердикте по поставленным вопросам, в целях достижения справедливости приговора и создания дополнительных гарантий против необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности.

Рассмотрим вопросы проверки внутреннего убеждения судьи, убеждения судьи и его усмотрения при движении дела в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях. Проверка обоснованности судебного решения, принятого судом в уголовном процессе и в процессе гражданском, обладает рядом сходных признаков. Длительное время российский процесс не знал апелляционного производства, господствовал ревизионный порядок проверки решений и приговоров, когда вышестоящая инстанция не была связана доводами жалоб и указаний на нарушения, допущенные судом. Отказ от апелляционного производства объяснялся необходимостью устранения препятствий к быстрому разрешению дела, однако нам необходимо вспомнить об отказе от принципа разделения властей и о ревизионном порядке проверки судебных дел в условиях единства власти, подотчетности и сменяемости судей в советский период развития российского процессуального права.

По словам Л. Ф. Лесницкой, «как правило законодательство социалистических стран не воспринимало трехинстанционную систему, действующую в современных капиталистических государствах, при которой первая инстанция разрешает дела по существу, вторая

(апелляционная) по жалобе заинтересованных лиц также пересматривает дело заново, наконец, третья (кассационная) проверяет правильность решения апелляционного суда лишь с правовой стороны, не касаясь существа дела. Зарубежные социалистические страны отказались тем самым и от двойного обжалования, позволяющего формально использовать два способа обжалования – апелляционный и кассационный. Решение суда первой инстанции, не вступившее в законную силу, может быть обжаловано лишь один раз в вышестоящий суд, основная задача которого состоит в проверке законности и обоснованности обжалуемого решения».[311] «Суд второй инстанции, осуществляя проверку приговора на основании кассационной жалобы или кассационного протеста, – писал

В. А. Познанский, – не ограничивается мотивами, в них изложенными, а проверяет в ревизионном порядке все производство по делу, обеспечивая, таким образом, пересмотр

дела в целом и по всем основаниям, указанным в законе. Он пользуется широкими полномочиями на непосредственное изменение приговора и его отмену»[312].

Проверка правильности судебного акта, каковыми являются приговор и решение, по существу включает в себя и оценку доказательств. «Чтобы проверить правильность оценки доказательств, произведенной судом первой инстанции, вышестоящий суд должен пройти тот же путь, который прошел суд первой инстанции, то есть заново оценить все собранные по делу доказательства».[313] Точка зрения, согласно которой вышестоящая инстанция должна оценить доказательства по делу суда первой инстанции является общепринятой.[314] Особенность проверки доказательств заключается в том, что в отличие от суда первой инстанции суд апелляционной, кассационной и надзорной инстанций не проводит в полном объеме судебного следствия, как суд первой инстанции. Суд исходит из доказательств, которые были предметом исследования суда первой инстанции, и только апелляционная инстанция имеет право повторной проверки доказательств и их исследования. Проверка оценки доказательств возможна только путем повторной проверки логических оснований решения и приговора, полноты и соответствия доказательства по делу той оценке, которую провел суда на основании внутреннего убеждения. Таким образом, повторно другой состав суда, исследуя доказательства, которые приводятся в описательно-мотивировочной части приговора, дает им оценку, контролируя таким образом оценку суда первой инстанции.

Коллегиальное рассмотрение дела судьями вышестоящих инстанций создает дополнительные условия для контроля обоснованности, законности и справедливости судебного решения, поскольку, разрешая дело, судьи контролируют друг друга в процессе обсуждения обстоятельств дела и представленных доказательств.

Инстанционность движения дела в порядке оспаривания выводов решения суда устанавливает процессуальную форму надзора за деятельностью суда по осуществлению правосудия. Сам процесс познания и формирования внутреннего убеждения судьи сложен, и между ними могут возникнуть разногласия. Порядок совещания судей при постановлении приговора и решения суда предусматривает устранение разногласий. А в том случае, если разногласия не устранены, судья имеет право на особое мнение. Судья, оставшийся при особом мнении по постановленному решению, вправе письменно изложить его в совещательной комнате. Особое мнение приобщается к приговору и оглашению в зале судебного заседания не подлежит (ст. 301

УПК РФ). «Как разновидность процессуального решения особое мнение концентрирует в себе мировоззренческие, нравственные, психологические и волевые качества судьи. Именно оно наиболее убедительно подтверждает, что не только доказательства по делу оцениваются судьями по внутреннему убеждению, но и процессуальные решения принимаются в соответствии с этим основополагающим требованием судопроизводства. Да иначе и быть не может, так как фактическая и правовая основа для выводов и решений судей согласуется с их внутренним убеждением, оказывает влияние на формирование мнения по делу».[315]

Итак, мы убедились, что решение и приговор являются единственными актами правосудия в процессе, который выносится от имени государства. И решение, и приговор являются средствами решения задач, стоящих перед судом в уголовном и гражданском процессах, в целях применения материального права. Отсутствие мотивировки выводов суда делает судебное решение непонятным из-за неправильного отражения в решении и приговоре объективного содержания «внутреннего убеждения» судьи. Более того, такие решения и приговор не могут быть проверены вышестоящей инстанцией, так как у судей вышестоящей инстанции должно сформироваться собственное «внутреннее убеждение». Только при таких условиях возможна проверка правильности оценки доказательств судом.

Исследуя деятельность судьи по реализации его прав и обязанностей, возложенных на него статусом и процессуальным законом в разных условиях судебной деятельности, уголовном и гражданском процессах, мы обнаруживаем то единство судебной деятельности, которое связано с мыслительной деятельностью в процессе. Те междисциплинарные различия, которые имеют место из-за отличия предмета и метода уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права, находят единство в основаниях отмены решения и приговора суда при рассмотрении в апелляционном, кассационном и надзорном порядке. Основаниями для отмены или изменения решения суда в кассационном порядке являются: неправильное определение обстоятельств дела, имеющих значение для дела; недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела; несоответствие выводов суда первой инстанции, изложенных в решении, обстоятельствам дела; нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права (ст. 362 ГПК РФ). Нормы материального права считаются нарушенными, если: суд не применил закон, подлежащий применению; суд применил закон,

не подлежащий применению, суд неправильно истолковал закон (ст. 363 ГПК РФ). Положения ст. 362–364 ГПК РФ выступают и как основания для отмены или изменения решения мирового судьи при рассмотрении дела в апелляционном порядке. Статья 379 УПК РФ основаниями для отмены приговора в кассационном порядке называет: несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела; нарушение уголовно-процессуального закона; неправильное применение уголовного закона; несправедливость приговора. Нормы процессуального закона разграничивают основания для отмены принятого судебного решения. Такие основания могут быть сведены к трем группам, связанным с формированием внутреннего убеждения на основе доказательств, с убеждением, формируемым как процессуальным, так и материальным правом, и усмотрением, основанным на внутреннем убеждении и убеждении как выражении требований правовой системы к субъекту процессульной деятельности, судье.

Исследуя внутреннее убеждение судьи в процессе исследования доказательств при постановлении судебного решения, мы сталкиваемся с обоснованными определениями внутреннего убеждения как сложного явления, которое не может быть раскрыто только теорией процессуального правоотношения, поскольку включает в себя отношения, которые определяются, с одной стороны, личностью судьи, а с другой – правом в более широком понимании, чем действующее процессуальное право, т. е. статусом судьи и условиями регулирования его процессуальной деятельности как государственного чиновника.

Раскрытие правовой стороны внутреннего убеждения и оценки доказательств в процессе с точки зрения динамики процессуальных правоотношений, складывающихся в процессе правосудия, невозможно без исследования проблем, связанных с нравственными основаниями процессуальной деятельности. Правосудие осуществляется в сфере человеческой деятельности и связано как с гносеологическими процессами, так и с психологическими особенностями действий субъектов процессуальной деятельности и прежде всего суда. Вместе с тем применение теории правоотношения к раскрытию субъективных начал в деятельности судьи позволяет предоставить судье знание методологических основ его деятельности по осуществлению правосудия, приводит к единству в понимании деятельности судьи всеми участниками процесса правосудия.

Глава 3
Правосознание судьи и нравственные основания внутреннего убеждения

3.1. Правосознание судьи и разграничение психологических и правовых оснований его деятельности

Характеристика России как правового государства, введение конституционного принципа разделения властей меняют подходы не только к пониманию государства и его роли в складывающемся гражданском обществе, но и к пониманию и применению норм процессуального права.

Как пишет И. Л. Петрухин, «в правовом государстве право отражает действительную волю народа, регламентирует все наиболее существенные отношения в обществе, обеспечивая социальный прогресс и стабильность общественно-политической системы. Оно беспробельно и непротиворечиво. Право основано на общечеловеческих гуманистических принципах (равенство граждан, социальная справедливость, презумпция добропорядочности, уважение чести и достоинства человеческой личности и др. Не только граждане несут ответственность перед государством, но и государство отвечает перед гражданами за обеспечение свободы, неприкосновенности личности и личной жизни, за соблюдение всех прав и законных интересов граждан». [316]

В этих условиях неуклонно возрастает роль суда в обществе, поскольку суд становится гарантом соблюдения прав человека и гражданина, несет контрольные функции как по отношению к государству, так и по отношению к гражданам. В связи с этим ожесточенные дискуссии ведутся не только о целях и средствах судебной реформы, но и о том, каким быть судье в процессе судебной реформы и в условиях российского правосудия после завершения судебной реформы. Особенностью процессов, проходящих в обществе, является изменение отношения общества к частной собственности, отказ от односторонней публичности права.

Главной составляющей частью социалистического правосознания являлся запрет и подавление права частной собственности. Изменение общественных отношений в стране, в частности, отношения к охране прав и свобод граждан, еще не означает изменения сложившихся стереотипов юридического мышления. Судья при отправлении правосудия осуществляет правоприменение, но он является членом общества и в его деятельности отражаются условия правоприменительной практики общества, а следовательно, и практики применения

нормы процессуального права.

Рассматривая вопросы соотношения правовой нормы и правоотношения, М. П. Карева и А. М. Айзенберг указывали, что «правовые нормы – это правила поведения людей, установленные либо санкционированные государством, выражающие волю класса (или классов), держащего в своих руках государственную власть, обусловленную в конечном счете материальными условиями жизни этого класса (а следовательно, производственными отношениями данного общества), имеющие своей целью закрепление общественных порядков, выгодных и угодных тому классу, волю которого эти нормы выражают, применение которых обеспечивается принудительной силой государства».[317]

Характеризуя правоотношения с точки зрения способа производства, Н. Г. Александров указал: «Первые в истории правовые отношения – в своей совокупности закрепляющие общественные отношения, не знающие эксплуатации человека человеком….»[318]Правоотношения обеспечивают реализацию нормы права. Принцип свободной оценки доказательств требует оценки доказательств по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности (по Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР). По Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. При этом судья оценивает доказательства, руководствуясь законом и совестью (ст. 17 УПК РФ).

Изменение подходов к принципу свободной оценки доказательств вызвало в теории споры о месте суда в доказывании по уголовному делу. Спор идет о понятии обвинения как обоснованном утверждении дознавателя, следователя, прокурора, а не об обвинительной деятельности или уголовно-процессуальном отношении между обвиняемым и государством и познании, основанном на основных законах теории познания, а не на доказательствах. Такая позиция исключает роль суда в доказывании. «Игнорируется и то, что при подобном подходе к доказыванию законодательные требования к относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств, в большинстве своем получаемых на этапе расследования, становятся не более чем пустым звуком, ибо познание вне процессуальной формы и процессуальных гарантий, подчиненное лишь общим законам гносеологии и формальной логики, хотя и гарантирует построение искомого силлогизма, но неизбежно

открывает дорогу в процесс практически любым сведениям о фактических обстоятельствах дела, вне зависимости от способа и источника их получения»[319].

Подход к итоговому знанию процесса доказывания по делу обеспечивается оценкой доказательств, основанной на внутреннем убеждении, которое имеет субъективное содержание, выражающееся в убеждении как психическом свойстве судьи – субъекта познания в процессе. При этом познание осуществляется в форме уголовно-процессуального познания, отражающего реализацию уголовно-процессуального правоотношения и действия в рамках этого правоотношения судьи как субъекта уголовно-процессуальной деятельности, наделенного правами и обязанностями по отправлению правосудия, судьи, который получает вместе с делом, принятым к производству суда, все процессуальные права и обязанности судьи. Осуществление судьей процессуальных прав, в том числе права на оценку доказательств, проходит в его мыслительной деятельности, что и вызывает дискуссии о понимании этой деятельности, когда исследователи процесса формирования внутреннего убеждения рассматривают этот процесс с разных сторон с использованием достижений различных отраслей знания.

Т. Хилл писал: «Если идеи критерия истины можно расширить настолько, чтобы она включала и психическое состояние, достигаемое в результате постижения истины, то интеллектуальное удовлетворение можно в известном смысле рассматривать как критерий истины»[320].

«Убеждение» – категория субъективная, и его действие во времени, как было рассмотрено выше, определяется моментом принятия определенного решения. Сложность понимания движения процесса познания обстоятельств дела связана не только с временным фактором, но и с фактором постоянного движения уголовно-процессуальной деятельности.

Рассматривая правовые категории с точки зрения методологии изучения права, А. М. Васильев обоснованно указал:

«….достоверные знания научная теория выражает в развернутоконкретной и системно-понятийной форме, отвечая на вопрос о сущности предмета познания… В логике термин “понятие” употребляется в двух значениях: 1) в смысле формы постижения сущности явлений отражения всеобщего и существенного в предметах; 2) в смысле части суждения… Правовые научные понятия – это содержательные, предметные образы, которые воспроизводят в мышлении (идеально) объективную суть реальных процессов правовой действительности и отношений, существующих в ней, и выражают

специфически правововую качественную определенность данных процессов и явлений».[321] В настоящей работе термин «понятие» употребляется только в смысле формы постижения сущности понятия «внутреннее убеждение» судьи в процессе.

«Теория доказательственного права, исследуя мыслительную деятельность субъекта доказывания в уголовном процессе, не ограничивается только изучением логических развернутых рассуждений, то есть тем, что называется дискурсивным мышлением».[322] Процесс доказывания не всегда укладывается в рамки логического мышления. «Теория советского уголовного процесса исходит из того, что формальной логики недостаточно для вынесения судом законного и обоснованного приговора. Для этого нужна диалектическая логика, требующая всестороннего исследования явлений и фактов во всех связях и “опосредовываниях”, в развитии, в конкретном проявлении»[323].

Связь мышления субъекта доказывания, использующего свои права и обязанности для реализации уголовно-процессуального правоотношения, с психологическими закономерностями познавательной деятельности и отражает соотношение правовой стороны деятельности судьи с психологической. «Поэтому познание обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, движется не от чувственно воспринимаемых судьей сведений, содержащихся в источниках доказательств, к формальной (нормативной) абстракции и не от формальной абстракции (т. е. от нормативного описания уголовно-правового запрета) к чувственно воспринимаемому конкретному факту, а от одного теоретически осмысленного факта в его правовом значении к другому. Выбор фактов не произволен, он задан в уголовных и уголовно-процессуальных нормах, которые организуют поступательность и конкретизацию процесса судебного познания».[324]

Обратимся к тем понятиям, которыми оперирует психология и, прежде всего, судебная психология, задачей которой «являются все проблемы практической деятельности по осуществлению правосудия, которые не могут быть решены без знания проявляющихся здесь психических закономерностей».[325]

Психические явления исследуются с учетом внешних условий их развития. Без психологического анализа особенностей проведения каждого судебного действия, которое влияет на движение дела, невозможно разрешить задачи, решаемые психологией. Не является исключением и вопрос о разрешении проблем, возникающих в процессе расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Судебная психология выявляет те психические свойства, которые необходимы для выполнения

процессуальных функций. Психология изучает обстановку деятельности по осуществлению правосудия и определяет принципы профессионального отбора для выполнения различных функций, помогает оптимально организовать деятельность суда и судьи. Психология рассматривает методы воздействия на участников судопроизводства, исследует процесс формирования правосознания. Общей задачей, которую необходимо разрешить судебной психологии, является изучение личности всех участников судопроизводства, включая правонарушителей.

Изучение личности в процессе правоприменения проводится с помощью методов, которые находят применение в психологии. Нас интересуют вопросы, связанные с процессом правоприменения в уголовно-процессуальной деятельности, когда нормы процессуального права, регулирующего процесс применения к гражданину мер государственного принуждения, используются в условиях необходимости познания событий прошлого и не всегда в благоприятных условиях. «Если бы мы могли создать такие условия, при которых знание судей по каждому уголовному делу соответствовало требованиям закона». [326] Приведенное замечание отражает сущность правовой действительности при применении мер государственного принуждения, когда обстоятельства преступления устанавливаются в условиях сложного сплетения интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений, в том числе интересов, целью которых является уклонение от уголовной ответственности.

Индивидуально-психологические предпосылки определяющие пригодность к судебной деятельности, выявляются с учетом характера деятельности судьи: «…. судебная работа предъявляет к личности судьи многообразные требования, которым должна соответствовать система свойств и качеств личности. При этом имеется в виду не простое сосуществование определенных свойств, а их органическая связь между собой, их взаимодействие в такой системе, в которой одни из них выдвигаются на первый план и являются ведущими, в то время как другие при этом играют вспомогательную роль. Принципиальность, самостоятельность характеризуются наличием твердых убеждений и активным стремлением к их реализации вне зависимости от внешних влияний. Решительность выражается в способности своевременно и без излишних колебаний принимать обоснованные решения и проводить их в жизнь. Уравновешенность, умение владеть собой проявляются в способности сдерживать себя, подчинять себе нежелательные побуждения. Беспристрастность выражается в готовности

объективно оценивать факты и события, высказывания лиц, не доверяясь внешнему впечатлению, в стремлении познать сущность явлений. Все эти волевые качества направлены на регулирование человеком своего поведения и связаны с усилиями, необходимыми для преодоления препятствий на пути достижения цели».[327]

Относительно решений, «волевым актом завершающих деятельность по установлению фактических обстоятельств дела, внутренняя убежденность возникает тогда, когда будет накоплено столько оцененных судьями доказательственных фактов как элементов познания, что они претерпят качественные изменения, превратятся в элемент волевого характера». [328]

Необходимо рассмотреть вопрос о связи суда волей участников процесса при постановлении приговора. Требования процессуального закона, основывающегося на конституционных правоотношениях, обеспечивают судье высокий уровень правовой защиты, однако «применение права судом осуществляется в деятельности социальной организации, призванной удовлетворять некоторые объективные потребности общества, в его относительно самостоятельном движении. Это работа организации, созданной с определенной целью. Применение права в бытии – удовлетворение потребности, в существовании – действие. Организация правоприменения создается с определенной целью, эта цель – совокупность задач, которые осуществляются действием организации. Цель может выражаться в задачах, действие – в функциях».[329]

Действие судьи в организации, суде, судебной системе создает для него определенный психологический климат, который не всегда вытекает из тех целей, которые перед ним ставит процессуальный закон. При таких обстоятельствах возникает сложность в организации обеспечения его процессуальной деятельности, с тем чтобы административное руководство не подменяло своими волевыми решениями тот процесс познания обстоятельств применения уголовного закона, которого требует от судьи процессуальный закон. Этот вопрос всегда рассматривался в теории процесса с одной общей точки зрения. «Если организационное руководство судами осуществляется непроцессуальными формами, то судебный надзор, т. е. проверка на законность и обоснованность судебных решений, происходит в строгих рамках действующего процессуального законодательства, как в стадии кассационного, так и надзорного производства».[330]

Вместе с тем суд является учреждением, где работают люди, на которых распространяются общие закономерности

человеческих отношений. При таких обстоятельствах существенное значение имеет проблема взаимодействия тех административных правоотношений, которые возникают у судьи в процессе работы с процессуальным правоотношением, регулирующим права и обязанности судьи как носителя правосудия. Процессуальный закон не регламентирует понятия независимости судьи как носителя правосудия от отношений, связанных с подчинением в системных отношениях между судьями и чиновниками, обеспечивающими деятельность суда. Длительное время в деятельности суда как правоохранительного органа, который борется с преступностью и обеспечивает функционирование общественных отношений в условиях запрета частной собственности, в процессе применения права существовали определенные стереотипы. Интерес представляет изучение проблемы профессиональных установок судей, которые получили определение как феномен обвинительного уклона в уголовном процессе.

Как пишет Л. М. Карнозова, «оценка доказательств по внутреннему убеждению, отвергая формальный принцип подсчета доказательств, при котором каждому типу доказательств заранее приписывается определенный вес, поставила во главу угла личностное, неформализуемое начало. Механизмы формирования внутреннего убеждения характеризуют, стало быть, содержательную сторону судебной способности».[331]

Рассматривая суд и профессиональных судей с точки зрения их действия в особом мире, где реальные люди и отношения заменены представлениями о процессуальных фигурах, Л. М. Карнозова указывает, что «мы имеем непреодолимую дистанцию между двумя мирами: семиотической действительностью права и реальностью человеческой жизни. Это ни плохо, ни хорошо – такова наша цивилизация, такова наша рациональность».[332]

Анализируя вопросы судебной реформы, автор выделяет проблему парадигмального шока: «…. новая парадигма – это не совершенствование старой, это новый угол зрения, новый взгляд. Попытка изменения устоявшихся взглядов на правосудие характеризует не только российскую ситуацию, во всем мире идут поиски новых форм воплощения старой идеи человечества о справедливости».[333] Следует отметить правильность позиции о поисках новых форм правосудия как функции государства, обеспечивающей высокий уровень социального регулирования отношений в обществе.

Рассмотрим проблему обвинительной установки судей в уголовном процессе, т. е. так называемую проблему презумпции виновности. Психологическое исследование, проведенное А. Ю.

Панасюком, позволило сделать ему следующие выводы: «Несмотря на отрицание большинством судей в их практике обвинительного уклона, в настоящем исследовании экспериментально доказано, что более 80 процентов судей априорно рассматривают любого подсудимого как преступника (безотносительно к существу дела). Данный феномен зарегистрирован на репрезентативной выборке инструментарием, надежность и обоснованность которого прошла соответствующую апробацию и экспертизу специалистов. Возникновение обвинительной установки в структуре ценностных ориентаций личности судьи детерминировано факторами, влияние которых практически не контролируется сознанием судей. Наличие обвинительного уклона не определяется какими-либо характерологическими (или моральными) особенностями личности судьи. Более того, в сложившейся практике отсутствие обвинительного уклона – исключение из правила».[334]

Для понимания результата приведенного исследования необходимо привести два замечания. Следует указать на такой результат, как отражение реальности функционирования судебной системы в условиях, когда закон не может гарантировать судье в процессе правоприменения свободы в оценке доказательств. Более того, время исследования и публикация его результатов относятся к самому началу судебной реформы, периоду функционирования в полном объеме уголовно-процессуального законодательства, которое не подверглось серьезному изменению. При этом указанное исследование не учитывает сложности проблем, решаемых судьями в уголовном судопроизводстве.

С другой стороны, «тот факт, что на полноту восприятия человека оказывает влияние его опыт, навыки и знания, означает факт предвосхищения информации в каждом познавательном акте. Такое предвосхищение осуществляется при помощи схемы, которая является посредником между прошлым опытом и восприятием. Основная функция схемы как раз и состоит в предвосхищении событий или изменений во внешнем мире». И далее: «…. понятие схемы вводит в процесс восприятия не просто активность человека, но и целый ряд внешних обстоятельств, устанавливаемый не просто прошлым опытом индивида, но и всей культурно-исторической средой».[335]

Рассматривая проблемы оптимизации судебного следствия, В. Ф. Попов, касаясь внутреннего убеждения судьи, пишет о процессе его формирования: «познано – понято – пережито – принято как истина – подготовлено решение».[336]

С точки зрения знаний о психологии профессионального

поведения исследователи деятельности судей столкнулись с той же проблемой, отмеченной Л. М. Карнозовой и относящейся к деятельности работников суда, когда поведение отражает сущность процесса правопонимания и правоприменения, действующего в процессе реализации уголовно-процессуального закона. Именно изменение норм процессуального права повлечет изменения в регулировании деятельности судей и изменения в их подходах к оценке доказательств.

Наиболее явно законодатель изменил подходы к защите права частной собственности. Статья 8 Конституции РФ гарантирует равное признание и защиту равным образом частной, государственной, муниципальной и иной формы собственности.

Изменились и подходы суда к разрешению вопросов защиты права частной собственности вслед за изменением подходов позитивного законодательства. Статья 209 ГК РФ 1995 г. определяет, что собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону.

Пленум Верховного Суда СССР от 31 июля 1981 г. «О судебной практике по разрешению споров, связанных с правом личной собственности на жилой дом» отмечал: «Суды должны иметь в виду, что в личной собственности граждан могут находиться жилые дома, построенные на отведенном в установленном порядке земельном участке либо приобретенные на законных основаниях… Находящийся в личной собственности гражданина дом не может использоваться им в целях личной наживы, извлечения нетрудовых доходов и в других корыстных целях, а также в ущерб интересам общества».[337] Интересы общества в этом случае определяются с учетом подхода гражданского закона, запрещающего право частной собственности и вводившего ограниченное по содержанию понятие личной собственности.

При таких подходах психологические установки судей как в уголовном, так и в гражданском процессе остаются в рамках предъявляемых требований со стороны законодательства, определяющего статус судьи и его положение в судебном процессе в условиях единства законодательной, исполнительной и судебной власти.

Рассматривая вопросы правосознания, обратимся к пониманию совести судьи и соотношению этой категории с понятием внутреннего убеждения, приводимого в сочинении А. Л. Боровиковского: «…. назовем законодательные нормы объективным, не зависящим от судьи фактором судебных решений; а другой фактор – судейское “разумение”, “убеждение

совести", соображения "справедливости" – назовем субъективным, ибо я хочу обозначить им то, что вносится в решение судьею как продукт его свободной мысли, остерегаемой совестью».[338]

Последующее развитие судебной системы в России связано с социалистическим правосознанием, которое определялось в теории как соотношение общего и частного. При этом не менялась природа суда, как органа государства, служащего интересам класса, в котором государству принадлежит власть. «Правосознание – совокупность взглядов, выражающих отношение людей к праву. Взгляды, образующие правосознание, выражают представления людей о том, какие требования может и должно предъявлять право, а равно толкование и оценку действующих правовых норм, а также оценку правомерности или неправомерности поведения людей».[339]

Составляющей социалистического правосознания является запрет свободы частной собственности как одного из прав и свобод человека, и не просто запрет, а создание отрицательного правового образа частной собственности и субъекта отношений, с нею связанных. Установление мер уголовно-правового запрета частной собственности сформировало в правосознании негативное отношение к собственности вообще, что прямо влияет на уровень правового поведения граждан.

Судья является гражданином общества, и в его правосознании выражается правосознание общества. Принцип правового государства о разделении властей выделяет судебную власть как ветвь власти, равную с исполнительной и законодательной.

Вместе с тем изменение отношения общества к частной собственности и к охране прав и свобод граждан не означает еще изменения сложившегося социально-культурного стереотипа мышления и отношения к правам и свободам гражданина. При этом подход к организации работы судьи, основанный на подчиненном положении судьи в системе власти, которая не знает принципа разделения, продолжает сохраняться, что требует от законодателя изменения норм, определяющих статус судьи и его процессуальное положение как участника процессуальной деятельности, в функцию которого входит осуществление правосудия, а не борьба с преступностью.

В социалистическом правосознании отразился принцип публичности советского социалистического права, что и отразилось в запрете частной собственности и появлении понятия «личный». Именно в связи с этим в работах, посвященных доказательственному праву, при определении понятия «внутреннее убеждение» предпринимаются попытки отделения

личного в деятельности судьи от процессуального, однако такое разделение возможно только в сфере правового регулирования деятельности судьи и существенное значение в этом предоставлено нормам морали.

Изменения в обществе и действующем праве требуют разделения права на публичное и частное, что позволит разрешить вопросы правоприменения, в том числе вопросы, связанные с охраной прав граждан, поскольку охрана свобод предполагает охрану как публичных, так и частных интересов, а также охрану этих прав в сфере применения принуждения.

Исследуя категорию правосознания, И. А. Ильин рассматривает ее с точки зрения естественного права с выделением аксиом правосознания. «Утратить свое духовное достоинство – значит утратить в самом себе тот жизненный центр, из которого творится духовная жизнь, который нуждается в естественном праве, формирует его и учреждает правопорядок; это значит лишиться того жизненного корня, из которого вырастает правосознание, т. е. воля к праву, воля к цели права и способность самозаконно мотивировать свои поступки сознанием этой цели».[340] Второй аксиомой правосознания И. А. Ильин называет автономию: «Гражданин есть не отвлеченная единица, не объект власти и не просто психофизиологический индивидуум, но существо духовное, такое, для которого автономия нужна как воздух. Быть гражданином в истинном смысле слова – значит вести автономную духовную жизнь, иметь автономное правосознание и строить им свою жизнь и жизнь своего государства».[341]

Рассмотрение исследуемого нами понятия с учетом использования в советском законодательстве понятий революционного и социалистического правосознания с точки зрения, предлагаемой И. А. Ильиным, позволяет указать на понятие внутреннего убеждения судьи как на выражение автономии в познании обстоятельств конкретного судебного дела. Это способствует реализации и конкретизации воли закона и права в автономном усмотрении судьи, соответствующим его убеждению, определяемому правосознанием общества. Именно поэтому постоянно уделяется внимание нравственному содержанию деятельности судьи.

3.2. Нравственность и внутреннее убеждение судьи

Мораль является одним из способов регулирования поведения людей в обществе. Как и право, мораль имеет систему принципов и норм, которые определяют характер отношений между людьми в соответствии с принятыми в обществе понятиями о добре и зле, справедливости и несправедливости.

Моральные принципы охватывают все сферы жизни и деятельности человека, закрепляют культуру взаимоотношений человека в обществе. Мораль в обществе выполняет функции: воспитательную, регулятивную, мотивационную. Поддерживаются нормы морали традициями. Моральные принципы имеют всеобщее значение.

Мораль рассматривается и как норма поведения в обществе, и как форма общественного сознания, но мораль не сводится только к сознанию. Сознание – это взгляды, а нормы морали регулируют поведение людей.

Моральные отношения возникают между людьми в процессе их деятельности, которая должна соответствовать морали. Не является в этом случае исключением и процесс применения норм уголовно-процессуального права в процессе реализации норм материального уголовного права. В моральных отношениях человек выступает как субъект и как объект действия морали. В этом соотношении находит выражение согласование деятельности множества индивидов.

Нравственная деятельность выражается в поступках, соответствующих нормам морали. Норма морали рассчитана на добровольное исполнение, и нарушение норм морали влечет духовную ответственность в форме моральных оценок.

Мораль выражает регулятивную, воспитательную, познавательную, мотивационную, коммуникативную и другие функции по регулированию поведения людей в обществе.

Мораль рассматривается и как форма общественного сознания. Нравственное сознание составляет часть морали, ее элемент, к которому нельзя сводить мораль. М. С. Строгович обоснованно указывал: «Нравственное сознание – это взгляды, убеждения, идеи о добре и зле, о достойном и недостойном поведении, а нравственность – это действующие в обществе социальные нормы, регулирующие поступки, поведение людей, их взаимоотношения»[342].

Моральные отношения возникают между людьми в процессе

их деятельности. Эти отношения различаются по характеру, содержанию, форме, но их содержание определяется, прежде всего, тем, по отношению к кому и какие нравственные обязанности несет человек.

От простых обычаев моральные нормы отличаются тем, что они не просто выполняются из-за сложившегося в обществе порядка, а находят определенное идейное обоснование в представлениях о должном и недолжном поведении.

«Мораль и право – необходимые, взаимосвязанные и взаимопроникающие системы регуляции общественной жизни. Они возникают в силу потребности обеспечить функционирование общества путем согласования различных интересов, подчинения людей определенным правилам. Мораль и право выполняют единую социальную функцию – регулирование поведения людей в обществе».[343]

Право и мораль постоянно взаимодействуют друг с другом и, в принципе, не могут противоречить друг другу, однако именно в период социально-экономических изменений в обществе возникает положение, когда между правом и моралью появляется противоречие или противоречия, которые разрешаются в процессе развития общества.

Если мораль определяется сложившимися в обществе нормами и принципами, то этика является философской наукой, которая изучает мораль, ее сущность, природу и структуру, закономерности возникновения. Категории этики – это не только теоретические понятия, но и формальный аппарат теории, позволяющий исследовать поведение человека в сфере действия моральных норм. Категориями этики являются добро и зло, благо, справедливость, долг, совесть, ответственность, достоинство и честь. Как отмечалось, моральные нормы формулируются как разумные и целесообразные под воздействием реальных принципов, действующих в обществе.

Деятельность людей вместе с тем связана с выполнением определенных профессиональных обязанностей. Каждая профессия имеет свои нравственные основания. В науке выделяется профессиональная этика, изучающая особенности нравственной стороны выполняемой работы. «Судебная этика призвана всесторонне раскрыть и показать нравственную сущность доказательственного права в советском уголовном процессе».[344]

Ю. М. Грошевой отмечает, что наряду с нормами права и обстоятельствами дела в качестве источника формирования внутреннего убеждения выступают нравственные нормы.[345] Он же указывает, что «профессиональное правосознание судьи

включает в себя как систему правовых идей, выражающих интересы советского общества в области социалистического правосудия, так и систему собственных правовых воззрений и убеждений, оценок справедливости или несправедливости правовых норм… профессиональное правосознание опосредует индивидуальное понимание смысла и значения правовых категорий»[346].

Отмеченная исследователями тесная связь между нормами права и морали существует потому, что многие нормы права возникли из представлений и правил морали. Нравственные нормы учтены при регламентации допроса, освидетельствования, проведения судебных заседаний. «Если судебную власть в ее реальном воплощении рассматривать как публичное рассуждение о правом и неправом, об определении и установлении должного по праву в решении и приговоре, то ее можно интерпретировать как деятельную рациональную совесть общества, в основе которой лежат требования позитивного юридического законодательства… В этом смысле каждый участник процесса осуществления судебной власти обладает своей собственной этической конституцией, определенной его процессуальным положением и требованиями закона».[347] Отметим чрезвычайно удачное, на наш взгляд, определение, касающееся сущности особенностей нравственного положения участников уголовного процесса.

Следует согласиться и с высказанной А. Ф. Закомлистовым позицией по поводу этических принципов правосудия: «…. дискурс правосудия… характеризуется такими этическими принципами, как объективность, беспристрастность, рациональность, законность, справедливость».[348]

Совесть является категорией этики, которая отражает возможность человека по осуществлению самоконтроля, самооценки своего поведения с позиции норм морали. Совесть имеет существенное значение в тех отношениях, где затруднен внешний контроль общества за поведением человека. Совесть требует от человека следовать добру и сопротивляться злу.

А. Д. Бойков обоснованно отмечает, что «субъективное правопонимание правоприменителя – опасный инструмент, особенно в руках небрежных, недобросовестных или некомпетентных судей, дознавателей, следователей».[349]

Отмеченное соотношение правопонимания правоприменителя представляет по существу определение соотношения нравственного содержания в понимании процесса формирования «внутреннего убеждения» судьи. Независимость судьи как принцип организации судебной системы и как

процессуальный принцип, охраняющий судью от постороннего воздействия в процессе доказывания и познания истины в уголовном судопроизводстве, необходимость для судьи соблюдать тайну совещательной комнаты при принятии решений, иммунитет судьи создают для общества проблему контроля за поведением судьи.

С. А. Котляревский при рассмотрении теории правового государства писал: «….правовое государство предполагает наличность определенного правосознания – ряд представлений о праве и его обязательности, которые чем-то отличаются от обязательности моральной, религиозной и т. п…».[350]

Эта проблема находит разрешение в принятии Кодекса чести судей. Учение о профессиональной деонтологии, части профессиональной этики, позволяет определить совокупность моральных норм, регламентирующих поведение личности в определенной профессиональной сфере. Система моральных норм, обеспечивающая для судьи Российской Федерации возможности избегать опасного влияния на его деятельность, сформулирована в Кодексе чести судьи Российской Федерации.

Согласно Кодексу, судья должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти; он не вправе причинять ущерб престижу своей профессии в угоду личным интересам или интересам других лиц; судья в любой ситуации должен сохранять личное достоинство, заботиться о своей чести, избегать всего, что могло бы поставить под сомнение его объективность и независимость при осуществлении правосудия; судья не вправе делать публичных заявлений, комментариев по делам, находящимся в производстве суда; судья должен избегать личных связей, которые могут причинить ущерб его чести и достоинству; судья должен воздерживаться от финансовых и деловых связей, которые могут нарушить его беспристрастность. Соблюдение таких принципов способствует обеспечению доверия к суду, его беспристрастности.

Вместе с тем следует отметить, что выполнение таких правил направлено именно на обеспечение беспристрастности в исследовании доказательств с соблюдением принципов уголовного судопроизводства и обеспечивает формирование объективного «внутреннего убеждения». Выполнение обязанностей по осуществлению правосудия должно иметь для судьи приоритетное значение над иными занятиями. Судья при принятии решения должен быть свободным от приверженности одной из сторон, от влияния общественного мнения, от опасений перед критикой его деятельности.

Кодекс чести судьи Российской Федерации явился одним из

результатов проведения судебной реформы. Кодекс принят Советом судей Российской Федерации 21 октября 1993 г., но нормативное значение получил после того, как 15 декабря 2001 г. Федеральным законом были внесены изменения в Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации».

Придание Кодексу чести нормативной силы обеспечивает возникновение охранительных правоотношений при нарушении судьей требований Кодекса чести.

Вместе с тем сравнение Кодекса чести с Кодексом поведения судей США, который включает каноны судейской этики,[351] заставляет сделать вывод о необходимости совершенствования Кодекса чести судьи РФ с включением в него прецедентов нарушения судьями Кодекса чести, которые стали предметом рассмотрения Высшей квалификационной коллегии судей РФ и предметом рассмотрения Верховного Суда РФ.

Наполнение Кодекса конкретным содержанием не только облегчит его применение на практике, но и обеспечит более высокий уровень понимания норм своего поведения российскими судьями.

Рассматривая философско-правовую доктрину судебной этики, А. Ф. Закомлистов обоснованно отмечает: «Вообще же принцип добросовестности при осуществлении правосудия тесно связан с фундаментальными основаниями его отправления – профессионализмом, следованием внутреннему убеждению, которое формировалось в процессе судоговорения».[352]

В заключение автор полагает необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что нравственное содержание процессуальной деятельности судьи обеспечивает достижение цели его функциональных обязанностей – целей правосудия, установленных Конституцией Российской Федерации.

Заключение

Подводя итоги исследования, автор считает необходимым сделать несколько замечаний.

При исследовании проблем понятия «внутреннее убеждение судьи» автор пришел к выводу о характере этого понятия как правовой категории – фикции. Введение этой категории позволяет отделить субъективное содержание работы судьи и других участников процесса по познанию обстоятельств дела от их убеждений и от усмотрения, определяющегося не только нормами процессуального права и его задачами, но и целью функционирования правовой, судебной систем страны.

Отдельные замечания, связанные с политическим контекстом права, сделаны только в рамках изучения особенностей действия в судебном процессе принципа публичности.

Результаты исследования позволяют сформулировать вывод о том, что «внутреннее убеждение судьи» является правовой категорией, обеспечивающей функционирование судьи в пределах предоставленных ему прав и обязанностей, которые не искажают самостоятельного восприятия и понимания судьей объективной действительности, ставшей предметом исследования в суде. Появление этого понятия связано с введением в российский процесс в период судебной реформы 1864 г. принципа свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи. Принцип свободной оценки доказательств применялся в странах прецедентного права, где задолго до появления его в российской судебной системе функционировал суд присяжных.

Само формулирование принципа свободной оценки доказательств подтверждает, что он применяется только независимым судьей, на что указывает использованное для описания принципа понятие свободы.

Для страны, где правосудие осуществлялось абсолютным монархом, особое значение имел принцип независимости судьи и подчинение его только закону. Указанный принцип разрешал проблему обеспечения свободной оценки доказательств судьей независимо от характера организации системы государственной власти в целях обеспечения равного положения граждан. Вместе с тем отсутствие принципа разделения законодательной, исполнительной и судебной власти существенно снижало и делало декларативной независимость судьи в процессе, давало возможность исполнительной власти влиять на судебные решения и, прежде всего, на усмотрение судьи.

Суд присяжных дает возможность повысить уровень

независимости судьи, но вводит в процесс правосудия нравственную оценку, которая может быть противоположной официальной законности.

Поскольку суд присяжных обеспечивал высокий уровень независимости судей и участие свободных граждан в правосудии, но снижал уровень эффективности применения материального уголовного закона по делам, связанным с охраной существующего государства, то законодательство о суде присяжных не было распространено на всю территорию России, дела о государственных преступлениях передавались специальным судам или военным трибуналам.

После 1917 г. в доктрине построения правовой и судебных систем Советского Союза возобладала теория отрицания старого права, связанная с отказом от обеспечения защиты и функционирования института частной собственности. Отказ от старого права вызвал слом судебной системы и создание нового суда. При этом отрицались многие институты права, которому был придан исключительно публичный характер. Сложилась ситуация проведения эксперимента по созданию норм морали, приданию законодательной силы нормам морали с превращением их в нормы права.

В период слома старой правовой системы и отрицания позитивного значения института частной собственности правоотношение подменялось понятием властеотношения, в котором выражалась целесообразность формулирования новых норм права и создания механизма их реализации. Отрицание института частной собственности потребовало создания механизма обеспечения института государственной собственности, что выразилось в усилении репрессивного аспекта применения мер уголовного наказания, когда в правовой системе публичное право стало всеохватывающим выражением только интересов общества, которым должны были подчиняться граждане.

Понятие абсолютной истины, длительное время использовавшееся в советском судебном процессе, ведет к искажению внутреннего убеждения судьи и снижению уровня оценки достоверности доказательств, представленных по делу, поскольку вносит в процесс философское понятие истины, подтверждающее истинность правовой политики, но не достоверность доказательств по делу.

Понятие истины по делу определяется задачами, которые должны достигаться в процессуальной деятельности и устанавливаются законодателем в процессуальном законе и Конституции Российской Федерации.

То, что по делу называлось дихотомией истины в целях обеспечения для судьи как представителя судебной власти возможности выполнения функции правосудия, в условиях состязательного процесса приобретает иное качество, когда выполнение функций обвинения и защиты, функции правосудия разрешает проблемы правоприменения в процессе.

Состязательность в судебном процессе позволяет исследовать и давать оценку доказательств в условиях, которые не являются благоприятными.

Понятие «внутреннее убеждение» в принципе свободной оценки доказательств характеризует познание доказательств как выражение материального мира в деятельности людей. Сформулировав принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, законодатель обеспечил нормативное регулирование познания в процессе и автономию воли судьи. Оценка доказательств опирается на сформировавшееся внутреннее убеждение, и введение понятия «внутреннее» позволяет выделить в мыслительной деятельности участников процесса круг вопросов, относящихся к доказыванию по конкретному делу. Поэтому внутреннее убеждение и определяется как фикция. Внутреннее убеждение, убеждение и усмотрение судьи взаимосвязаны, как и оценка доказательств, поскольку достоверное установление связей между доказательствами и вывод о наличии или отсутствии доказываемых обстоятельств дела невозможны без установления фактического и юридического состава.

Избранное законодателем при переходе от формальной теории доказательств понятие «внутреннее убеждение» имеет многомерное содержание, но обеспечивает познание конкретных обстоятельств дела публичным субъектом познания – правоохранительной и судебной системами, каждым гражданином страны как представителем народа.

Усмотрение судьи в процессе связано с процессом применения норм материального и процессуального права в ходе процессуальной деятельности, ограничивается механизмом применения норм права, и в нем выражается субъективная воля судьи.

Поэтому в исследовании, понимании и описании механизма принятия процессуальных решений исключительную значимость приобретает теория правоотношения, которая позволяет исследовать уровень субъективного содержания в принятии решения по делу судом и установить границы допустимого усмотрения суда. Теория правоотношения не просто апробирована в практике процессуальной деятельности и

правоприменения. Теория правоотношения позволяет определить проблемы познания в процессе доказывания и дать правовую оценку каждому действию участника процесса, включая судью.

Принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению составляет единую процессуальную форму познания в судебном процессе, что придает ему межотраслевой характер и вносит единство в процессуальную деятельность суда по уголовным, гражданским, арбитражным и административным делам.

Иммунитет судьи, тайна совещательной комнаты, являясь средствами реализации принципа независимости судьи в процессе, создают проблему контроля за поведением судьи и соответствием этого поведения требованиям как процессуального закона, так и судебной этики.

Теоретическое исследование субъективного содержания процессуальной деятельности судьи выдвигает проблему разделения процессуальной деятельности судьи и его деятельности как представителя государственной власти. Как только на государственном уровне процессуальная деятельность суда оказывается подчиненной административной власти, искажаются принципы правосудия, которое из инструмента по защите прав человека превращается в один из инструментов нарушения прав. Вопросы взаимоотношения административного и процессуального содержания в управлении судебной деятельностью нуждаются в специальном исследовании, как и правовой статус председателей судов всех уровней.

В работе не рассмотрены вопросы оплаты труда судей. Имеется только указание на то, что достойное содержание является в соответствии с Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» одной из гарантий независимости судей. Однако публикация предложений о разработке положения о премировании судей заставляет задать вопросы об основаниях премирования судьи, который должен быть независимым и беспристрастным в соответствии со своим статусом. В этом случае судья имеет право на независимость и беспристрастность.

Литература

1. Аарон Барак. Судейское усмотрение. М., 1999.
2. Абушенко Д. Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002.
3. Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение. М., 1947.
4. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955.
5. Агаев Ф. А., Галузо В. Н. Иммунитеты в российской уголовном процессе.
6. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981.
7. Алексеев С. С. Восхождение к праву. М., 1999.
8. Анисимов О. С. Методология, функция, сущность, становление. М., 1996.
9. Альперт С. и др. Советский уголовный процесс. Киев, 1983.
10. Алексеев В. Г., Даев Л. Д., Кокорев В. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
11. Арсеньев Р. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964.
12. Басков В. И., Гуценко К. Ф. Уголовный процесс. М., 2000.
13. Барщевский М. Адвокатская этика. Самара, 1999.
14. Барщев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841; Тула, 2001.
15. Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974.
16. Бабурин В. В. Преступления против правосудия. Омск, 1996.
17. Баксанский О. Е. Виртуальная реальность. Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб., 2000.
18. Бернэм У. Суд присяжных заседателей. М., 1995.
19. Бентам И. О судебных доказательствах. Киев, 1876.
20. Белкин А. Р. Теория доказывания. М., 1999.
21. Белкин А. Р. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1966.
22. Бельский К. С. Разделение властей и ответственность в государственном управлении. М., 1990.
23. Бойков А. Д. Третья власть в России. М., 1997.
24. Божьев В. П. Уголовно-процессуальное правоотношение. М., 1975.
25. Божьев В. П. Советский уголовный процесс. М., 1990.
26. Божьев В. П. (ред.) Уголовный процесс. М., 2000.

27. Бойков А. Д. Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовых реформ. Тюмень, 1995.
28. Бобрищев-Пушкин А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896.
29. Боннер А. Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М., 1980.
30. Боровиковский А. Л. Отчет судьи. СПб., 1895.
31. Бохан В. Ф. Формирование убеждения суда. Минск, 1973.
32. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 2001.
33. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий. М., 1976.
34. Васильев Л. М. Проблемы истины в современном уголовном процессе. Краснодар, 1998.
35. Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. М.; Городец, 1997.
36. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002.
37. Верещагина И. В. Современные проблемы правоприменения. Хабаровск, 1998.
38. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. Городец, 1997.
39. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.
40. Власов А. А. Адвокат как субъект доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М., 2000.
41. Володина Л. М. Судебная власть и некоторые проблемы уголовного процесса // Юридические науки и юридическое образование в Российской Федерации на рубеже веков. Ярославль, 1999.
42. Вопленко Н. Н. Официальное толкование права. М., 1976.
43. Вопросы уголовного права и процесса в практике прокурорского надзора. М., 1976.
44. Вопросы уголовного права и процесса в судебной практике Верховных судов СССР и РСФСР. М., 1968.
45. Вышинский А. Я. Советский уголовный процесс. М., 1938.
46. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950.
47. Вышинский А. Я. Проблемы уголовной политики. М., 1937.
48. Вышинский А. Я. Уголовный процесс СССР. М., 1927.
49. Вышинский А. Я. // Советская юстиция. 1936. № 23.
50. Гессен В. Судебная реформа. СПб., 1905.
51. Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. Л.,

1981.

52. Громов Н. А., Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956.

53. Громов Н. А. Система конституционных принципов при возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Саратов, 1992.

54. Громов Н. А. и др. Доказывание, доказательства и их источники в уголовном процессе. Саратов, 1995.

55. Громов Н. А. Вновь открывшиеся обстоятельства в уголовном процессе. М., 1999.

56. Громов Н. А., Францифоров Ю. В. Правоприменительная деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. М., 2000.

57. Громов Н. А., Гущин Н. А., Пономаренко В. А., Францифоров Ю. В. Доказательства, доказывание и использование результатов ОРД. М., 2001.

58. Громов В. Л., Лаговиер Н. Уголовно-судебные доказательства. М., 1929.

59. Гродзинский М. М. Учение о доказательствах и его эволюция. Харьков, 1925.

60. Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе. М., 1945.

61. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. Воронеж, 1973.

62. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979.

63. Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975.

64. Грошевой Ю. М. Профессиональное правосознание судей и социалистическое правосудие. Харьков, 1986.

65. Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976.

66. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург, 1997.

67. Давлетов А. А. Ретроспективное познание. Екатеринбург, 1996.

68. Даев В. Г., Алексеев Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.

69. Джаншиев. Основы судебной реформы. Историко-юридические этюды. 1891.

70. Джатиев В. С. Доказывание и оценка обстоятельств преступления. Ростов-н/Д, 1991.

71. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971.

72. Догалаков А. Г. Истина как проблема научного познания. Балашов, 1999.

73. Дорохов В. Я., Николаев В. С. Обоснованность приговора. М., 1959.

74. Дормидонтов Г. Юридические фикции и презумпции. Казань, 1895.

75. Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1995.

76. Дудин А. П. Диалектика правоотношений. Саратов, 1983.

77. Ершов В. В. Судебная власть в правовом государстве. М., 1992.

78. Жилин Г. А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М., 2000.

79. Жуйков В. М. Проблемы гражданского процессуального права. М., 2001.

80. Заботин П. С. Преодоление заблуждений в научном познании. М., 1979.

81. Зайцева С. А. Проблемы реализации судебной реформы в России. Саратов, 1998.

82. Загайнова С. К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М., 2002.

83. Закомлистов А. Ф. Философско-правовая доктрина судебной этики. Пермь, 2000.

84. Закомлистов А. Ф. Судебная этика. СПб., 2002.

85. Казанский П. Е. Власть всероссийского императора. М., 1999.

86. Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. М., 1965.

87. Казимирчук В. П. Конституция и закон. Стабильность и динамизм. М., 1998.

88. Карнозова Л. М. Возрожденный суд присяжных. М., 2000.

89. Карева М. П., Айзенберг А. М. Правовые нормы и правоотношения. М., 1949.

90. Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград, 1988.

91. Касавин И. Т. Познание в социальном контексте. М., 1994.

92. Кириллова Н. П. Суд присяжных в России и мировой опыт. СПб., 1998.

93. Клеандров М. И. Очерки российского судоустройства. СПб., 1998.

94. Клеандров М. И. Юридическая наука и юридическое образование в Российской Федерации на рубеже веков. Тюмень, 2001. Т. 1.

95. Кобликов А. С. Судебный приговор. М., 1966.

96. Кобликов А. С. Юридическая этика. М., 2002.

97. Коваленко А. Г. Институт доказывания в гражданском и

арбитражном процессе. М., 2002.

98. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.

99. Колоколов Н. А. Судебная реформа: некоторые проблемы судоустройства, уголовного права и процесса. Курск, 1999.

100. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под. ред. В. М. Лебедева и Ю. И. Скуратова. М., 2001.

101. Комментарий к постановлениям пленумов Верховных судов РФ (РСФСР) по уголовным делам. М., 2001.

102. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. Р. Ф. Каллистратовой, Л. Ф. Лесницкой, В. К. Пучинской. М., 1976.

103. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В. М. Лебедева. М., 1995.

104. Конституционные основы правосудия в СССР. М., 1980.

105. Кореневский Ю. В. Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность. М., 2000.

106. Корнев Г. П. Методологические проблемы уголовно-процессуального познания. Н. Новгород, 1995.

107. Корнев Г. П. Доказывание и доказательства в уголовном процессе. Н. Новгород, 1998.

108. Корноухов В. Я. Проблемы познания в уголовном судопроизводстве. Иркутск, 2000.

109. Котляревский С. А. Власть и право. СПб., 1915.

110. Криминалистика. Учебник / Под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. СПб., 2001.

111. Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999.

112. Крыленко Н. Н. Судоустройство РСФСР. Лекции по теории и истории судоустройства. М., 1923.

113. Крыленко Н. Н. Основы уголовного судопроизводства ССР и союзных республик. М., 1928.

114. Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969.

115. Кузнецов В. П., Сальников В. П. Наука о праве и государстве. СПб., 1993.

116. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974.

117. Лазарев В. В., Фельдман Д. И. Теоретические проблемы и методологии исследования государства и права. Казань, 1975.

118. Лазарева В. А. Судебная власть. Судебная защита, судебный контроль. Понятие и соотношение. Самара, 1999.

119. Ларин А. М. Из истории суда присяжных. М., 1995.

120. Левченко О. В. Презумпции и преюдиции в доказывании. Астрахань, 1999.

121. Левченко О. В. Презумпция невиновности обвиняемого в доказывании по уголовным делам. Астрахань, 2001.

122. Левченко И. П. Механизм применения права. Смоленск, 1997.

123. Ледяев В. Г. Власть. Концептуальный анализ. М., 2001.

124. Леонтьев А. А. Суд и его независимость. СПб., 1905.

125. Ленин В. И. Государство и революция // ПСС. Т. 33.

126. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Автореф. дис… докт. юрид. наук.

127. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1976.

128. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. М., 1997.

129. Лучин В. О. Конституционные нормы и правоотношения. М., 1997.

130. Люблинский П. И. Судейское усмотрение // Журнал МЮ 1904. № 10.

131. Люблинский П. И. О доказательствах в уголовном суде. М., 1924.

132. Ляхов Ю. А. Новая уголовно-процессуальная политика. Ростов-н/Д., 1992.

133. Малиновский А. А. Злоупотребление правом. М., 2000.

134. Манышев Ю. Г. Убеждение, как категория марксистско-ленинской философии. Красноярск, 1969.

135. Мартынчик Е. Г. Основы формирования приговора в советском уголовном процессе. Кишинев, 1989.

136. Мартынчик Е. Г. Особое мнение судьи по уголовному делу. Кишинев, 1981.

137. Марфицын Е. Г., Кожевников В. В. Уголовно-процессуальный аспект механизма правового регулирования. Омск, 1998.

138. Марфицын Е. Г. Усмотрение следователя. Омск, 2002.

139. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 1997.

140. Масликов И. Л. Судебная власть в государственном механизме Российской Федерации. М., 1996.

141. Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М., 2000.

142. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991.

143. Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996.

144. Михайлов С. В. Категория интереса в российском гражданском праве. М., 2002.

145. Мордовец А. Л. Права человека и юридическая ответственность должностных лиц. Личность и власть. Ростов-н/Д, 1995.

146. Мухин И. И. Важнейшие проблемы оценки доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве. Л., 1970.

147. Мухин И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971.

148. Мотовиловкер Я. О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962.

149. Немытина М. В. Суд в России. Саратов, 1999.

150. Надь Л. Приговор в уголовном процессе. М., 1957.

151. Наша власть // Дела и люди. 2001. № 7–8.

152. Навасардян В. Р. Право на защиту подозреваемых, обвиняемых, подсудимого в уголовном процессе. СПб., 2000.

153. Немытина В. Р. Российский суд присяжных. М., 1995.

154. Немытина В. Р. Суд в России второй половины XIX в. М… 2001.

155. Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса. Калининград, 1977.

156. Нажимов В. П. Суд как орган правосудия по уголовным делам в СССР. Дис… докт. юрид. наук. Л., 1971.

157. Никитаев В. В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление. Состязательное правосудие. Вып. 1. М., 1996.

158. Нормы советского права. Проблемы теории. Саратов, 1987.

159. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000.

160. Осипкин В. Н., Рохлин В. И. Доказательства. СПб., 1998.

161. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2003.

162. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989.

163. Петрухин И. Л. Вам нужен адвокат. М., 1993.

164. Петрухин И. Л. Конституционные основы правосудия в СССР. М., 1980.

165. Перлов И. Д. Приговор. М., 1960.

166. Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе. М., 1974.

167. Плешанов А. Г. Диспозитивное начало в сфере

гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М., 2002.
168. Полудняков В. В. Лекция о судебной власти. СПб., 1998.
169. Подборка материалов для занятий с российскими судьями Министерства юстиции США 1997 г.
170. Попов В. Р. Судебное следствие. Проблемы оптимизации. Н. Новгород, 2000.
171. Познышев С. В. Доказательства в уголовном процессе. М., 1929.
172. Полянский Н. Н. Правда и ложь в уголовной защите. М., 1927.
173. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956.
174. Полянский Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960.
175. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск, 1996.
176. Протасов В. Н. Юридическая процедура. М., 1991.
177. Радьков В. П. Социалистическая законность в советском уголовном процессе. М., 1959.
178. Радутная Н. В. Зачем нам нужен суд присяжных. М., 1995.
179. Радутная Н. В. Народный судья. Профессиональное мастерство и подготовка. М., 1977.
180. Рахунов В. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961.
181. Рассел Б. Проблемы философии. Новосибирск, 2001.
182. Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1977.
183. Решетникова М. В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург, 1997.
184. Ривлин А. Я. Пересмотр приговоров в СССР. М., 1958.
185. Розин В. И. Юридическое мышление. Алматы, 2000.
186. Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
187. Российский судья. 2001. № 10.
188. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.
189. Рустамов Х. У. Уголовный процесс. Формы. М., 1998.
190. Рязановский В. А. Единство процесса. М., 1996.
191. Савицкий В. М. Проблемы судебного права. М., 1983.
192. Савицкий В. М. Становление судебной власти в обновляющейся России. М., 1997.
193. Савицкий В. М. Презумпция невиновности. М., 1997.
194. Савицкий В. М. Конституция и закон. Стабильность и динамизм. М., 1998.

195. Серов В. А. Познавательная деятельность в уголовном процессе. Оренбург, 1997.
196. Сборник постановлений пленума Верховного Суда СССР М., 1958.
197. Сборник постановлений пленума Верховного Суда СССР М., 1967.
198. Скрипилев Е. А. Развитие русского права в первой половине XIX в. М., 1994.
199. Случевский В. А. Учебник уголовного процесса. СПб., 1910.
200. Смирнов А. В. Состязательность процесса. СПб., 2001.
201. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000.
202. Спасович В. А. О теории судебных доказательств. СПб., 1861.
203. Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939.
204. Строгович М. С. Основные вопросы оценки доказательств в уголовном процессе // Советская юстиция. 1936. № 22.
205. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.
206. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968.
207. Строгович М. С. Проблемы судебной этики. М., 1974.
208. Строгович М. С. Теория судебных доказательств. М., 1991.
209. Становление судебной власти в обновляющейся России М., 1997.
210. Судебная реформа. Проблемы и перспективы. М., 2001.
211.
212. Стучка П. С. Классовое государство и гражданское право. М., 1924.
213. Судебная реформа: проблемы и перспективы. М., 2001.
214. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. М., 2000.
215. Тамаш А. Судья и общество. М., 1980.
216. Тащилина С. М. Адвокат и суд присяжных. М., 2001.
217. Теоретические проблемы методологии исследования государства и права. Казань, 1976.
218. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.
219. Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношения. М., 1980.
220. Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 1997.
221. Троицкий Н. А. Царские суды против революционной

России. Саратов, 1976.

222. Томин В. Т. Цель и средства в уголовном судопроизводстве. Н. Новгород, 1991.

223. Труды Томского государственного университета. Томск, 1972.

224. Трухачев В. В. Преступное воздействие на доказательственную информацию. Воронеж, 2000.

225. Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960.

226. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976.

227. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963.

228. Фельдштейн Г. С. Учебник уголовного процесса. М., 1915.

229. Филановский И. Г. Социально-психологическое отношение субъектов к преступлению. Л., 1970.

230. Халипов В. Ф. Введение в науку о власти. М., 1996.

231. Халдеев Л. С. Судья в уголовном процессе. М., 2000.

232. Хаске Ю. Российские адвокаты и советское государство. М., 1993.

233. Хвостов А. М. Как устроен и работает советский суд. Минск, 1973.

234. Хилл Т. И. Современные теории познания М., 1965.

235. Ходыревский С. М. Суд и судебное управление. Воронеж, 1976.

236. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995.

237. Черемных Г. Г. Судебная власть в Российской Федерации. М., 1999.

238. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М., 1979.

239. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М., 2003.

240. Черноморец А. Е. Культура правосудия и гражданско-правовая ответственность судей // Российский судья. 2001. № 10.

241. Чечина Н. А. Гражданские процессуальные отношения. Л.,

1962.

242. Шаламов М. П. Теория улик. М., 1960.

243. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1999.

244. Шимановский В. В. Общие условия производства предварительного следствия. Л., 1983.

245. Шифман М. Л. Основные вопросы теории советского доказательственного права. М., 1956.

246. Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001.

247. Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963.

248. Халатов С. Я. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002.

249. Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967.

250. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976.

251. Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963.

252. Якупов Р. Х. Уголовный процесс. М., 1999.

253. Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1956.

254. Энциклопедия государства и права М., 1925.

255. Юридический словарь. М., 1953.

256. Юридический энциклопедический словарь. М., 1984.

257. Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1996 г.

Приложение

Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»

(в ред. Закона РФ от 14.04.1993 № 4791-1;
Указа Президента РФ от 24.12.1993 № 2288; Федеральных законов от 21.06.1995 № 91-ФЗ, от 17.07.1999 № 169-ФЗ, от 20.06.2000 № 89-ФЗ, от 15.12.2001 № 169-ФЗ, с изм., внесенными Постановлением ВС РФ от 14.04.1993 № 4792-1)

Статья 1. Судьи – носители судебной власти

1. Судебная власть в Российской Федерации принадлежит только судам в лице судей и привлекаемых в установленных законом случаях к осуществлению правосудия представителей народа.

2. Судебная власть самостоятельна и действует независимо от законодательной и исполнительной властей.

3. Судьями в соответствии с настоящим Законом являются лица, наделенные в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе.

4. Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и закону. В своей деятельности по осуществлению правосудия они никому не подотчетны (п. 4 в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

5. Проявление неуважения к суду или судьям влечет установленную законом ответственность.

6. Требования и распоряжения судей при осуществлении ими полномочий обязательны для всех без исключения государственных органов, общественных объединений, должностных лиц, других юридических лиц и физических лиц. Информация, документы и их копии, необходимые для осуществления правосудия, представляются по требованию судей безвозмездно. Неисполнение требований и распоряжений судей влечет установленную законом ответственность.

Статья 2. Единство статуса судей

1. Все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом. Особенности правового положения некоторых категорий судей, включая судей военных судов, определяются федеральными законами, а в случаях, предусмотренных

федеральными законами, также законами субъектов Российской Федерации.

Особенности правового положения судей Конституционного Суда Российской Федерации определяются федеральным конституционным законом. (п. 1 в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ)

2. Судьям в зависимости от занимаемой должности, стажа работы в должности судьи и иных предусмотренных законом обстоятельств присваиваются квалификационные классы. Присвоение судье квалификационного класса не означает изменение его статуса относительно других судей в Российской Федерации.

Статья 3. Требования, предъявляемые к судье

1. Судья обязан неукоснительно соблюдать Конституцию Российской Федерации и другие законы.

2. Судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности.

3. Судья не вправе быть депутатом, третейским судьей, арбитром, принадлежать к политическим партиям и движениям, осуществлять предпринимательскую деятельность, а также совмещать работу в должности судьи с другой оплачиваемой работой, кроме научной, преподавательской, литературной и иной творческой деятельности (в ред. Федеральных законов от 21.06.1995 № 91-ФЗ, от 17.07.1999 № 169-ФЗ, от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

4. Судья, пребывающий в отставке и имеющий стаж работы в должности судьи не менее 20 лет либо достигший возраста 55 (для женщин – 50) лет, вправе работать в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, в профсоюзных и иных общественных объединениях, а также работать в качестве помощника депутата Государственной Думы или члена Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации либо помощника депутата законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации, но не вправе занимать должности прокурора, следователя и дознавателя.

В период осуществления деятельности, которой судья, пребывающий в отставке, вправе заниматься в соответствии с настоящим пунктом, на него не распространяются гарантии

неприкосновенности, установленные статьей 16 настоящего Закона, членство указанного судьи в судейском сообществе на этот период приостанавливается (п. 4 введен Федеральным законом от 17.07.1999 № 169-ФЗ).

Статья 4. Требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ)

1. Судьей может быть гражданин Российской Федерации, имеющий высшее юридическое образование и соответствующий требованиям, предъявляемым к кандидату на должность судьи Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, а также федеральными законами.

По вопросу, касающемуся стажа работы судьи, см. Постановление ВС РФ от 20.05.1993 № 4994-1.

При этом:

судьей Конституционного Суда Российской Федерации может быть гражданин, достигший возраста 40 лет и имеющий стаж работы по юридической профессии не менее 15 лет;

судьей Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации может быть гражданин, достигший возраста 35 лет и имеющий стаж работы по юридической профессии не менее 10 лет;

судьей верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда, федерального арбитражного суда округа может быть гражданин, достигший возраста 30 лет и имеющий стаж работы по юридической профессии не менее семи лет;

судьей арбитражного суда субъекта Российской Федерации, конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, районного суда, гарнизонного военного суда, а также мировым судьей может быть гражданин, достигший возраста 25 лет и имеющий стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет.

В стаж работы по юридической профессии включается время работы на требующих юридического образования:

государственных должностях в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органах, образуемых в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, а также в государственных органах, существовавших в

Российской Федерации до принятия действующей Конституции Российской Федерации;

муниципальных должностях, в том числе в органах местного самоуправления.

Кроме того, в стаж работы по юридической профессии включаются время работы на требующих юридического образования должностях в органах Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в юридических службах организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, в научно-исследовательских институтах и иных научно-исследовательских учреждениях, время работы в качестве преподавателя юридических дисциплин в учреждениях среднего профессионального, высшего профессионального и послевузовского профессионального образования, а также время работы в качестве адвоката и нотариуса (п. 1 в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

2. Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к кандидатам в судьи судов Российской Федерации.

Статья 4.1. Медицинское освидетельствование претендента на должность судьи (введена Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ)

Для подтверждения отсутствия у претендента на должность судьи заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, проводится его предварительное медицинское освидетельствование. Перечень заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, утверждается решением Совета судей Российской Федерации на основании представления федерального органа исполнительной власти в области здравоохранения. Форма документа, свидетельствующего об отсутствии заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, утверждается федеральным органом исполнительной власти в области здравоохранения.

Статья 5. Отбор кандидатов на должность судьи

1. Отбор кандидатов на должность судьи осуществляется на конкурсной основе.

2. Председатель суда, в котором открылась вакантная должность судьи, сообщает об этом в соответствующую квалификационную коллегию судей не позднее чем через 10 дней после открытия вакансии.

Квалификационная коллегия судей не позднее чем через 10 дней после получения сообщения председателя суда объявляет об открытии вакансии в средствах массовой информации с указанием времени и места приема заявлений от претендентов на должность судьи, а также времени и места рассмотрения поступивших заявлений (п. 2 введен Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

3. Любой гражданин, достигший установленного настоящим Законом возраста, имеющий высшее юридическое образование, требуемый стаж работы по юридической профессии и не имеющий заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи, вправе сдать квалификационный экзамен на должность судьи, обратившись для этого в соответствующую экзаменационную комиссию с заявлением о сдаче квалификационного экзамена. Помимо указанного заявления в экзаменационную комиссию представляются:

подлинник документа, удостоверяющего личность претендента как гражданина Российской Федерации, или его копия;

анкета, содержащая биографические сведения о претенденте;

подлинник документа, подтверждающего юридическое образование претендента, или его копия;

подлинники трудовой книжки, иных документов, подтверждающих трудовую деятельность претендента, или их копии;

документ об отсутствии у претендента заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи.

Экзаменационная комиссия не вправе отказать в приеме квалификационного экзамена на должность судьи гражданину, представившему документы (или их копии), указанные в настоящем пункте (п. 3 в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

4. Квалификационный экзамен на должность судьи принимается экзаменационной комиссией, состоящей при соответствующей квалификационной коллегии судей, которая утверждает персональный состав экзаменационной комиссии.

Порядок проведения квалификационного экзамена на должность судьи, а также положение об экзаменационных комиссиях утверждаются Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации (п. 4 в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

5. Квалификационный экзамен на должность судьи сдает гражданин, не являющийся судьей. Результаты квалификационного экзамена действительны в течение трех лет

после его сдачи, а после назначения гражданина на должность судьи – в течение всего времени пребывания его в качестве судьи (п. 5 в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

6. После сдачи квалификационного экзамена гражданин, соответствующий требованиям к претенденту на должность судьи, предъявляемым законом, вправе обратиться в соответствующую квалификационную коллегию судей с заявлением о рекомендации его на вакантную должность судьи.

Помимо указанного заявления в квалификационную коллегию судей представляются:

подлинник документа, удостоверяющего личность претендента как гражданина Российской Федерации, или его копия;

анкета, содержащая биографические сведения о претенденте;

подлинник документа, подтверждающего юридическое образование претендента, или его заверенная копия;

подлинники трудовой книжки, иных документов, подтверждающих трудовую деятельность претендента, или их копии;

документ об отсутствии у претендента заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи;

сведения о результатах сдачи квалификационного экзамена (п. 6 в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

7. Квалификационная коллегия судей организует проверку достоверности документов и сведений, указанных в пункте 6 настоящей статьи. При этом квалификационная коллегия судей вправе обратиться с требованием о проверке достоверности представленных ей документов и сведений в соответствующие органы, которые обязаны сообщить о результатах проверки в установленный коллегией срок, но не позднее чем через два месяца со дня поступления указанного требования (п. 7 в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ)

8. По результатам рассмотрения заявлений всех граждан, претендующих на должность судьи, итогов проверки достоверности документов и сведений, указанных в пункте 6 настоящей статьи, и с учетом результатов квалификационного экзамена квалификационная коллегия судей принимает решение о рекомендации одного из претендентов на должность судьи. Если в процессе проверки указанных в пункте 6 настоящей статьи документов и сведений установлена их недостоверность, то гражданин, представивший такие документы и сведения, не может быть рекомендован на должность судьи.

В случае если ни один из граждан, претендующих на должность судьи, не соответствует требованиям к претендентам

на должность судьи, предъявляемым настоящим Законом, квалификационная коллегия судей принимает в отношении каждого из этих граждан мотивированное решение об отказе в рекомендации на должность судьи и объявляет в средствах массовой информации о новом времени и месте приема и рассмотрения заявлений от претендентов на должность судьи.

Решение квалификационной коллегии судей о рекомендации на должность судьи может быть обжаловано в судебном порядке, если коллегией нарушен установленный настоящим Законом порядок отбора претендентов на должность судьи. Решение об отказе в рекомендации на должность судьи может быть обжаловано в судебном порядке как в связи с нарушением порядка отбора претендентов на должность судьи, так и по существу решения (п. 8 в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

9. Решение квалификационной коллегии судей о рекомендации гражданина на должность судьи направляется председателю соответствующего суда, который в случае согласия с указанным решением вносит в установленном порядке представление о назначении рекомендуемого лица на должность судьи.

В случае несогласия с указанным решением председатель суда возвращает его для повторного рассмотрения в ту же квалификационную коллегию судей. Если при повторном рассмотрении квалификационная коллегия судей двумя третями голосов членов коллегии подтверждает первоначальное решение, то председатель суда обязан внести представление о назначении рекомендуемого лица на должность судьи (п. 9 введен Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

Статья 6. Порядок наделения судей полномочиями (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ)

1. Судьи Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации назначаются Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по представлению Президента Российской Федерации, которое вносится с учетом мнения соответственно Председателя Верховного Суда Российской Федерации и Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

2. Судьи федеральных арбитражных судов округов назначаются Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Об отказе в принятии к рассмотрению запроса о проверке конституционности пункта 3 статьи 6 см. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 428-О.

Изменение, внесенное Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ, вступило в силу через шесть месяцев после вступления в силу Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ.

3. Судьи других федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов назначаются Президентом Российской Федерации по представлению соответственно Председателя Верховного Суда Российской Федерации и Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

4. Судьи военных судов назначаются Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

5. Президент Российской Федерации в двухмесячный срок со дня получения необходимых материалов назначает судей федеральных судов, а кандидатов в судьи Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации представляет для назначения Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации либо отклоняет представленные кандидатуры, о чем сообщается председателю соответствующего суда (в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ)

6. Назначение кандидатов на должности судей производится только при наличии положительного заключения соответствующей квалификационной коллегии судей.

Судья федерального суда может быть назначен по его заявлению на должность, аналогичную занимаемой им, в другой суд того же уровня в порядке, установленном настоящим Законом, за исключением требования, предусмотренного абзацем первым настоящего пункта. В таком же порядке судья федерального суда может быть назначен на должность, аналогичную занимаемой им, в нижестоящий суд. (абзац введен Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

7. Исключен. – Федеральный закон от 15.12.2001 № 169-ФЗ.

Статья 6.1. Порядок наделения полномочиями и прекращения полномочий председателей и заместителей председателей судов (введена Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ)

1. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации и его заместитель избираются в порядке,

установленном Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации».

2. Председатель Верховного Суда Российской Федерации, Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации назначаются на должность Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации сроком на шесть лет по представлению Президента Российской Федерации при наличии положительного заключения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации.

Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации представляет Президенту Российской Федерации указанное заключение не позднее чем за два месяца до истечения срока полномочий Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а в случае досрочного прекращения полномочий указанных лиц – не позднее чем через три месяца со дня открытия вакансии.

3. Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации назначаются на должность Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации сроком на шесть лет по представлению Президента Российской Федерации, основанному на представлении соответственно Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, при наличии положительного заключения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации, Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации вносят Президенту Российской Федерации указанные представления не позднее чем за два месяца до истечения срока полномочий заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а в случае досрочного прекращения полномочий указанных лиц – не позднее чем через три месяца со дня открытия вакансии.

4. Президент Российской Федерации вносит в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации представление о назначении Председателя Верховного Суда Российской Федерации или заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или заместителя Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации не позднее чем за 14 дней до истечения срока их

полномочий, а в случае досрочного прекращения полномочий указанных лиц – не позднее чем через шесть месяцев со дня открытия вакансии.

5. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации рассматривает вопрос о назначении на должность Председателя Верховного Суда Российской Федерации или заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или заместителя Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в срок, не превышающий 14 дней после получения представления Президента Российской Федерации.

Об отказе в принятии к рассмотрению запроса о проверке конституционности пункта 6 статьи 6.1 см. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 428-О.

6. Председатели, заместители председателей верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, военных судов назначаются на должность Президентом Российской Федерации сроком на шесть лет по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации при наличии положительного заключения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации вносит указанное представление Президенту Российской Федерации не позднее чем за два месяца до истечения срока полномочий председателя, заместителя председателя соответствующего суда, а в случае досрочного прекращения полномочий указанных лиц – не позднее чем через три месяца со дня открытия вакансии.

Об отказе в принятии к рассмотрению запроса о проверке конституционности пункта 7 статьи 6.1 см. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 428-О.

7. Председатели, заместители председателей федеральных арбитражных судов округов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации назначаются на должность Президентом Российской Федерации сроком на шесть лет по представлению Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации при наличии положительного заключения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации.

Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации вносит указанное представление Президенту Российской Федерации не позднее чем за два месяца до истечения срока полномочий председателя, заместителя председателя соответствующего суда, а в случае досрочного

прекращения полномочий указанных лиц – не позднее чем через три месяца со дня открытия вакансии.

8. Председатели, заместители председателей районных судов назначаются на должность Президентом Российской Федерации сроком на шесть лет по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации при наличии положительного заключения соответствующих квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации вносит указанное представление Президенту Российской Федерации не позднее чем за два месяца до истечения срока полномочий председателя, заместителя председателя соответствующего суда, а в случае досрочного прекращения полномочий указанных лиц – не позднее чем через три месяца со дня открытия вакансии.

9. Отклоненные кандидатуры на должности председателей и заместителей председателей судов того же суда могут быть повторно представлены для назначения не ранее чем через год в порядке, установленном настоящей статьей.

10. Председатели, заместители председателей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации назначаются на должность в порядке, определяемом законами соответствующих субъектов Российской Федерации.

11. Полномочия председателей и заместителей председателей судов прекращаются по истечении срока, на который они были назначены.

Указанные полномочия могут быть также досрочно прекращены решением соответствующей квалификационной коллегии судей в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением председателями, заместителями председателей судов своих должностных обязанностей, предусмотренных федеральными конституционными законами и настоящим Законом.

По прекращении полномочий председателя, заместителя председателя суда за ними сохраняются полномочия судьи суда, в котором они замещали должность председателя, заместителя председателя суда.

Полномочия председателей и заместителей председателей судов приостанавливаются либо прекращаются в случае приостановления либо прекращения полномочий указанных лиц в качестве судей соответствующих судов.

В случае если на должность председателя или заместителя председателя суда назначается лицо, не являющееся судьей соответствующего суда, и в данном суде отсутствует вакантная должность судьи, штатная численность судей этого суда

увеличивается на основании заявления председателя или заместителя председателя соответствующего суда, полномочия которого прекращены.

12. Не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока полномочий председателя, заместителя председателя суда, а в случае досрочного прекращения полномочий указанных лиц – не позднее чем через 10 дней со дня открытия вакансии соответствующая квалификационная коллегия судей объявляет об открытии вакансии в средствах массовой информации с указанием времени и места приема заявлений от претендентов на должность председателя или заместителя председателя суда, а также времени и места рассмотрения поступивших заявлений.

13. Председатель, заместитель председателя районного суда вправе обжаловать решение о досрочном прекращении их полномочий в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации в течение 10 дней после получения копии указанного решения. Председатель, заместитель председателя иного федерального суда вправе обжаловать решение о досрочном прекращении их полномочий в Верховный Суд Российской Федерации в течение 10 дней после получения копии указанного решения. Решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации может быть обжаловано в Верховный Суд Российской Федерации в тот же срок.

14. Одно и то же лицо может быть назначено на должность председателя (заместителя председателя) одного и того же суда неоднократно, но не более двух раз подряд.

Статья 6.2. Полномочия председателей и заместителей председателей судов (введена Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ)

1. Председатель суда наряду с осуществлением полномочий судьи соответствующего суда, а также процессуальных полномочий, установленных для председателя суда федеральными конституционными законами и федеральными законами, осуществляет следующие функции:

1) организует работу суда;

2) устанавливает правила внутреннего распорядка суда на основе утверждаемых Советом судей Российской Федерации типовых правил внутреннего распорядка судов и контролирует их выполнение;

3) распределяет обязанности между заместителями председателя, а также в порядке, установленном федеральным законом, – между судьями;

4) организует работу по повышению квалификации судей;

5) осуществляет общее руководство деятельностью аппарата суда, в том числе назначает на должность и освобождает от должности работников аппарата суда, а также распределяет обязанности между ними, принимает решение о поощрении работников аппарата суда либо о привлечении их к дисциплинарной ответственности, организует работу по повышению квалификации работников аппарата суда;

6) регулярно информирует судей и работников аппарата суда о своей деятельности и о деятельности суда;

7) осуществляет иные полномочия по организации работы суда.

2. Заместитель председателя суда наряду с осуществлением полномочий судьи соответствующего суда, а также процессуальных полномочий, установленных для заместителя председателя суда федеральными конституционными законами и федеральными законами, осуществляет полномочия по организации работы суда в соответствии с распределением обязанностей, установленным председателем суда.

3. В случае временного отсутствия председателя суда (болезнь, отпуск, командировка) его полномочия осуществляет первый заместитель председателя суда, при отсутствии первого заместителя – по поручению председателя суда один из заместителей председателя суда, а при отсутствии у председателя суда заместителей – по поручению председателя суда один из судей суда.

4. В случае приостановления либо прекращения полномочий председателя суда, за исключением Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, полномочия председателя суда осуществляет первый заместитель председателя этого суда, при отсутствии первого заместителя – по решению соответственно Председателя Верховного Суда Российской Федерации или Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации один из заместителей председателя соответствующего суда, а при отсутствии у председателя суда заместителей – по решению соответственно Председателя Верховного Суда Российской Федерации или Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации один из судей этого суда.

В случае приостановления либо прекращения полномочий заместителя председателя суда, за исключением заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, полномочия заместителя председателя суда осуществляет по поручению председателя суда другой заместитель председателя

этого суда, а при отсутствии другого заместителя председателя – по поручению председателя суда один из судей этого суда.

Статья 7. Исключена. – Федеральный закон от 21.06.1995 № 91-ФЗ

Статья 7.1. Исполнение обязанностей судьи (введена Федеральным законом от 21.06.1995 № 91-ФЗ)

1. К осуществлению правосудия в качестве судьи, кроме исполнения обязанностей судьи Конституционного Суда Российской Федерации, может быть привлечен с его согласия судья, находящийся в отставке, на срок до одного года в случае наличия вакантной должности судьи, либо в случае временного значительного увеличения объема работы в суде, либо в случае отсутствия судьи или приостановления его полномочий.

2. Привлечение судьи, находящегося в отставке, к исполнению обязанностей судьи производится председателем вышестоящего суда при наличии положительного заключения квалификационной коллегии судей.

Статья 8. Присяга судьи

1. Судья, впервые избранный на должность, приносит в торжественной обстановке присягу следующего содержания:

«Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть».

2. Судьи Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации приносят присягу на собраниях судей этих судов. Судьи других судов приносят присягу на съездах (конференциях) либо на собраниях судей.

3. Присяга приносится судьей перед Государственным флагом Российской Федерации, а в соответствующих случаях также и перед государственным флагом республики в составе Российской Федерации.

Статья 9. Гарантии независимости судьи

1. Независимость судьи обеспечивается:

предусмотренной законом процедурой осуществления правосудия; запретом, под угрозой ответственности, чьего бы то

ни было вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия;

установленным порядком приостановления и прекращения полномочий судьи;

правом судьи на отставку;

неприкосновенностью судьи;

системой органов судейского сообщества;

предоставлением судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу.

2. Судья, члены его семьи и их имущество находятся под особой защитой государства. Органы внутренних дел обязаны принять необходимые меры к обеспечению безопасности судьи, членов его семьи, сохранности принадлежащего им имущества, если от судьи поступит соответствующее заявление.

Судья имеет право на хранение и ношение служебного огнестрельного оружия, которое выдается ему органами внутренних дел по его заявлению в порядке, предусмотренном Законом Российской Федерации «Об оружии» (абзац введен Федеральным законом от 21.06.1995 № 91-ФЗ)

3. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации и его органы в субъектах Российской Федерации осуществляют меры по созданию условий, необходимых для судебной деятельности судов общей юрисдикции и военных судов, а также по ее кадровому, организационному и ресурсному обеспечению. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации осуществляет меры по созданию условий, необходимых для деятельности арбитражных судов (в ред. Федеральный законов от 21.06.1995 № 91-ФЗ, от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

4. Гарантии независимости судьи, включая меры его правовой защиты, материального и социального обеспечения, предусмотренные настоящим Законом, распространяются на всех судей в Российской Федерации и не могут быть отменены и снижены иными нормативными актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

Статья 10. Недопустимость вмешательства в деятельность судьи

1. Всякое вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия преследуется по закону.

2. Судья не обязан давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в производстве дел, а также

представлять их кому бы то ни было для ознакомления, иначе как в случаях и порядке, предусмотренных процессуальным законом.

Статья 11. Срок полномочий судьи (в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ)

1. Полномочия судьи в Российской Федерации не ограничены определенным сроком, за исключением случаев, предусмотренных федеральными конституционными законами и настоящим Законом.

Изменения, внесенные Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ в статью 11 в части введения предельного возраста пребывания в должности судьи, вступают в силу через три года после его вступления в силу.

Предельный возраст пребывания в должности судьи, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, – 65 лет.

2. Судья федерального суда, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, в первый раз назначается на должность сроком на три года, по истечении которого он может быть назначен на ту же должность без ограничения срока полномочий до достижения им предельного возраста пребывания в должности судьи.

3. Мировой судья назначается (избирается) на должность на срок, установленный законом соответствующего субъекта Российской Федерации, но не более чем на пять лет. При повторном и последующих назначениях (избраниях) мировой судья назначается (избирается) на срок, устанавливаемый законом соответствующего субъекта Российской Федерации, но не менее чем на пять лет.

4. Срок полномочий судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации устанавливается законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

5. Судья считается вступившим в должность с момента принесения им присяги, а при вступлении в должность судьи лица, ранее приносившего присягу, – со дня его назначения (избрания) на должность судьи.

6. Полномочия судьи прекращаются:

в последний день месяца, в котором истекает срок его полномочий, если этот срок установлен законом;

в последний день месяца, в котором он достигает возраста, установленного пунктом 1 настоящей статьи;

на следующий день после вступления в силу решения квалификационной коллегии судей о досрочном прекращении полномочий судьи.

Судья, полномочия которого прекращены в связи с истечением их срока или в связи с достижением предельного возраста, продолжает осуществлять полномочия судьи до вступления в должность нового судьи или до окончания рассмотрения по существу дела, начатого с участием данного судьи.

Статья 12. Несменяемость судьи

Судья несменяем. Он не подлежит переводу на другую должность или в другой суд без его согласия, и его полномочия могут быть прекращены или приостановлены не иначе как по основаниям и в порядке, установленном настоящим Законом.

Статья 12.1. Дисциплинарная ответственность судей (введена Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ)

1. За совершение дисциплинарного проступка (нарушение норм настоящего Закона, а также положений кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей) на судью, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде:

предупреждения;

досрочного прекращения полномочий судьи.

Решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания принимается квалификационной коллегией судей, к компетенции которой относится рассмотрение вопроса о прекращении полномочий этого судьи на момент принятия решения.

Порядок привлечения к дисциплинарной ответственности судей Конституционного Суда Российской Федерации определяется Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации».

2. Если в течение года после наложения дисциплинарного взыскания судья не совершил нового дисциплинарного проступка, то он считается не привлекавшимся к дисциплинарной ответственности.

Статья 13. Приостановление полномочий судьи (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ)

1. Полномочия судьи приостанавливаются решением квалификационной коллегии судей при наличии одного из следующих оснований:

1) признание судьи безвестно отсутствующим решением суда, вступившим в законную силу;

2) возбуждение уголовного дела в отношении судьи либо привлечение его в качестве обвиняемого по другому уголовному делу (пп. 2 в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ);

3) участие судьи в предвыборной кампании в качестве кандидата в состав органа законодательной (представительной) власти Российской Федерации или органа законодательной (представительной) власти субъекта Российской Федерации;

4) избрание судьи в состав органа законодательной (представительной) власти Российской Федерации или органа законодательной (представительной) власти субъекта Российской Федерации.

2. Исключен. – Федеральный закон от 15.12.2001 № 169-ФЗ.

2. Приостановление полномочий судьи, за исключением случая, когда ему в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, не влечет за собой прекращение выплаты судье, а если он признан безвестно отсутствующим – его семье заработной платы или уменьшение ее размера. Приостановление полномочий судьи, за исключением случая избрания ему в качестве меры пресечения заключения под стражу, не влечет за собой снижение уровня иных видов материального и социального обеспечения судьи и не лишает его гарантий неприкосновенности, установленных настоящим Законом.

3. Решение о возобновлении полномочий судьи принимает квалификационная коллегия судей, приостановившая его полномочия.

Статья 14. Прекращение полномочий судьи (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ)

1. Полномочия судьи прекращаются по следующим основаниям:

1) письменное заявление судьи об отставке;

2) неспособность по состоянию здоровья или по иным уважительным причинам осуществлять полномочия судьи (пп. 2 в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ);

3) письменное заявление судьи о прекращении его полномочий в связи с переходом на другую работу или по иным причинам;

Об отказе в рассмотрении жалобы о признании не

соответствующим Конституции РФ подпункта 4 пункта 1 статьи 14 см. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000;

4) истечение срока полномочий судьи, если они были ограничены определенным сроком;

5) увольнение судьи военного суда с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе;

6) прекращение гражданства Российской Федерации;

7) занятие деятельностью, не совместимой с должностью судьи;

8) вступление в законную силу обвинительного приговора суда в отношении судьи либо судебного решения о применении к нему принудительных мер медицинского характера;

9) исключен. – Федеральный закон от 15.12.2001 № 169-ФЗ;

9) вступление в законную силу решения суда об ограничении дееспособности судьи либо о признании его недееспособным;

10) смерть судьи или вступление в законную силу решения суда об объявлении его умершим;

11) отказ судьи от перевода в другой суд в связи с упразднением или реорганизацией суда;

12) достижение предельного возраста пребывания в должности судьи (пп. 12 введен Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

2. Полномочия судьи могут быть прекращены досрочно по основаниям, предусмотренным подпунктами 1–3, 6-11 пункта 1 настоящей статьи (п. 2 в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

3. В случае отмены решения квалификационной коллегии судей о прекращении полномочий судьи или отмены состоявшегося о нем обвинительного приговора суда либо судебного решения, указанного в подпункте 8 пункта 1 настоящей статьи, судья подлежит восстановлению в прежней должности с выплатой причитающейся ему заработной платы.

Статья 15. Отставка судьи

Действие статьи 15 (за исключением пункта 3) распространено на судей, ушедших на пенсию с этой должности, независимо от времени ухода на пенсию (Федеральный закон от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

1. Отставкой судьи по смыслу настоящего Закона признается почетный уход или почетное удаление судьи с должности. За лицом, пребывающим в отставке, сохраняются звание судьи, гарантии личной неприкосновенности и принадлежность к

судейскому сообществу.

2. Каждый судья имеет право на отставку по собственному желанию независимо от возраста. Судья считается ушедшим или удаленным в отставку, если его полномочия прекращены по основаниям, предусмотренным подпунктами 1, 2, 4, 5, 9, 11 и 12 пункта 1 статьи 14 настоящего Закона (в ред. Федеральных законов от 21.06.1995 № 91-ФЗ, от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

Время работы в должности судьи в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях засчитывается в стаж работы судьи в полуторном размере (абзац введен Федеральным законом от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

О порядке исчисления размера выходного пособия, указанного в пункте 3 статьи 15, см. Постановление ВС РФ от 20.05.1993 № 4994-1.

3. Ушедшему или удаленному в отставку судье выплачивается выходное пособие из расчета месячной заработной платы по последней должности за каждый полный год работы судьей, но не менее шестикратного размера месячной заработной платы по оставляемой должности. При этом судье, ранее уходившему или удалявшемуся в отставку, учитывается лишь время работы судьей, прошедшее с момента прекращения последней отставки.

4. За судьей после ухода или удаления его в отставку сохраняется право на бесплатный проезд в общественном транспорте, а также иные права, предусмотренные для этой категории судей действующим законодательством Российской Федерации.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 19.02.2002 № 5-П пункт 5 признан не противоречащим Конституции РФ.

Действие абзаца первого пункта 5 статьи 15 распространено на судей, переведенных на работу в государственные организации и ушедших на пенсию с этой работы, а также на лиц, работавших на должности государственного арбитра и ушедших на пенсию с этой должности (Федеральный закон от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

Постановлением ВС РФ от 20.05.1993 № 4994-1 разъяснено, что судьям, пребывающим в отставке, пожизненное содержание выплачивается в суде по последнему месту их работы либо в суде по месту их жительства.

О порядке исчисления размера ежемесячного пожизненного содержания, указанного в пункте 5 статьи 15, см. Постановление ВС РФ от 20.05.1993 № 4994-1.

5. Пребывающему в отставке судье выплачивается пенсия на общих основаниях. Пребывающему в отставке судье, имеющему стаж работы в должности судьи не менее 20 лет, выплачивается

по его выбору пенсия на общих основаниях или не облагаемое налогом ежемесячное пожизненное содержание в размере восьмидесяти процентов заработной платы работающего по соответствующей должности судьи. Пребывающему в отставке судье, имеющему стаж работы в должности судьи менее 20 лет и достигшему возраста 55 (для женщин – 50) лет, размер ежемесячного пожизненного содержания исчисляется пропорционально количеству полных лет, отработанных в должности судьи.

Пребывающему в отставке судье, имеющему стаж работы в этой должности более 20 лет, ежемесячное пожизненное содержание увеличивается из расчета: за каждый год стажа работы свыше 20 лет – один процент указанного содержания, но всего не более 85 процентов заработной платы занимающего соответствующую должность судьи (абзац введен Федеральным законом от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

Действие абзаца третьего пункта 5 статьи 15 распространено на судей, переведенных на работу в государственные организации и ушедших на пенсию с этой работы, а также на лиц, работавших на должности государственного арбитра и ушедших на пенсию с этой должности (Федеральный закон от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

Пребывающие в отставке судьи, ставшие инвалидами вследствие военной травмы, имеют право на получение ежемесячного пожизненного содержания и пенсии по инвалидности. (абзац введен Федеральным законом от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

6. Судья считается пребывающим в отставке до тех пор, пока соблюдает требования, предусмотренные пунктом 3 статьи 3 настоящего Закона, сохраняет гражданство Российской Федерации и не допускает поступков, его порочащих и тем самым умаляющих авторитет судебной власти.

7. Квалификационная коллегия судей по месту прежней работы или постоянного жительства пребывающего в отставке судьи, установив, что он более не отвечает требованиям, предъявляемым к судьям настоящим Законом, прекращает отставку судьи. Судья, отставка которого прекращена, вправе обжаловать это решение в порядке, предусмотренном пунктом 2 статьи 14 настоящего Закона. (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

8. Отставка судьи прекращается также в случае повторного избрания его на должность судьи.

9. Судья, отставка которого прекращена, имеет право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Статья 16. Неприкосновенность судьи (в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ)

1. Судья неприкосновенен. Неприкосновенность судьи включает в себя неприкосновенность личности, неприкосновенность занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений).

2. Судья, в том числе по истечении срока его полномочий, не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 07.03.1996 № 6-П пункт 3 статьи 16 признан не противоречащим Конституции РФ.

3. Решение по вопросу о возбуждении уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по другому уголовному делу принимается:

в отношении судьи Конституционного Суда Российской Федерации – Генеральным прокурором Российской Федерации на основании заключения судебной коллегии в составе трех судей Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях судьи признаков преступления и с согласия Конституционного Суда Российской Федерации;

в отношении судьи Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда, федерального арбитражного суда – Генеральным прокурором Российской Федерации на основании заключения судебной коллегии в составе трех судей Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях судьи признаков преступления и с согласия Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации;

в отношении судьи иного суда – Генеральным прокурором Российской Федерации на основании заключения судебной

коллегии в составе трех судей соответственно верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа о наличии в действиях судьи признаков преступления и с согласия квалификационной коллегии судей соответствующего субъекта Российской Федерации.

Заключение судебной коллегии о наличии в действиях судьи признаков преступления принимается в 10-дневный срок после поступления в суд соответствующего представления Генерального прокурора Российской Федерации с участием уполномоченного им прокурора, а также судьи и (или) его адвоката на основании представленных в суд материалов.

Мотивированное решение Конституционного Суда Российской Федерации либо квалификационной коллегии судей по вопросу о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по уголовному делу принимается в 10-дневный срок после поступления представления Генерального прокурора Российской Федерации и заключения судебной коллегии о наличии в действиях судьи признаков преступления.

Изменение в ходе расследования уголовного дела квалификации состава преступления, которое может повлечь ухудшение положения судьи, допускается только в порядке, установленном настоящей статьей для принятия решения о возбуждении уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по уголовному делу.

4. Решение по вопросу о привлечении судьи к административной ответственности принимается:

в отношении судьи Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда, федерального арбитражного суда – судебной коллегией в составе трех судей Верховного Суда Российской Федерации по представлению Генерального прокурора Российской Федерации;

в отношении судьи иного суда – судебной коллегией в составе трех судей соответственно верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа по представлению Генерального прокурора Российской Федерации.

Решение по вопросу о привлечении судьи к административной ответственности принимается в 10-дневный

срок после поступления представления Генерального прокурора Российской Федерации.

5. Судья, задержанный по подозрению в совершении преступления или по иному основанию либо принудительно доставленный в любой государственный орган, если личность этого судьи не могла быть известна в момент задержания, после установления его личности подлежит немедленному освобождению.

Личный досмотр судьи не допускается, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом в целях обеспечения безопасности других людей.

6. Решение об избрании в отношении судьи в качестве меры пресечения заключения под стражу принимается:

в отношении судьи Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда, федерального арбитражного суда – судебной коллегией в составе трех судей Верховного Суда Российской Федерации по ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации;

в отношении судьи иного суда – судебной коллегией в составе трех судей соответственно верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа по ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации.

Заключение судьи под стражу производится с согласия соответственно Конституционного Суда Российской Федерации либо соответствующей квалификационной коллегии судей. Соответствующее представление в Конституционный Суд Российской Федерации или квалификационную коллегию судей вносит Генеральный прокурор Российской Федерации.

Мотивированное решение Конституционного Суда Российской Федерации либо соответствующей квалификационной коллегии судей о даче согласия на избрание в отношении судьи в качестве меры пресечения заключения под стражу принимается не позднее чем через пять дней со дня поступления представления Генерального прокурора Российской Федерации и соответствующего судебного решения.

7. Осуществление в отношении судьи оперативно-розыскных мероприятий, а также следственных действий (если в отношении судьи не возбуждено уголовное дело либо он не привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу), связанных с

ограничением его гражданских прав либо с нарушением его неприкосновенности, определенной Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами, допускается не иначе как на основании решения, принимаемого:

в отношении судьи Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда, федерального арбитражного суда – судебной коллегией в составе трех судей Верховного Суда Российской Федерации;

в отношении судьи иного суда – судебной коллегией в составе трех судей соответственно верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа.

После возбуждения уголовного дела в отношении судьи либо привлечения его в качестве обвиняемого по уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия в отношении судьи (кроме заключения его под стражу) производятся в порядке, установленном федеральным уголовно-процессуальным законом и федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности.

8. При рассмотрении вопросов о возбуждении уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении его в качестве обвиняемого по уголовному делу, о привлечении судьи к административной ответственности, о производстве в отношении судьи оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий суд либо квалификационная коллегия судей, установив, что производство указанных мероприятий или действий обусловлено позицией, занимаемой судьей при осуществлении им судейских полномочий, отказывают в даче согласия на производство указанных мероприятий или действий.

9. Составы судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа для принятия заключений и решений, предусмотренных пунктами 3, 4, 6 и 7 настоящей статьи, ежегодно утверждаются соответственно Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации или квалификационной коллегией судей субъекта Российской Федерации.

10. Заключения и решения, предусмотренные пунктами 3, 4,

6 и 7 настоящей статьи, могут быть обжалованы в порядке, установленном федеральным законом.

11. Уголовное дело в отношении судьи по его ходатайству, заявленному до начала судебного разбирательства, рассматривается Верховным Судом Российской Федерации.

12. Решения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации, принятые в соответствии с пунктом 8 статьи 5, пунктом 1 статьи 12, пунктом 1 статьи 13 и пунктом 1 статьи 14, могут быть обжалованы соответственно в Верховный Суд Российской Федерации, верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа в течение 10 дней после получения копий указанных решений.

Статья 17

Исключена. – Федеральный закон от 15.12.2001 № 169-ФЗ.

Статья 18

Исключена. – Федеральный закон от 15.12.2001 № 169-ФЗ.

Статья 19. Материальное обеспечение судей

О порядке исчисления размера выходного и единовременного пособия и пожизненного содержания см. Постановление ВС РФ от 20.05.1993 № 4994-1.

1. Заработная плата судьи (денежное содержание судьи военного суда) состоит из должностного оклада, а для военных судей – и оклада по воинскому званию, доплат за квалификационный класс, выслугу лет и 50-процентной доплаты к должностному окладу за особые условия труда, которые не могут быть уменьшены. Судье производятся также иные выплаты, предусмотренные законами и другими нормативными правовыми актами. Размеры доплат за квалификационные классы и выслугу лет судей устанавливаются федеральным законом. Размеры должностных окладов судей устанавливаются в соответствии с их должностью в процентном отношении к определяемому Федеральным законом должностному окладу Председателя Верховного Суда Российской Федерации и Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и не могут быть менее пятидесяти процентов их оклада. Должностной оклад судьи не может быть менее восьмидесяти процентов должностного оклада

председателя соответствующего суда. (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы о признании не соответствующим Конституции РФ абзаца второго пункта 1 статьи 19 см. определение Конституционного Суда РФ от 15.11.2001 № 243-О.

Судья, достигший возраста 60 лет (женщины – 55 лет), при стаже работы по юридической профессии не менее 25 лет, в том числе не менее 10 лет работы судьей, вправе, уйдя в отставку, получать ежемесячное пожизненное содержание в полном размере. В стаж работы, учитываемый при исчислении размера ежемесячного пожизненного содержания, включается время работы как в должности судьи, так и в должностях по юридической профессии в государственных организациях, для замещения которых необходимо высшее юридическое образование, а также время работы адвокатом до назначения его на должность судьи (абзац введен Федеральным законом от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

Судьям, проработавшим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях соответственно не менее 15 и 20 календарных лет и ушедшим (удаленным) в отставку, ежемесячное пожизненное содержание назначается и выплачивается с учетом районного коэффициента к заработной плате независимо от их места жительства и времени обращения за указанным содержанием (абзац введен Федеральным законом от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

Судьи, имеющие ученую степень кандидата юридических наук или ученое звание доцента, получают доплату в размере пяти процентов от должностного оклада, а судьи, имеющие ученую степень доктора юридических наук или ученое звание профессора, – 10 процентов от должностного оклада. Судьи, имеющие почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации», получают доплату в размере 10 процентов от должностного оклада. На указанные доплаты имеют право и судьи, пребывающие в отставке, а также работники судов, имеющие классные чины. При этом размер ежемесячного пожизненного содержания с учетом указанных доплат, а также доплаты, предусмотренной абзацем вторым пункта 5 статьи 15 настоящего Закона, не может превышать 85 процентов заработной платы занимающего соответствующую должность судьи (абзац введен Федеральным законом от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

2. Судьям предоставляются ежегодные оплачиваемые отпуска продолжительностью 30 рабочих дней.

Судьям, работающим в районах Крайнего Севера, ежегодные

оплачиваемые отпуска предоставляются продолжительностью 51 рабочий день, а в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, и в местностях с тяжелыми и неблагоприятными климатическими условиями, где установлены коэффициенты к заработной плате, – 45 рабочих дней.

Судье предоставляется ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск с учетом стажа его работы по юридической профессии:

от 5 до 10 лет – 5 рабочих дней;

от 10 до 15 лет – 10 рабочих дней;

свыше 15 лет – 15 рабочих дней.

О порядке оплаты судьям проезда к месту отдыха и обратно см. Постановление ВС РФ от 20.05.1993 № 4994-1.

Время следования судьи к месту отдыха и обратно в срок отпуска не засчитывается. Стоимость проезда к месту отдыха и обратно подлежит оплате.

Порядок определения стажа работы для предоставления ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска устанавливается Верховным Судом Российской Федерации, Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации и Министерством юстиции Российской Федерации (п. 2 в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы о признании не соответствующим Конституции РФ пункта 3 статьи 19 см. Определение Конституционного Суда РФ от 09.04.2003 № 132-О.

Постановлением ВС РФ от 20.05.1993 № 4994-1 разъяснено, что под необходимостью улучшения жилищных условий судьи следует понимать необеспеченность судьи жилой площадью по социальным нормам, установленным для данной местности, или проживание судьи в коммунальной квартире.

3. Местная администрация обязана не позднее шести месяцев после наделения судьи полномочиями и (или) в случае необходимости улучшения его жилищных условий предоставить ему во внеочередном порядке по месту нахождения суда благоустроенное жилое помещение в виде отдельной квартиры или дома с учетом права судьи на дополнительную жилую площадь в размере не менее 20 кв. м или в виде отдельной комнаты. Указанное жилое помещение предоставляется судье за счет средств местного бюджета с последующей компенсацией из федерального бюджета в срок не более шести месяцев либо приобретается судом за счет средств федерального бюджета, выделяемых суду на эти цели. При этом нуждающимся в улучшении жилищных условий признается судья, не обеспеченный жилой площадью по социальным нормам,

установленным Жилищным кодексом РСФСР и настоящим Законом, или проживающий в коммунальной квартире. Жилое помещение передается в собственность судьи бесплатно (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

С согласия судьи вместо предоставления жилого помещения ему выдается из средств федерального бюджета беспроцентная ссуда на приобретение или строительство жилья, которая погашается при условии 10 лет его работы в должности судьи (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

Во внеочередном порядке в течение трех месяцев должны также решаться вопросы установки домашнего телефона и предоставления мест в детских дошкольных учреждениях с оплатой за счет местного бюджета (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

4. Судья, ушедший или удаленный в отставку со стажем работы в должности судьи не менее 20 лет либо ставший инвалидом в период работы и пожелавший переехать на постоянное место жительства в другую местность, обеспечивается во внеочередном порядке местной администрацией благоустроенным жильем в виде отдельной квартиры или дома за счет федерального бюджета. Ему предоставляется возможность внеочередного вступления в члены жилищностроительного кооператива, оказывается содействие в индивидуальном жилищном строительстве.

За судьей, находящимся в отставке, сохраняется право на пользование предоставленной ему дополнительной жилой площадью, указанной в пункте 3 настоящей статьи (абзац введен Федеральным законом от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

Действие пункта 5 распространено на судей, ушедших на пенсию с этой должности, независимо от времени ухода на пенсию (Федеральный закон от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

5. Судья и члены его семьи имеют право на медицинское обслуживание, включая обеспечение лекарственными средствами, которое оплачивается за счет средств федерального бюджета. Они также имеют право на санаторно-курортное лечение, которое судье, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям оплачивается за счет средств федерального бюджета. Эти права сохраняются за судьей и после ухода (удаления) его в отставку или на пенсию. При этом медицинское обслуживание находящегося в отставке или на пенсии судьи и членов его семьи производится за счет средств федерального бюджета в тех же лечебных учреждениях, в которых они состояли на учете (п. 5 в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

О порядке исчисления размера единовременного пособия,

указанного в пункте 6 статьи 19, см. Постановление ВС РФ от 20.05.1993 № 4994-1.

6. В случае прекращения полномочий судьи по основаниям, предусмотренным подпунктом 10 пункта 1 статьи 14 настоящего Закона, его семье выплачивается единовременное пособие из расчета его месячной заработной платы по последней должности за каждый полный год работы судьей, но не менее его годовой заработной платы (в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

В случае упразднения или реорганизации суда судья может быть с его согласия переведен в другой суд. За время, в течение которого оформляется перевод, за судьей сохраняется заработная плата. В случае отказа судьи от перевода он имеет право на выход в отставку на общих основаниях. В этом случае ему также выплачивается компенсация в размере годовой заработной платы по последней должности (п. 6 в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

Действие пункта 7 распространено на судей, ушедших на пенсию с этой должности, независимо от времени ухода на пенсию (Федеральный закон от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

7. Судья имеет право по служебному удостоверению бесплатно пользоваться на территории Российской Федерации всеми видами общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщения (кроме такси). Судья также пользуется правом бронирования и получения вне очереди мест в гостиницах и приобретения проездных документов на все виды транспорта.

8. Судьи и имеющие классные чины работники судов обеспечиваются бесплатным служебным обмундированием по нормам, определяемым Правительством Российской Федерации.

Статья 20. Меры социальной защиты судьи и членов его семьи

1. Жизнь, здоровье и имущество судьи подлежат обязательному государственному страхованию за счет средств федерального бюджета. При этом жизнь и здоровье судьи подлежат страхованию на сумму его пятнадцатилетней заработной платы (п. 1 в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

2. Органы государственного страхования выплачивают страховые суммы в случаях:

гибели (смерти) судьи в период работы либо после увольнения с должности, если она наступила вследствие

телесных повреждений или иного повреждения здоровья, – его наследникам в размере пятнадцатилетней заработной платы судьи (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ);

причинения судье увечья или иного повреждения здоровья, исключающих дальнейшую возможность заниматься профессиональной деятельностью, – в размере трехлетней заработной платы судьи (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ);

причинения судье телесных повреждений или иного повреждения здоровья, не повлекших стойкой утраты трудоспособности, которые бы исключали дальнейшую возможность заниматься профессиональной деятельностью, – в размере годовой заработной платы судьи (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

3. В случае причинения судье увечья или иного повреждения здоровья, исключающих дальнейшую возможность заниматься профессиональной деятельностью, ему ежемесячно выплачивается возмещение в виде заработной платы занимающего соответствующую должность судьи.

При этом пенсия по инвалидности, назначенная судье в связи с увечьем, а равно другие виды пенсий, назначенные как до, так и после увечья, в счет возмещения вреда не засчитываются. Также не засчитываются в счет возмещения вреда заработок, получаемый потерпевшим судьей после увечья, а также выплаты, полученные им по обязательному государственному страхованию (п. 3 в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

Постановлением ВС РФ от 20.05.1993 № 4994-1 разъяснено, что к членам семьи судьи относятся супруг(а), родители и дети, проживающие с ним и ведущие общее хозяйство.

4. В случае гибели (смерти) судьи нетрудоспособным членам его семьи, находившимся на его иждивении, ежемесячно выплачивается возмещение в размере заработной платы занимающего соответствующую должность судьи за вычетом доли, приходившейся на самого судью, без зачета выплат по обязательному государственному страхованию, пенсии по случаю потери кормильца, а равно иных пенсий, заработков, стипендий и других доходов.

Указанный порядок выплаты применяется и в случае гибели (смерти) пребывавшего в отставке судьи, членам семьи которого, находившимся на его иждивении, ежемесячно выплачивается возмещение исходя из размера назначенного судье пожизненного содержания (п. 4 в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

5. Ущерб, причиненный уничтожением или повреждением

имущества, принадлежащего судье или членам его семьи, подлежит возмещению ему или членам его семьи в полном объеме (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

6. Выплаты по возмещению вреда, предусмотренные пунктами 3, 4 и 5 настоящей статьи, производятся за счет федерального бюджета.

7. Правила, содержащиеся в пунктах 2, 3, 4 и 5 настоящей статьи, не применяются, если в предусмотренном законом порядке будет установлено, что причинение вреда судье и членам его семьи не связано со служебной деятельностью судьи (п. 7 введен Федеральным законом от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

Статья 20.1. Поддержание уровня квалификации, необходимого для осуществления полномочий судьи (введена Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ)

1. В целях поддержания уровня квалификации, необходимого для осуществления судейских полномочий, судья имеет право на повышение квалификации один раз в три года в учреждениях высшего профессионального и послевузовского профессионального образования с сохранением денежного содержания на период обучения.

2. Повышение квалификации организуется соответственно Верховным Судом Российской Федерации и Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации и осуществляется для судей федеральных судов за счет средств федерального бюджета, а для мировых судей – за счет средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации.

Статья 21. Символы судебной власти

1. На здании суда устанавливается Государственный флаг Российской Федерации, а в зале судебных заседаний помещаются изображение Государственного герба Российской Федерации и Государственный флаг Российской Федерации.

2. При осуществлении правосудия судьи облачаются в мантии (п. 2 в ред. Федерального закона от 21.06.1995 № 91-ФЗ).

3. Судьям федеральных судов удостоверения судьи подписываются Президентом Российской Федерации и выдаются в порядке, установленном Президентом Российской Федерации.

Судьям конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и мировым судьям удостоверения судьи подписываются и выдаются в порядке, установленном законами

субъектов Российской Федерации.

Судьям, пребывающим в отставке, удостоверения судьи подписываются и выдаются председателем суда, в котором они работали в качестве судьи непосредственно перед уходом в отставку (п. 3 в ред. Федерального закона от 15.12.2001 № 169-ФЗ).

Статья 22. Действие законодательства Российской Федерации о труде в отношении судей (введена Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ)

Законодательство Российской Федерации о труде распространяется на судей в части, не урегулированной настоящим Законом.

Президент Российской Федерации Б. ЕЛЬЦИН Москва, Дом Советов России 26 июня 1992 года № 3132-1

14 марта 2002 года № 30-ФЗ

Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»

Принят
Государственной Думой 15 февраля 2002 года
Одобрен Советом Федерации 27 февраля 2002 года
(в ред. Федеральных законов от 04.07.2003 № 96-ФЗ, от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

Глава I. Судейское сообщество в Российской Федерации и органы судейского сообщества

Статья 1. Судейское сообщество в Российской Федерации

Судейское сообщество в Российской Федерации (далее – судейское сообщество) образуют судьи федеральных судов всех видов

и уровней, судьи судов субъектов Российской Федерации, составляющих судебную систему Российской Федерации.

Статья 2. Судья – член судейского сообщества

1. Судьи федеральных судов и судов субъектов Российской Федерации являются членами судейского сообщества с момента принесения ими присяги судьи и до момента вступления в силу решения о прекращении полномочий судьи, за исключением случая прекращения полномочий в связи с почетным уходом или почетным удалением судьи в отставку.

2. Судья, пребывающий в отставке, сохраняет свою принадлежность к судейскому сообществу до прекращения отставки и может привлекаться с его согласия к работе в органах судейского сообщества. Судья, пребывающий в отставке, не вправе избирать членов квалификационных коллегий судей и быть избранным в состав квалификационных коллегий судей от судейского сообщества.

Статья 3. Органы судейского сообщества

1. Органы судейского сообщества формируются и действуют в

соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами для выражения интересов судей как носителей судебной власти.

2. Органами судейского сообщества в Российской Федерации являются:

Всероссийский съезд судей;

конференции судей субъектов Российской Федерации;

Совет судей Российской Федерации;

советы судей субъектов Российской Федерации;

общие собрания судей судов;

Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации;

квалификационные коллегии судей субъектов Российской Федерации.

3. Деятельность органов судейского сообщества регулируется актами (регламентами, положениями), принимаемыми этими органами.

Статья 4. Основные задачи органов судейского сообщества

Основными задачами органов судейского сообщества являются:

1) содействие в совершенствовании судебной системы и судопроизводства;

2) защита прав и законных интересов судей;

3) участие в организационном, кадровом и ресурсном обеспечении судебной деятельности;

4) утверждение авторитета судебной власти, обеспечение выполнения судьями требований, предъявляемых кодексом судейской этики.

Статья 5. Принципы организации и деятельности органов судейского сообщества

1. Органы судейского сообщества осуществляют свою деятельность коллегиально, гласно, при неукоснительном соблюдении принципов независимости судей и невмешательства в судебную деятельность.

2. Советы судей и квалификационные коллегии судей организуются на принципах выборности, сменяемости и подотчетности органам, их избравшим. Квалификационные коллегии судей не подотчетны органам, их избравшим, за принятые решения.

Статья 6. Всероссийский съезд судей

1. Всероссийский съезд судей (далее также – съезд) является высшим органом судейского сообщества.

Съезд правомочен принимать решения по всем вопросам, относящимся к деятельности судейского сообщества, за исключением вопросов, относящихся к полномочиям квалификационных коллегий судей, а также правомочен утверждать кодекс судейской этики и акты, регулирующие деятельность судейского сообщества. Решения съезда принимаются простым большинством голосов, если съездом не устанавливается иной порядок принятия решений.

2. Делегаты на съезд избираются по следующим нормам представительства:

от судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации – по десять судей;

от судей каждого федерального арбитражного суда округа – по два судьи;

от судей каждого арбитражного апелляционного суда – по два судьи;

от судей каждого верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа – по одному судье, а также дополнительно по одному судье от каждых 50 судей каждого верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа;

от судей каждого арбитражного суда субъекта Российской Федерации – по одному судье, а также дополнительно по одному судье от каждых 30 судей каждого арбитражного суда субъекта Российской Федерации;

от судей каждого окружного (флотского) военного суда – по два судьи;

от судей гарнизонных военных судов – по одному судье от каждого субъекта Российской Федерации, на территории которого действуют гарнизонные военные суды;

от судей районных судов – по одному судье от каждого субъекта Российской Федерации, а также дополнительно по одному судье от каждых 100 судей районных судов, действующих на территории субъекта Российской Федерации;

от мировых судей – по одному судье от каждого субъекта Российской Федерации;

от судей каждого конституционного (уставного) суда

субъекта Российской Федерации – по одному судье.

(п. 2 в ред. Федерального закона от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

3. Делегаты на съезд от судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, федеральных арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, окружных (флотских) военных судов избираются на общих собраниях судей этих судов, а делегаты от судей иных судов – на конференциях судей субъектов Российской Федерации.

(в ред. Федерального закона от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

Съезд созывается один раз в четыре года Советом судей Российской Федерации. Внеочередной съезд должен быть созван, если решение об этом принято конференциями судей не менее чем в половине субъектов Российской Федерации.

Съезд считается правомочным, если в его работе принимают участие более половины избранных делегатов.

Председательствует на съезде председатель Совета судей Российской Федерации.

Статья 7. Конференции судей субъектов Российской Федерации

1. Конференции судей субъектов Российской Федерации (далее также – конференции судей) представляют судей верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономных округов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, а также мировых судей, судей районных судов и гарнизонных военных судов, действующих на территориях соответствующих субъектов Российской Федерации.

Конференции судей правомочны принимать решения по всем вопросам, относящимся к деятельности судейского сообщества в субъектах Российской Федерации, за исключением вопросов, относящихся к полномочиям квалификационных коллегий судей, а также правомочны утверждать акты, регулирующие деятельность органов судейского сообщества в субъектах Российской Федерации. Решения конференций судей принимаются простым большинством голосов, если конференциями не устанавливается иной порядок принятия решений.

2. Конференции судей созываются советом судей соответствующего субъекта Российской Федерации по мере

необходимости, но не реже одного раза в два года.

Порядок избрания делегатов на первую после вступления в силу настоящего Федерального закона конференцию судей и нормы их представительства от соответствующих судов утверждаются советом судей соответствующего субъекта Российской Федерации, на последующие конференции судей – конференцией судей.

Делегаты на конференции судей избираются с учетом необходимости представительства на них судей соответственно от верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономных округов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, а также от мировых судей, судей районных судов и судей гарнизонных военных судов, действующих на территориях соответствующих субъектов Российской Федерации.

Председательствует на конференции судей председатель совета судей соответствующего субъекта Российской Федерации.

Статья 8. Формирование советов судей

1. Совет судей Российской Федерации формируется Всероссийским съездом судей из числа судей федеральных судов, а также судей судов субъектов Российской Федерации.

В Совете судей Российской Федерации устанавливаются следующие нормы представительства:

от судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации – по два судьи;

от судей федеральных арбитражных судов округов – два судьи; от судей арбитражных апелляционных судов – два судьи; от судей верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономных округов – пять судей;

от судей арбитражных судов субъектов Российской Федерации – восемь судей;

от судей окружных (флотских) военных судов – два судьи; от судей гарнизонных военных судов – три судьи; от судей районных судов – восемь судей; от мировых судей – пять судей;

от судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации – три судьи;

от каждого субъекта Российской Федерации – по одному судье, избираемому съездом по представлению соответствующей

конференции судей субъекта Российской Федерации.

(п. 1 в ред. Федерального закона от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

2. Члены Совета судей Российской Федерации, представляющие судей судов всех видов и уровней, избираются тайным голосованием делегатами съезда от соответствующих судов из своего состава на раздельных собраниях делегатов. Избранными считаются судьи, получившие на раздельных собраниях делегатов наибольшее число голосов делегатов съезда, принявших участие в голосовании, при условии, что в голосовании принимали участие более половины делегатов съезда от соответствующих судов.

Члены Совета судей Российской Федерации, представляемые конференциями судей, избираются тайным голосованием делегатами съезда. Избранными считаются судьи, получившие большинство голосов делегатов съезда, принявших участие в голосовании.

3. Совет судей Российской Федерации избирает из своего состава подотчетных ему председателя Совета судей Российской Федерации и его заместителей.

Член Совета судей Российской Федерации не может быть избран на должность председателя Совета судей Российской Федерации или заместителя председателя Совета судей Российской Федерации более двух раз подряд.

Президиум Совета судей Российской Федерации избирается Советом судей Российской Федерации из числа его членов с учетом необходимости представительства в нем судей федеральных судов, в том числе судей Конституционного Суда Российской Федерации, судей судов общей юрисдикции, включая военные суды, судей арбитражных судов и судей судов субъектов Российской Федерации. В состав Президиума Совета судей Российской Федерации входят по должности председатель Совета судей Российской Федерации и его заместители.

4. Советы судей субъектов Российской Федерации избираются конференциями судей в количестве и порядке, которые определяются конференциями судей в соответствии с их регламентами с учетом необходимости представительства в них судей соответственно от верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономных округов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, а также от мировых судей, судей районных судов и гарнизонных военных судов, действующих на территориях соответствующих субъектов Российской Федерации.

Совет судей субъектов Российской Федерации избирает из своего состава подотчетных ему председателя совета судей субъекта Российской Федерации и его заместителей.

Член совета судей субъекта Российской Федерации не может быть избран на должность председателя совета судей субъекта Российской Федерации или заместителя председателя совета судей субъекта Российской Федерации более двух раз подряд.

5. Полномочия члена совета судей могут быть досрочно прекращены по его инициативе или в случае совершения им дисциплинарного проступка. Решение о досрочном прекращении полномочий членов советов судей принимается соответственно съездом или конференцией судей, а в период между съездами (конференциями) судей – соответствующим советом судей.

Статья 9. Совет судей Российской Федерации как орган судейского сообщества

1. Совет судей Российской Федерации является выборным органом судейского сообщества, подотчетным только съезду.

2. Совет судей Российской Федерации созывается по мере необходимости, но не реже двух раз в год.

3. Рабочим органом Совета судей Российской Федерации является Президиум Совета судей Российской Федерации, который создается для оперативного коллегиального решения вопросов, определяемых регламентом Совета судей Российской Федерации.

Заседания Президиума Совета судей Российской Федерации проводятся по мере необходимости, но не реже четырех раз в год.

4. Председатель Совета судей Российской Федерации созывает Совет судей Российской Федерации, Президиум Совета судей Российской Федерации и руководит их работой в соответствии с регламентом Совета судей Российской Федерации.

5. Председатель Совета судей Российской Федерации представляет Совет судей Российской Федерации в органах государственной власти и органах местного самоуправления, в общественных объединениях, средствах массовой информации, а также при осуществлении международного сотрудничества.

6. По поручению председателя Совета судей Российской Федерации его полномочия может осуществлять один из его заместителей.

Статья 10. Полномочия советов судей

1. Совет судей Российской Федерации:

1) созывает Всероссийский съезд судей;

2) дает согласие на назначение на должность и освобождение от должности Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и заслушивает его годовые отчеты об организационном, кадровом и ресурсном обеспечении судебной деятельности;

3) избирает судей в состав Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации вместо выбывших в период между съездами;

4) изучает, обобщает и распространяет опыт работы органов судейского сообщества, разрабатывает рекомендации по совершенствованию их деятельности;

5) определяет порядок участия судей гарнизонных военных судов, действующих за пределами Российской Федерации, в работе органов судейского сообщества субъектов Российской Федерации;

6) осуществляет иные полномочия, отнесенные к его ведению федеральными законами.

2. Представители Совета судей Российской Федерации вправе участвовать в обсуждении проекта федерального закона о федеральном бюджете в Федеральном Собрании Российской Федерации.

3. Совет судей Российской Федерации, а также иные органы судейского сообщества в пределах своей компетенции осуществляют прямые связи с органами судейского сообщества и профессиональными объединениями (ассоциациями) судей других государств, с международными организациями, а также со средствами массовой информации.

4. Советы судей субъектов Российской Федерации:

1) рассматривают в период между конференциями судей все вопросы, отнесенные к компетенции конференций судей, за исключением избрания квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации и заслушивания их отчетов;

2) созывают конференции судей;

3) избирают судей в состав квалификационных коллегий судей соответствующих субъектов Российской Федерации вместо выбывших в период между конференциями судей.

5. Совет судей Российской Федерации и советы судей субъектов Российской Федерации могут осуществлять свои полномочия, если их составы сформированы не менее чем на две трети.

Статья 11. Формирование квалификационных коллегий

судей

1. Квалификационные коллегии судей формируются из числа судей федеральных судов, судей судов субъектов Российской Федерации, представителей общественности, представителей Президента Российской Федерации.

2. Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации формируется в количестве 29 членов коллегии.

Члены коллегии из числа судей избираются по следующим нормам представительства:

от судей Верховного Суда Российской Федерации – два судьи;

от судей Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации – два судьи;

от судей федеральных арбитражных судов округов – два судьи;

от судей арбитражных апелляционных судов – два судьи;

от судей верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономных округов – четыре судьи;

от судей арбитражных судов субъектов Российской Федерации – три судьи;

от судей окружных (флотских) военных судов – три судьи.

Десять членов коллегии – представители общественности назначаются Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Один член коллегии – представитель Президента Российской Федерации назначается Президентом Российской Федерации.

(п. 2 в ред. Федерального закона от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

3. Судьи в состав Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации избираются тайным голосованием на съезде делегатами съезда от соответствующих судов из своего состава на раздельных собраниях делегатов.

Избранными считаются судьи, получившие на раздельных собраниях делегатов наибольшее количество голосов делегатов съезда, принявших участие в голосовании, при условии, что в голосовании принимали участие более половины делегатов съезда от соответствующих судов.

Избрание судей в состав Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации вместо выбывших в период между съездами производится Советом судей Российской Федерации.

4. Квалификационная коллегия судей субъекта Российской Федерации формируется по следующим нормам представительства: от судей верховного суда республики,

краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа – два судьи;

от судей арбитражного суда субъекта Российской Федерации – пять судей;

от судей гарнизонных военных судов – один судья; от судей районных судов – три судьи;

от судей конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации – один судья;

от мировых судей – один судья;

семь представителей общественности;

один представитель Президента Российской Федерации.

В субъектах Российской Федерации, в которых общая численность судей судов, указанных в абзацах втором – шестом настоящего пункта, менее 30, квалификационная коллегия судей формируется в количестве 11 членов коллегии по следующим нормам представительства:

от судей верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа – один судья;

от судей арбитражного суда субъекта Российской Федерации – два судьи;

от судей гарнизонных военных судов – один судья; от судей районных судов – два судьи;

от судей конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации – один судья;

от мировых судей – один судья;

два представителя общественности;

один представитель Президента Российской Федерации.

Если в субъекте Российской Федерации не образованы верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа, арбитражный суд субъекта Российской Федерации, конституционный (уставной) суд субъекта Российской Федерации, не действуют мировые судьи, отсутствуют гарнизонные военные суды, то квалификационная коллегия судей данного субъекта Российской Федерации формируется без участия представителей судей этих судов. При этом нормы представительства, указанные в абзацах втором-восьмом настоящего пункта, сохраняются.

5. Судьи Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области избираются в состав квалификационной коллегии судей и других органов судейского сообщества Санкт-Петербурга.

Квалификационная коллегия судей Ленинградской области

формируется по следующим нормам представительства: от судей Ленинградского областного суда – два судьи; от судей гарнизонных военных судов – один судья; от судей районных судов Ленинградской области – три судьи; от судей уставного суда Ленинградской области – один судья; от мировых судей – один судья; четыре представителя общественности; один представитель Президента Российской Федерации.

Судьи районных судов и мировые судьи Эвенкийского автономного округа избираются в состав квалификационной коллегии судей и других органов судейского сообщества Красноярского края.

6. Судьи в состав квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации избираются тайным голосованием на конференции судей в порядке, определяемом этой конференцией.

Избрание судей в состав квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации вместо выбывших в период между конференциями производится советом судей субъекта Российской Федерации.

Представители общественности в квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации назначаются законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации в порядке, определяемом законами и иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации.

Представитель Президента Российской Федерации в квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации назначается Президентом Российской Федерации.

7. В состав квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации не могут быть избраны председатели судов и их заместители. В состав Высшей квалификационной коллегии судей

Российской Федерации не могут быть избраны Председатель Верховного Суда Российской Федерации, Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и их заместители.

(в ред. Федерального закона от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

Судья не может быть избран одновременно в совет судей и квалификационную коллегию судей одного уровня, а также не может быть членом квалификационных коллегий судей разных уровней.

Член квалификационной коллегии судей не может быть избран на должность председателя или заместителя председателя квалификационной коллегии судей более двух раз подряд.

Полномочия члена квалификационной коллегии судей из

числа судей могут быть досрочно прекращены по его инициативе, либо в случае совершения им дисциплинарного проступка, либо в случае его отсутствия на заседаниях квалификационной коллегии судей в течение четырех месяцев без уважительных причин. Решение о досрочном прекращении полномочий членов квалификационной коллегии судей из числа судей принимается съездом (конференцией) судей, а в период между съездами (конференциями) судей – соответствующим советом судей.

О конституционно-правовом смысле пункта 8 статьи 11 и об отказе в принятии к рассмотрению о проверке конституционности данного пункта см. определения Конституционного Суда РФ от 05.11.2003 № 411-О и № 412-О.

8. Представителями общественности в квалификационных коллегиях судей могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 35 лет, имеющие высшее юридическое образование, не совершившие порочащих их поступков, не замещающие государственные или муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы, не являющиеся руководителями организаций и учреждений независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, адвокатами и нотариусами.

Представителями Президента Российской Федерации в квалификационных коллегиях судей могут быть граждане Российской Федерации, имеющие высшее юридическое образование, не совершившие порочащих их поступков.

Представитель общественности, представитель Президента Российской Федерации в квалификационной коллегии судей при осуществлении полномочий члена квалификационной коллегии судей, а также во внеслужебных отношениях должны избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти или вызвать сомнения в объективности, справедливости и беспристрастности указанных представителей.

Полномочия члена квалификационной коллегии судей – представителя общественности по решению соответственно Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации могут быть досрочно прекращены в случаях совершения им порочащего поступка, а также систематического неисполнения им обязанностей члена квалификационной коллегии судей.

Полномочия члена квалификационной коллегии судей – представителя Президента Российской Федерации могут быть досрочно прекращены Президентом Российской Федерации.

(п. 8 в ред. Федерального закона от 04.07.2003 № 96-ФЗ)

Статья 12. Общие собрания судей судов

Для обсуждения вопросов, связанных с совершенствованием организации работы суда, выражения законных интересов судей, а также для проведения в случаях, установленных настоящим Федеральным законом, выборов делегатов на съезд (конференцию) судей в каждом суде не реже чем один раз в год могут созываться общие собрания судей. По решению общего собрания может быть избран совет судей данного суда.

Статья 13. Срок полномочий выборных органов судейского сообщества

1. Совет судей Российской Федерации и советы судей субъектов Российской Федерации избираются соответственно на четыре года и на два года.

Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации и квалификационные коллегии судей субъектов Российской Федерации формируются соответственно на четыре года и на два года.

2. По истечении указанных сроков полномочия выборных органов судейского сообщества сохраняются до проведения очередных съезда, конференций и общих собраний судей.

Статья 14. Регламенты работы органов судейского сообщества

1. Регламент работы Всероссийского съезда судей и регламент проведения заседаний Совета судей Российской Федерации утверждаются Всероссийским съездом судей.

2. Регламент работы конференций судей и регламенты проведения заседаний советов судей субъектов Российской Федерации утверждаются конференциями судей субъектов Российской Федерации.

3. Квалификационные коллегии судей осуществляют свою деятельность в соответствии с положением о порядке работы квалификационных коллегий судей, утверждаемым Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации.

Статья 15. Запросы, обращения и решения органов судейского сообщества и срок их рассмотрения

1. Советы судей и квалификационные коллегии судей вправе

запрашивать у государственных органов, общественных объединений и должностных лиц и получать от них сведения и документы, необходимые для их деятельности.

2. Запросы, обращения и решения органов судейского сообщества подлежат рассмотрению в месячный срок со дня их поступления в государственные органы, общественные объединения и к должностным лицам.

Статья 16. Взаимодействие органов судейского сообщества

1. Советы судей и квалификационные коллегии судей периодически обмениваются информацией о своей деятельности.

2. Совет судей Российской Федерации и Президиум Совета судей Российской Федерации, Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации и Президиум Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации направляют соответственно в советы судей и квалификационные коллегии судей субъектов Российской Федерации необходимую информацию о своей деятельности.

3. Советы судей и квалификационные коллегии судей субъектов Российской Федерации информируют о своей деятельности соответственно Совет судей Российской Федерации и Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации.

Глава II. Полномочия квалификационных коллегий судей

Статья 17. Полномочия Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации

1. Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации рассматривает вопросы, отнесенные к ее компетенции федеральными конституционными законами, федеральными законами, и принимает мотивированные решения.

2. Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации:

1) рассматривает заявления кандидатов на должности Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, их заместителей и представляет Президенту Российской Федерации свои заключения;

2) рассматривает заявления кандидатов на должности

председателей, заместителей председателей других федеральных судов (за исключением районных судов), а также судей Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, федеральных арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, окружных (флотских) военных судов и представляет соответственно Председателю Верховного Суда Российской Федерации и Председателю Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации свои заключения;

(в ред. Федерального закона от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

2.1) рассматривает представления Председателя Верховного Суда Российской Федерации об утверждении судей Верховного Суда Российской Федерации членами Президиума Верховного Суда Российской Федерации, членами Кассационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, а также об утверждении председателя Кассационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, председателей Судебной коллегии по гражданским делам, Судебной коллегии по уголовным делам, Военной коллегии, иных коллегий и их заместителей и представляет Председателю Верховного Суда Российской Федерации свои заключения;

(пп. 2.1 введен Федеральным законом от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

3) объявляет в средствах массовой информации об открытии вакантных должностей председателей, заместителей председателей федеральных судов (за исключением районных судов), а также судей Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, федеральных арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, окружных (флотских) военных судов с указанием времени и места приема и рассмотрения документов;

(в ред. Федерального закона от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

4) приостанавливает, возобновляет либо прекращает полномочия, а также прекращает отставку председателей, заместителей председателей федеральных судов (за исключением районных судов), судей Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, федеральных арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, окружных (флотских) военных судов, членов Совета судей Российской Федерации и Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, председателей советов судей и квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации и их заместителей;

(в ред. Федерального закона от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

5) осуществляет квалификационную аттестацию председателей, заместителей председателей федеральных судов (за исключением Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и районных судов), а также судей Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, федеральных арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов и окружных (флотских) военных судов;

(в ред. Федерального закона от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

6) дает заключения о возможности привлечения судей, пребывающих в отставке, к исполнению обязанностей судей Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, федеральных арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов и окружных (флотских) военных судов;

(в ред. Федерального закона от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

7) присваивает судьям первый и высший квалификационные классы;

8) налагает дисциплинарные взыскания на председателей, заместителей председателей федеральных судов (за исключением районных судов), а также на судей Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, федеральных арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов и окружных (флотских) военных судов, членов Совета судей Российской Федерации и Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, председателей, заместителей председателей советов судей и квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации за совершение ими дисциплинарного проступка;

(в ред. Федерального закона от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

9) утверждает положение о порядке работы квалификационных коллегий судей;

10) рассматривает вопросы, отнесенные к компетенции квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации, в случае невозможности их разрешения этими коллегиями;

11) знакомится с работой квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации, заслушивает сообщения их председателей о проделанной работе и дает рекомендации, направленные на совершенствование деятельности указанных коллегий; изучает и обобщает практику работы квалификационных коллегий судей, организует учебу членов этих коллегий;

12) принимает решения о представлении судей к

награждению государственными наградами Российской Федерации и присвоении им почетных званий Российской Федерации;

13) осуществляет иные полномочия, предусмотренные федеральными конституционными законами и федеральными законами.

3. Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации может осуществлять свои полномочия, если ее состав сформирован не менее чем на две трети.

Статья 18. Президиум Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации

1. Президиум Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации состоит из председателя указанной коллегии и трех его заместителей, избираемых Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации из числа ее членов.

2. Президиум Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации является рабочим органом этой коллегии, ей подотчетен и образуется для оперативного решения вопросов, связанных с организацией работы Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации.

Статья 19. Полномочия квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации

1. Квалификационные коллегии судей субъектов Российской Федерации рассматривают вопросы, отнесенные к их компетенции федеральными конституционными законами, федеральными законами, и принимают мотивированные решения в отношении судей верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономных округов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации, мировых судей, судей районных судов (в том числе председателей и заместителей председателей районных судов), гарнизонных военных судов, действующих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, – в отношении судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

2. Квалификационные коллегии судей субъектов Российской

Федерации:

1) рассматривают заявления лиц, претендующих на соответствующую должность судьи, и с учетом результатов квалификационного экзамена дают заключения о рекомендации данных лиц на должность судьи либо об отказе в такой рекомендации;

1.1) рассматривают представления председателей верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономных округов об утверждении судей этих судов членами президиумов указанных судов и представляют Председателю Верховного Суда Российской Федерации свои заключения;

(пп. 1.1 введен Федеральным законом от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

1.2) рассматривают представления председателей верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономных округов об утверждении председателей судебных коллегий по гражданским делам, по уголовным делам, иных судебных коллегий и представляют свои заключения Председателю Верховного Суда Российской Федерации, который утверждает председателей указанных коллегий;

(пп. 1.2 введен Федеральным законом от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

2) утверждают состав экзаменационных комиссий по приему квалификационного экзамена у кандидатов на должность судьи соответствующего суда;

3) объявляют в средствах массовой информации об открытии вакантных должностей председателей, заместителей председателей районных судов, а также судей соответствующих федеральных судов с указанием времени и места приема и рассмотрения документов;

4) организуют проверку достоверности биографических и иных сведений, представленных кандидатами на вакантные должности;

5) приостанавливают, возобновляют либо прекращают полномочия, а также прекращают отставку судей соответствующих федеральных судов (за исключением лиц, указанных в подпункте 4 пункта 2 статьи 17 настоящего Федерального закона), председателей и заместителей председателей районных судов, членов соответствующих советов судей и квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации;

6) осуществляют квалификационную аттестацию судей

соответствующих судов, а также мировых судей, председателей и заместителей председателей районных судов; присваивают судьям соответствующих судов, а также мировым судьям, председателям и заместителям председателей районных судов квалификационные классы (за исключением первого и высшего);

7) дают заключения о возможности привлечения судей, пребывающих в отставке, к исполнению обязанностей судей соответствующих федеральных судов, а также председателей и заместителей председателей районных судов;

8) налагают дисциплинарные взыскания на судей соответствующих судов (в том числе на председателей и заместителей председателей районных судов) за совершение ими дисциплинарного проступка;

9) осуществляют иные полномочия в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами.

3. Квалификационные коллегии судей субъектов Российской Федерации могут осуществлять свои полномочия, если их составы сформированы не менее чем на две трети.

Статья 20. Пересмотр решений по вновь открывшимся обстоятельствам

1. Квалификационная коллегия судей вправе пересмотреть ранее принятое решение по вновь открывшимся обстоятельствам.

Ходатайство о пересмотре указанного решения по вновь открывшимся обстоятельствам может быть подано в квалификационную коллегию судей кандидатом на должность судьи или судьей, в отношении которых принято решение, а также должностным лицом, по представлению которого принято решение, председателем соответствующего или вышестоящего суда. Квалификационная коллегия судей вправе пересмотреть свое решение при отсутствии указанного ходатайства в случае, если вновь открывшиеся обстоятельства не позволяют признать ранее принятое решение законным и обоснованным.

(в ред. Федерального закона от 14.08.2004 № 100-ФЗ)

2. Основаниями для пересмотра решения по вновь открывшимся обстоятельствам являются такие обстоятельства, которые не были известны квалификационной коллегии судей и сами по себе или вместе с ранее установленными обстоятельствами дают основание для принятия другого решения.

Глава III. Производство в квалификационных коллегиях судей

Статья 21. Порядок рассмотрения квалификационными коллегиями судей представленных материалов

1. Подготовку заседания квалификационной коллегии судей осуществляет председатель квалификационной коллегии судей или его заместитель, который определяет время и место проведения заседания, а также круг лиц, подлежащих приглашению на заседание.

Приглашенные лица должны быть своевременно извещены о времени и месте проведения заседания.

2. Судья, в отношении которого начато производство квалификационной коллегией судей, вправе ознакомиться с имеющимися в квалификационной коллегии судей материалами и представить свои возражения и замечания.

3. О времени и месте проведения заседания квалификационной коллегии судей судья, в отношении которого начато производство, извещается в срок, необходимый для явки на заседание.

4. В случае неявки без уважительной причины на заседание квалификационной коллегии судей судьи, извещенного надлежащим образом о времени и месте проведения заседания, квалификационная коллегия судей рассматривает вопрос в его отсутствие.

При рассмотрении материала о дисциплинарной ответственности судьи, привлечении судьи к уголовной ответственности решением квалификационной коллегии судей полномочия судьи могут быть приостановлены до принятия решения по существу вопроса. Указанное решение может быть принято в отсутствие судьи, в том числе в случае его отсутствия по уважительной причине.

5. Член квалификационной коллегии судей с ее согласия может не участвовать в рассмотрении конкретного материала. Член квалификационной коллегии судей, принявший участие в ее заседании, не вправе воздержаться от голосования.

6. В заседаниях квалификационных коллегий судей могут участвовать и высказывать свое мнение по обсуждаемым вопросам председатели и заместители председателей судов, руководители Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и входящих в его систему органов, председатели и заместители председателей советов судей, других квалификационных коллегий судей или их представители.

Статья 22. Особенности рассмотрения представлений и обращений о совершении судьей дисциплинарного

проступка

1. Представление председателя соответствующего или вышестоящего суда либо обращение органа судейского сообщества о прекращении полномочий судьи в связи с совершением им дисциплинарного проступка рассматривается квалификационной коллегией судей при наличии в представленных материалах сведений, подтверждающих обстоятельства совершения этого проступка, и данных, характеризующих судью.

Квалификационная коллегия судей в пределах своих полномочий может провести дополнительную проверку представленных материалов, запросить дополнительные материалы и заслушать объяснения соответствующих лиц об обстоятельствах совершения судьей дисциплинарного проступка.

2. Жалобы и сообщения, содержащие сведения о совершении судьей дисциплинарного проступка, поступившие в квалификационную коллегию судей от органов и должностных лиц, не указанных в пункте 1 настоящей статьи, а также от граждан, проверяются квалификационной коллегией судей самостоятельно либо направляются для проверки председателю соответствующего суда.

3. В случае постановки вопроса о прекращении полномочий судьи в связи с совершением им дисциплинарного проступка либо наличием данных о совершении им указанного проступка, требующих дополнительной проверки, рассмотрение заявления судьи о прекращении его полномочий по другим основаниям приостанавливается до рассмотрения по существу указанного вопроса.

Статья 23. Порядок принятия решений квалификационными коллегиями судей

1. Квалификационная коллегия судей правомочна принять решение, если на ее заседании присутствуют более половины членов квалификационной коллегии судей.

Решение считается принятым, если за него проголосовали более половины членов квалификационной коллегии судей, принимавших участие в заседании.

Решение о прекращении либо приостановлении полномочий судьи или его отставке считается принятым, если за него проголосовали не менее двух третей членов квалификационной коллегии судей, принимавших участие в заседании.

2. Голосование и принятие решения проводятся в отсутствие

судьи, в отношении которого рассматривается вопрос, а также в отсутствие приглашенных и иных лиц. Член квалификационной коллегии судей вправе изложить в письменном виде свое особое мнение, которое прилагается к протоколу заседания квалификационной коллегии судей.

3. Решение квалификационной коллегии судей подписывается председательствующим на заседании и секретарем квалификационной коллегии судей. При отсутствии секретаря квалификационной коллегии судей коллегия принимает решение временно возложить его обязанности на одного из членов коллегии.

Статья 24. Протокол заседания квалификационной коллегии судей

1. На заседании квалификационной коллегии судей по каждому рассматриваемому вопросу ведется отдельный протокол, в котором отражаются все необходимые сведения о ходе заседания. Протокол подписывается председательствующим на заседании и секретарем коллегии.

2. Лицо, в отношении которого рассмотрен вопрос, и лицо, внесшее представление, в течение трех дней после получения извещения о подписании протокола заседания квалификационной коллегии судей вправе письменно обратиться в квалификационную коллегию судей с просьбой об ознакомлении с указанным протоколом, ознакомиться с ним и подать свои замечания. Указанные замечания подлежат приобщению к протоколу заседания квалификационной коллегии судей.

3. Секретарем Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации является штатный работник Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, а секретарями квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации – штатные работники входящих в его систему органов в субъектах Российской Федерации.

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы на нарушение конституционных прав положением статьи 25 см. Определение Конституционного Суда РФ от 19.02.2004 № 60-О.

Статья 25. Сроки рассмотрения материалов квалификационными коллегиями судей

Поступившие материалы должны быть рассмотрены Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации не

позднее трех месяцев, а квалификационными коллегиями судей субъектов Российской Федерации – не позднее одного месяца со дня их поступления в коллегию, если иные сроки не установлены федеральными законами.

Статья 26. Обжалование решений квалификационных коллегий судей

1. Решение, принятое квалификационной коллегией судей, может быть обжаловано в судебном порядке лицом, в отношении которого оно принято.

2. Решения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации о приостановлении либо прекращении полномочий судьи, привлечении его к дисциплинарной ответственности, об отставке судьи и о ее приостановлении, а также об отказе в рекомендации на должность судьи могут быть обжалованы заинтересованным лицом в течение десяти дней со дня получения копии соответствующего решения.

Указанные решения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации могут быть обжалованы в Верховный Суд Российской Федерации, а квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации – в соответствующие верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суд автономной области и суды автономных округов.

3. Иные решения квалификационных коллегий судей могут быть обжалованы в том же порядке лишь по мотивам нарушения процедуры их вынесения.

4. Решения квалификационных коллегий судей вступают в силу с момента их оглашения. Решения квалификационных коллегий судей оглашаются непосредственно после принятия.

Глава IV. Обеспечение деятельности органов судейского сообщества

Статья 27. Организационное обеспечение деятельности органов судейского сообщества

1. Организационное обеспечение деятельности органов судейского сообщества осуществляется Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации и входящими в его

систему органами.

2. Совет судей Российской Федерации и Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации оказывают методическую помощь соответствующим органам судейского сообщества в их деятельности.

3. Удостоверение председателя Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации подписывается председателем Совета судей Российской Федерации.

Удостоверения членов Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и председателей квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации подписываются председателем Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации.

Удостоверения членов квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации подписываются председателями соответствующих квалификационных коллегий судей.

Статья 28. Финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности органов судейского сообщества

1. Создание надлежащих условий для деятельности органов судейского сообщества, в том числе для содержания их аппарата, учреждения печатных изданий органов судейского сообщества, а также финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности органов судейского сообщества возлагаются на Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации и входящие в его систему органы.

2. Финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности Всероссийского съезда судей, Совета судей Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации, Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и Президиума Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации возлагается на Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.

Глава V. Заключительные положения

Статья 29. Порядок вступления в силу настоящего Федерального закона

1. Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

2. Высшая квалификационная коллегия судей Российской

Федерации, сформированная до вступления в силу настоящего Федерального закона, осуществляет свои полномочия до назначения представителей общественности и представителя Президента Российской Федерации. Члены Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, сформированной до вступления в силу настоящего Федерального закона, осуществляют свои полномочия до истечения срока, на который они были избраны, совместно с представителями общественности и представителем Президента Российской Федерации в составе сформированной в соответствии с настоящим Федеральным законом Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации.

3. Квалификационные коллегии судей Верховного Суда Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, военных округов, групп войск и флотов, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и других арбитражных судов, а также экзаменационные комиссии, сформированные до вступления в силу настоящего Федерального закона, продолжают осуществлять свои полномочия до образования соответствующих квалификационных коллегий судей и экзаменационных комиссий, предусмотренных настоящим Федеральным законом, но не более шести месяцев со дня вступления в силу настоящего Федерального закона.

4. Совет судей Российской Федерации, избранный до вступления в силу настоящего Федерального закона, осуществляет свои полномочия до истечения срока, на который он был сформирован.

5. Советы судей субъектов Российской Федерации, военных округов, групп войск и флотов, арбитражных судов, избранные до вступления в силу настоящего Федерального закона, продолжают осуществлять свои полномочия до избрания соответствующих советов судей субъектов Российской Федерации, предусмотренных настоящим Федеральным законом, но не более шести месяцев со дня вступления в силу настоящего Федерального закона.

6. В течение трех месяцев со дня вступления в силу настоящего Федерального закона в субъектах Российской Федерации в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, проводятся конференции и общие собрания судей, на которых избираются судьи в состав советов судей субъектов Российской Федерации и квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации.

7. Квалификационные коллегии судей и экзаменационные комиссии, сформированные до вступления в силу настоящего

Федерального закона, передают всю документацию, в том числе архивы, вновь образованным соответствующим квалификационным коллегиям судей и экзаменационным комиссиям.

8. Исчисление сроков полномочий членов советов судей и квалификационных коллегий судей, предусмотренных пунктами 3 и 4 статьи 8, пунктом 7 статьи 11 настоящего Федерального закона, производится исходя из того, что первым сроком полномочий является срок, на который был избран судья после вступления в силу настоящего Федерального закона.

9. Со дня вступления в силу настоящего Федерального закона признать утратившими силу:

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 декабря 1989 года «Об утверждении Положения о порядке созыва и проведения конференции судей судов РСФСР» (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1989, № 50, ст. 1479);

пункт 1 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 13 мая 1993 г. № 4960-1 «Об утверждении Положения о квалификационных коллегиях судей и Положения о квалификационной аттестации судей» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 24, ст. 856);

пункт 10 статьи 1 Федерального закона от 16 ноября 1997 г. № 144-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законы и иные правовые акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального конституционного закона “Об арбитражных судах в Российской Федерации” и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской

Федерации, 1997, № 47, ст. 5341).

Установить, что со дня вступления в силу настоящего Федерального закона Положение о квалификационной аттестации судей, утвержденное Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 13 мая 1993 г. № 4960-1 «Об утверждении Положения о квалификационных коллегиях судей и Положения о квалификационной аттестации судей» (Ведомости Съезда народных депутатов

Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 24, ст. 856), применяется в части, не противоречащей настоящему Федеральному закону.

Президент Российской Федерации В. ПУТИН

Москва, Кремль 14 марта 2002 года № 30-ФЗ

Кодекс чести судьи Российской Федерации

Утвержден Постановлением Совета судей Российской Федерации от 21 октября 1993 года

Настоящий Кодекс устанавливает правила поведения судьи в профессиональной и внеслужебной деятельности, обязательные для каждого судьи Российской Федерации, независимо от занимаемой должности, а также для судей, находящихся в отставке, но сохраняющих звание судьи и принадлежность к судейскому сообществу.

Статья 1. Общие требования, предъявляемые к судье

1. В своей деятельности судья обязан руководствоваться наряду с Конституцией и другими законодательными актами, действующими на территории Российской Федерации, общепринятыми нормами нравственности и правилами поведения, способствовать утверждению в обществе уверенности в справедливости, беспристрастности и независимости суда.

2. Выполнение обязанностей по осуществлению правосудия должно иметь для судьи приоритетное значение над иными занятиями.

3. Судья должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти. Он не вправе причинять ущерб престижу своей профессии в угоду личным интересам или интересам других лиц.

4. Судья в любой ситуации должен сохранять личное достоинство, заботиться о своей чести, избегать всего, что могло бы причинить ущерб репутации и поставить под сомнение его объективность и независимость при осуществлении правосудия.

Статья 2. Правила осуществления профессиональной деятельности судьи

1. Судья обязан быть беспристрастным, не допуская влияния на свою профессиональную деятельность кого бы то ни было, в том числе своих родственников, друзей или знакомых.

2. Судья при принятии им решения по делу должен быть свободным от приверженности одной из сторон, от влияния общественного мнения, от опасений перед критикой его деятельности.

3. Судья обязан поддерживать свою квалификацию на

высоком уровне, необходимом для надлежащего исполнения обязанностей по осуществлению правосудия.

4. Судья должен проявлять терпение, вежливость, тактичность и уважение к участникам судебного разбирательства и другим лицам, с которыми он общается при исполнении служебных обязанностей. Этого же судья должен требовать от работников аппарата суда.

5. Судья обязан хранить профессиональную тайну в отношении информации, полученной в ходе исполнения своих обязанностей.

Судья не вправе делать публичных заявлений, комментариев, выступлений в прессе по делам, находящимся в производстве суда до вступления в силу постановлений, принятых по ним. Судья не вправе публично вне рамок профессиональной деятельности подвергать сомнению постановления судов, вступившие в законную силу, и действия своих коллег.

6. Судья должен с уважением и пониманием относиться к стремлению средств массовой информации освещать деятельность суда и оказывать им необходимое содействие, если это не будет мешать проведению судебного процесса или использоваться для оказания воздействия на суд.

7. Судья должен добросовестно исполнять свои профессиональные обязанности и принимать все необходимые меры для своевременного рассмотрения дел и материалов.

Статья 3. Внеслужебная деятельность судьи

1. Внеслужебная деятельность судьи не должна вызывать сомнений в его объективности, справедливости и неподкупности.

2. Судья вправе заниматься любым видом деятельности, если это не противоречит требованиям Закона РФ «О статусе судей в РФ» и настоящего Кодекса.

3. Судья может участвовать в общественной деятельности, если она не наносит ущерб авторитету суда и надлежащему исполнению судьей своих профессиональных обязанностей.

4. Судья может участвовать в публичных заседаниях или контактировать иным образом с органами законодательной и исполнительной власти или их должностными лицами по вопросам, касающимся права, правовой системы или осуществления правосудия, если при подобных контактах не оказывается давление на судью в связи с выполнением им своих профессиональных обязанностей и не возникает сомнений в его объективности.

5. Судья не вправе принадлежать к политическим партиям и

движениям, поддерживать их материально или иным способом, а также публично выражать свои политические взгляды, участвовать в шествиях и демонстрациях, имеющих политический характер, или в других политических акциях.

6. Судья должен избегать любых личных связей, которые могут причинить ущерб репутации, затронуть его честь и достоинство.

7. Судья должен воздерживаться от финансовых и деловых связей, которые способны нарушить его беспристрастность, помешать ему должным образом исполнять свои обязанности.

Статья 4. Ответственность судьи за нарушение требований настоящего Кодекса

1. За совершение должностного или иного проступка судья несет ответственность в соответствии с действующим законодательством при соблюдении установленных гарантий его неприкосновенности.

2. Нарушения требований Кодекса чести судьи рассматриваются квалификационными коллегиями судей. При этом учитываются все обстоятельства совершенного проступка, его тяжесть и ущерб, причиненный авторитету судебной власти.

3. За совершение проступка, позорящего честь и достоинство судьи, умалившего авторитет судебной власти, его полномочия квалификационная коллегия судей может прекратить в порядке, предусмотренном Законом Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации».

Примечание. Проступком, позорящим честь и достоинство судьи, признается такое действие или бездействие, которое, хотя и не является преступным, но по своему характеру несовместимо с высоким званием судьи.

Об авторе

Владимир Иванович Телятников Заместитель председателя Ленинградского областного суда Кандидат юридических наук

В 1971 году окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета по специальности «Правоведение». В 2003 году защитил диссертацию на тему: «Проблемы формирования внутреннего убеждения судьи в уголовном процессе».

Трудовую деятельность начал в 1963 году. В органах юстиции с 1970 года. Работал консультантом суда, старшим следователем прокуратуры, заместителем прокурора района, помощником прокурора области.

С 1978 года В. И. Телятников – судья коллегии по гражданским делам Ленинградского областного суда, с 1985 года – заместитель председателя Ленинградского областного суда.

Высший квалификационный класс судьи присвоен в марте 2001 года.

В 1992–1996 годах – член Совета судей России, член Совета судей Ленинградской области.

В 1995 году В. И. Телятникову присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Преподаватель Северо-Западного филиала Российской Академии правосудия.

Круг научных интересов: проблемы судебной реформы, организации работы суда, уголовный, гражданский и административный процессы.

notes

Примечания

1

Решетникова И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском процессе. М., 2000. С. 1.

2

Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 23.

3

Абушенко Д. Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002. С. 2.

4

Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. С. 17.

Якупов Р.Х. Уголовный процесс. М., 1999. С. 4.

6

Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981. Т. 1. С. 17.

Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2003. С. 16.

Алексеев С. С. Восхождение к праву. М., 1999. С. 3.

Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.,1969. С. 161.

Философия права. М., 1989. С. 89, 141.

11

Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33.

Трубецкой Е. Энциклопедия права. СПб., 1998.

13

Казанский П. Е. Власть Всероссийского императора. М., 1999. С. 86.

14

Там же.

15

Барщев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к Российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 6.

16

Цит. по: *Казанский П. Е.* Власть Всероссийского императора. М., 1999. С. 91.

Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 3.

Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса. Калининград, 1977.

Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. С. 72.

20

Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981. Т.1. С. 43.

21

Еженедельник Советской юстиции. № 7–8. 1923. С. 145.

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 34.

Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 19.

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 45.

25

Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 189.

Фельдштейн. Учебник уголовного процесса. М., 1915. С. 77.

27

Там же. С. 115.

Случевский В. К. Учебник уголовного процесса. СПб., 1910. С. 75, 396.

Джаншиев. Основы судебной реформы. М., 1891. С. 286.

Бобрищев-Пушкин А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896. С. 379.

Бельский К. С. Разделение властей и ответственность в государственном управлении. М., 1990.

Савицкий В. М. Конституция и закон. Стабильность и динамизм. М., 1997. С. 152.

Тихомиров Ю. А. Конституция и закон. Стабильность и динамизм. М., 1997. С. 107.

Стучка П. С. Классовое государство и гражданское право. М., 1924. С. 10.

Немытина М. В. Суд в России. Саратов, 1999. С. 18.

Строгович М. С. Основные вопросы оценки доказательств в уголовном процессе // Советская юстиция. 1936. № 22. С. 5.

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 334.

Голунский С. А. Проверка и оценка доказательств // Советская юстиция. № 15. С. 7.

Вышинский А. Я. Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе // Советская юстиция. 1936. № 23. С. 5.

Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 36.

Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1956. С. 79, 84.

Резник Г. М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1976. С. 19.

Бохан В. Ф. Формирование убеждения суда. Минск, 1973. С. 4.

Там же. С. 54.

Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975. С. 5.

Там же. С. 7.

Ратинов А. Р. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 474–475.

Там же. С. 478.

Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М.,1964.

Гуреев П. П. Комментарий к ГПК РСФСР М., 1976. С. 107.

Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 1997. С. 171.

Верещагина И. В. Современные проблемы правоприменения. Хабаровск, 1998. С. 164.

Карнеева Л. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград, 1988. С. 33.

Халдеев Л. С. Судья в уголовном процессе М., 2000. С. 309.

Мухин И. И. Важнейшие проблемы оценки судебных доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве. Л., 1970. С. 3.

Голунский С. А. Проверка и оценка доказательств // Советская юстиция.1936. № 15. С. 7.

Строгович М. С. Курс уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 143.

Зайцева С. А. Проблемы реализации судебной реформы в России. Саратов, 1998. С. 70.

Гродзинский М. М. Учение о доказательствах и его эволюция. Харьков, 1925. С. 2.

Вопросы философии. 2001. № 7.

Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 84.

Мизулина Е. Б. Уголовный процесс. Концепция самоограничения государства. Тарту, 1991. С. 30, 59.

Там же. С. 62, 63.

Полудняков В. Лекция «О судебной власти». СПб., 1997.

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 127.

Шимановский В. В. Общие условия производства предварительного расследования. Л., 1983. С. 17.

Крыленко Н. В. Судоустройство РСФСР. Лекции по теории и истории судоустройства. М., 1923. С. 3.

Советская юстиция. 1932. № 19.

Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 55.

Там же. С. 97.

Осипкин В. Н., Рохлин В. И. Доказательства. СПб., 1998. С. 25.

Марфицын П. Г., Кожевников В. В. Уголовно-процессуальный аспект механизма правового регулирования. Омск, 1998. С. 119.

Курылев С. В. Установление истины в советском правосудии. Автореф. дис… докт. юрид. наук. М.,1967. С. 6–8. (Цит. по: *Нажимов В. П.* Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград, 1970. С. 15.)

Орлов Ю. К. Основы доказательств в уголовном процессе. М., 2000. С. 8.

Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 12.

Жилин Г. А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М., 2000. С. 258–259.

Концепция судебной реформы в РФ. М., 1992. С. 19, 21.

Строгович М. С. Теория судебных доказательств. М., 1991. С.16.

Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 1997. С. 43.

Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 39, 42.

81

Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность. М., 2000. С. 143.

Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.

[3] *Мухин И. И.* Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971. С. 16.

Рассел Б. Проблемы философии. М., 2001. С. 80.

Догалаков А. Г. Истина как проблема научного познания. Балашов, 1999. С. 125.

Вышинский А. Я. Проблемы уголовной политики. М., 1937.

Уголовный процесс СССР. 1927. С. 24.

Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.

Крыленко Н. В. Лекции о судоустройстве РСФСР. М., 1923. С. 115.

Решетникова И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М., 2˚0о. С. 26–27.

Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000.

Гродзинский М. М. Учение о доказательствах и его эволюция. Харьков, 1925. С. 5.

Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 1997. С. 45.

Статья 176 ГПК РСФСР 1923 г.

Полянский Н. Н. Правда и ложь в уголовном процессе. М., 1927. С. 26.

Там же.

Корноухое В. Е. Проблемы познания в уголовном судопроизводстве. Иркутск, 2000. С. 18–19.

Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 1997. С. 155.

99

Андрес М. А. Из записной книжки советского юриста // Еженедельник Советской юстиции. 1922. № 37–38. С. 8.

Решетникова И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М., 2000. С. 34.

Якупов Р. Я. Уголовный процесс. 1998. С. 176.

102

Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за 2-й квартал 2002 г.

103

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. т.1 стр.290

Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 228.

105

Там же. С. 226.

Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974.

Коваленко А. Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М., 2002. С. 65.

Там же. С. 66.

109

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 339.

Мухин И. И. Важнейшие проблемы оценки судебных доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве. Л., 1970.

[1] [1] Теория доказательств в советском уголовном процессе. 1973. С. 59.

Сырых В. М. Логические основания общей теории права. М., 2000. С. 115.

113

Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 61.

Рустамов Х. Ц. Уголовный процесс. Формы. М., 1998. С. 13.

115

Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 325.

Крыленко Н. В. Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик. М., 1928.

117

Энциклопедия государства и права. М., 1925. Т. 3. Ст. 1331.

Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М., 1979.

Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997. С. 30.

Вопленко Н. Н. Официальное толкование права. М., 1976. С. 5.

121

Нормы советского права. Проблемы теории. Саратов, 1987. С. 23.

Кузнецов В. П., Сальников В. П. Наука о праве и государстве. СПб., 1993. С. 93.

123

Гродзинский М. М. Учение о доказательствах и его эволюция. Харьков,1925. С. 18.

124

Там же.

125

Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 123.

Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М., 2000. С. 66.

Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 51.

Александров Н. Г. Законность и правоотношение в советском обществе. М., 1955.
С. 89, 97.

129

Божьев В. П. Уголовно-процессуальное правоотношение. М., 1975. С. 8.

Там же. С. 42.

Решетникова И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. М., 2002. С. 20.

Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.

Шейфер С. А. Понятие и цели доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 1966. № 9. С. 61.

Серов В. А. Познавательная деятельность в уголовном процессе. Оренбург, 1997.

Жуйков В. М. Проблемы гражданского процессуального права. М., 2001. С. 14.

Концепция уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации // Государство и право. 1992. № 8.

Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 29.

Корнев Г. П. Доказывание и доказательства в уголовном процессе. Н. Новгород,

Рязановский В. А. Единство процесса. М., 1996. С. 17.

Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С. 19.

141

Доля Е. А. Соотношение гносеологической и правовой сторон доказывания в российском уголовном процессе // Государство и право. 1994. № 10. С. 118–120.

Аарон Барак. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 20.

Никитаев В. В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление // Состязательное правосудие. М., 1996. Вып. 1. С. 301.

Вопросы уголовного права и процесса в практике прокурорского надзора. М., 1976. С. 383.

145

Вопросы уголовного права и процесса в судебной практике Верховных Судов СССР и РСФСР. М., 1968. С. 207.

Дормидонтов Г. Юридические фикции и презумпции. Казань, 1895. С. 2, 14.

Гурвич М. А. Судебное решение. М., 1976. С. 81.

Сырых В. М. Логические основания общей теории права. М., 2000. Т. 1. С. 373.

Андраш Тамаш. Судья и общество. М., 1980. С. 59.

Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. С. 30.

Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. С. 83.

Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 124.

153

Фельдштейн Г. С. Учебник уголовного процесса. М., 1915. С. 7.

Лучин В. О. Конституционные нормы и правоотношения. М., 1997. С. 99.

Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право РФ. М., 1997. С. 36.

Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 1997. С. 478.

Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. С. 87.

Труды Томского государственного университета. Томск, 1972.

Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. С. 134.

Там же. С. 178.

Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. М.; СПб., 1995. С. 821.

Бохан В. Ф. Формирование убеждения суда. Минск, 1973. С. 29.

163

Суд и прокуратура по проекту Конституции СССР // Советская юстиция. 1936. № 20.

Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001.

165

Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 7.

Комментарий Уголовного Кодекса Российской Федерации / Под. ред. В. М. Лебедева и Ю. И. Скуратова. М., 2001. С. 769.

Клеандров М. И. Юридические науки и юридическое образование в РФ на рубеже веков: состояние, проблемы, перспективы. Тюмень, 2001. Т. 1. С. 9.

Володина Л. М. Судебная власть и некоторые проблемы уголовного процесса // Юридические науки и юридическое образование в РФ на рубеже веков. Ярославль, 1999. Т. 1. С. 60.

Рязановский В. А. Единство процесса. М., 1996. С. 15.

Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2003. С. 53.

Юридический энциклопедический словарь. М., 1984.

Леонтьев А. Суд и его независимость. СПб., 1905. С. 1, 19.

173

Криминалистика. Учебник / Под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. СПб., 2000. С. 18.

Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. М., 1976. С. 24.

15 *Фаткуллин Ф. Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 8.

Теоретические проблемы методологии исследования государства и права. Казань, 1976. С. 5.

Корнев Г. П. Методологические проблемы уголовно-процессуального познания. Н. Новгород, 1995. С. 19.

Доля Е. А. Соотношение гносеологической и правовой сторон доказывания в российском уголовном процессе // Государство и право. 1994. № 10. С. 121, 128.

Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 180.

Люблинский П. И. Судейское усмотрение // Журнал министерства юстиции. 1904. № 10. С. 253.

Аарон Барак. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 13.

Марфицин П. Г. Усмотрение следователя. Омск, 2002. С. 66–67.

Петрухин И. Л. Состязательность и правосудие // Государство и право.1994. № 10.

Громов Н. А., Гущин Н. А., Пономаренков В. А., Францифоров Ю. В. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2001. С. 70.

185

Там же. С. 75.

Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. Гл. 4.

Кореневский Ю. В. Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность. М., 2000. С. 154–155.

Коваленко А. Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М., 2002. С. 133–134.

189

Громов Н. А., Францифоров Ю. В. Правоприменительная деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и судов. М., 2000. С. 13.

[10] Уголовный процесс / Ред. В. П. Божьев. Изд. «Спарк», 2000.

Якупов Р. Х. Уголовный процесс. М., 1999. С. 60.

192

Громов Н. А. Система конституционных принципов при возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Саратов, 1992. С. 27.

193

Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2003. С. 110–111.

Галлиган Д., Полянский В. В., Старилов Ю. Н. Административное право. История развития и основные современные концепции. М., 2002. С. 199–201.

Панова И. В. Административно-процессуальное право России. М., 2003. С. 35–36.

Строгович М. С. Курс уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.

Жилин Г. А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М., 2000. С. 85.

Орлова О., Вишневская Е. Установление отцовства // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 9. С. 25.

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 136.

Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 85.

Чечина Н. А. Гражданское процессуальное отношение. Л., 1962.

Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1996. С. 10б.

Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С. 78.

Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., С. 85.

Громов Н. А., Францифоров Ю. В. Правоприменительная деятельность органов предварительного расследования прокуратуры и судов. М., 2000. С. 51.

Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 343.

Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1966. С. 65.

Навасардян В. Р. Право на защиту подозреваемого, обвиняемого и подсудимого в уголовном процессе. СПб., 2000. С. 63.

209

Там же. С. 58.

Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 479.

Власов А. А. Адвокат как субъект доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М., 2000. С. 20–21.

Уголовно-процессуальное право / Под ред. П. А. Лупинской. М., 1997.

Божьев В. П. Уголовный процесс. М., 2000.

Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 58.

215

Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991. С. 105, 110, 118.

Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2003. С. 142.

Смирнов А. В. Состязательность процесса. СПб., 2001. С. 18.

Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001. С. 42.

219

Там же.

Строгович М. С. Курс уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.

Розин В. М. Юридическое мышление. М., 2000. С. 3.

Кореневский Ю. В. Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность. М., 2000. С. 162.

Скрипилев Е. А. Развитие русского права в первой половине XIX в. М., 1994.

Немытина М. В. Российский суд присяжных. М., 1995. С. 7.

Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М., 2000. С. 19.

Касавин И. Т. Познание в социальном контексте. М., 1994. С. 35.

Немытина М. В. Суд в России. Саратов, 1999. С. 18.

Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. С. 225.

Леонтьев А. Суд и его независимость. СПб., 1905. С. 23.

230

Там же

231

Хвостов А. М. Как устроен и работает советский суд. Минск, 1973. С. 16.

Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С. 164.

Ляхов Ю. А. Новая уголовно-процессуальная политика. Ростов-н/Д, 1992. С. 7.

Викторов С., Бардин В. Суд тронулся // Коммерсант-Власть. 2001.30 окт.

Вопросы философии. 2001. № 7.

Российский судья. 1999. № 2.

Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к Российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 48 (Тула, 2001).

Топорнин Б. Н. Судебная реформа. Проблемы и перспективы. М., 2001. С. 48.

Агаев Ф. А., Галузо В. Н. Иммунитеты в Российском уголовном процессе. М., 1998.

Наша власть // Дела и лица. 2001. № 7–8.

241

Шум Ю. Суди меня, судья неправедный // Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 19 нояб.

Макарова З. Независима ли независимая судебная власть // Уголовное право. 2001. № 3.

243

Бойцова Л. В. Ответственность государства и судей за вред, причиненный гражданам при отправлении правосудия // Российский судья. 2001. № 4.

Потапенко С. В. П Честь и достоинство судьи // Российский судья. 2001. № 5.

Нажимов В. П. Суд как орган правосудия по уголовным делам в СССР. Автореф. дис… докт. юрид. наук. Л., 1971. С. 28.

Мартынчик Е. Г. Основы формирования приговора в советском уголовном процессе. Кишинев, 1989. С. 85.

Нажимов В. П. Суд как орган правосудия по уголовным делам в СССР. Автореф. дис… докт. юрид. наук. Л., 1971. С. 12.

Козак Д. Н. Суд в современном мире. Проблемы и перспективы // Российский судья. 2001. № 10.

249

Проект Федерального закона «Об оплате труда судей и формировании фонда оплаты труда судей».

Ершов В. В. Судебная власть в правовом государстве. М., 1992. С. 82.

251

Черноморец А. Е. Культура правосудия и гражданско-правовая ответственность судей // Российский судья. 2001. № 10. С. 38.

Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 9. С. 3–4.

Плешанов А. Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М., 2002. С. 21–23.

Там же. С. 37.

Мартынчик Е. Г. Основы формирования приговора в советском уголовном процессе. Кишинев, 1989. С. 10–11.

Кириллова Н. П. Суд присяжных в России и мировой опыт. СПб., 1998. С. 31.

Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. М., 2000. С. 140.

Карнозова Л. М. Возрожденный суд присяжных. М., 2000. С. 301.

Ильин И. А. Теория права и государства. М., 2003. С. 85.

Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960. С. 53.

Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право. М., 1997. С. 131.

Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. М.,1969. С. 29.

Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2°0з. С. 653.

Трухачев В. В. Преступное воздействие на доказательственную информацию. Воронеж, 2000. С. 3.

Там же. С. 4.

Роль суда, государственного обвинителя и защитника в состязательном уголовном судопроизводстве // Российское право. 2000. № 7. С.158.

[27] *Элькинд П. С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. М., 1976. С. 5l.

Карнозова Л. М. Возрожденный суд присяжных. М., 2000. С. 70.

Малиновский А. А. Злоупотребление правом. М., 2000. С. 7.

Мордовец А. Л. Права человека и юридическая ответственность должностных лиц. Личность и власть. Ростов-н/Д, 1995. С. 52.

Бабурин В. В. Преступления против правосудия. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты. Омск, 1996.

Гоошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975. С. 20.

Радьков В. П., Полянский Н. Н. // Советское государство и право. 1951. № 7.

Люблинский П. И. Судейское усмотрение // Журнал министерства юстиции. 1904. № 10. С. 256.

Там же. С. 266.

Ершов В. В. Судебная власть в правовом государстве. М., 2000. С. 11.

Папкова О. А. Понятие судейского усмотрения // Российское право. 1997. № 12. С. 106.

Радьков В. П. Социалистическая законность в советском уголовном процессе. М., 1959. С. 10

Петрухин И. Л. Конституционные основы правосудия в СССР. М., 1980. С. 36.

Там же. С. 59.

Дорохов В. Я., Николаев В. С. Обоснованность приговора. М., 1959. С. 45.

Надь Л. Приговор в уголовном процессе. М., 1957. С. 95.

283

Пункт 4 Постановления Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова» // Конституционный Суд РФ. Постановления, определения. 2001. С. 25.

Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 25.

Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1976. С. 47.

Михайлов С. В. Категория интереса в Российском гражданском праве. М… 2002. С. 13.

Жилин Г. А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М., 2000. С. 51–52.

Статья 6 Европейской конвенции о правах человека.

289

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 94.

Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М., 2003. С. 6.

Гурвич М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 96.

Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1976. С. 99.

Перлов И. Д. Приговор. М., 1960. С. 6.

295

Комментарий к постановлениям пленумов судов РФ (РСФСР) по уголовным делам. М., 2001. С. 162.

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 325.

Перлов И. Д. Приговор. М., 1960. С. 10.

Мотовиловкер Я. О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962. С. 169.

299

Там же.

1959. C. 56.

Халдеев Л. С. Судья в уголовном процессе. М., 2000.

Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1958.

Там же. 1987. С. 778.

Там же.1958. С. 96.

305

Комментарий к постановлениям пленумов Верховных Судов РФ (РСФСР) по уголовным делам. М., 2001. С. 150.

306

Мотовиловкер Я. О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962. С. 174.

Дорохов В. Я., Николаев В. С. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. М., 1959. С. 21.

Ривлин А. Л. Пересмотр приговоров в СССР. М., 1958. С. 207.

Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960. С. 206.

Филановский И. Г. Социально-психологическое отношение субъектов к преступлению. Л., 1970. С. 125.

311

Лесницкая Л. Ф. Пересмотр решения суда в кассационном порядке. М., 1974. С. 18.

Познанский В. А. Вопросы теории и практики кассационного производства в советском уголовном процессе. М., 1978. С. 9.

Ривлин А. Л. Пересмотр приговоров в СССР. М., 1958. С. 205.

Уголовно-процессуальное право / Ред. П. А. Лупинская. М., 1997. С. 467.

315

Мартынчик Е. Г. Особое мнение судьи по уголовному делу. Кишинев, 1981. С. 15.

Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 4.

Карева М. П., Айзенберг А. М. Правовые нормы и правоотношения. М., 1949. С. 6.

Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение. М., 1947. С. 49.

Ковтун Н. Н. Спорные вопросы в теории доказательств. Об устранении действительных и мнимых противоречий в уголовном процессе // Советское государство и право. 1997. № 6.

*Хилл Т.*Современные теории познания. М., 1965. С. 64.

321

Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 37, 56, 57.

Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 305.

Перлов И. Д. Приговор. М., 1960. С. 14.

Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 11.

Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1975. С. 23.

Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе… Харьков, 1979. С. 6.

Радутная Н. В. Народный судья: профессиональное мастерство и подготовка. М., 1977. С. 89.

Кобликов А. С. Судебный приговор. М., 1966. С. 94.

Тамаш А. Судья и общество. М., 1980. С. 64.

Ходыревский С. М. Суд и судебное управление. Воронеж, 1976. С. 7.

Карнозова Л. М. Возрожденный суд присяжных. М., 2000. С. 39.

Там же. С. 33.

333

Там же. С. 286.

Панасюк А. Ю. «Презумпция виновности» в системе профессиональных установок судей // Государство и право.1994. № 3.

Баксанский О. Е. Виртуальная реальность и виртуализация реальности. Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб., 2000. С. 300.

Попов В. Ф. Судебное следствие: проблемы оптимизации. Н. Новгород, 2000. С. 46.

337

Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1986. С. 147.

Боровиковский А. Л. Отчет судьи. СПб., 1895. С. 295.

Юридический словарь. М., 1953. С. 497.

Ильин И. А. Теория права и государства. О сущности правосознания. М., 2003. С. 326.

341

Там же. С. 328.

Проблемы судебной этики / Ред. М. С. Строгович. М., 1974. С. 7.

Кобликов А. С. Юридическая этика. М., 2002. С. 9.

[4] *Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П.* Судебная этика. Воронеж, 1973. С. 273.

Гоошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975. С. 49.

Грошевой Ю. М. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие. Харьков, 1986. С. 25–26.

Закомлистов А. Ф. Философско-правовая доктрина судебной этики. Пермь, 2000. С. 7.

Там же. С. 14.

Бойков А. Д. Третья власть в России. М., 1997. С. 80.

Котляревский С. А. Власть и право. СПб., 1915. С. 120.

351

Подборка материалов для занятий с российскими судьями. Министерство юстиции США. М.,1997.

Закомлистов А. Ф. Философски-правовая доктрина судебной этики. Пермь, 2000. С. 95.